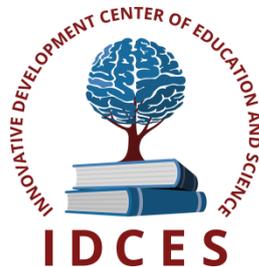

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы юриспруденции
и пути решения**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2018 г.)**

г. Омск

2018 г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

ISSN: 2619-0427

УДК 34(06)

ББК 67я43

Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 5. г. Омск. – НН: ИЦРОН, 2018. 101 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсалямов Рашит Галемзянович (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г.Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (Украина, г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент (судья в отставке) Корниенко Валерий Тарасович (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г.Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г.Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикула Ильмира Рифкатьевна (г.Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г.Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам V Международной научно-практической конференции «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

© ИЦРОН, 2018 г.

© Коллектив авторов

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.....6

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Тепсуев М.С.6

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: НОРМАТИВНО-ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Фролова Е.А.9

СУБЪЕКТ ОБЫЧНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В

Ханкарова З.А., Абуев Д.Д., Сербиев С.С.11

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО.....13

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ОТ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ СО СТОРОНЫ РОДИТЕЛЕЙ

Ахметзянова М.А.13

МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО: СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА

Ерёмин А. В.15

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.....18

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Астапова Т.Ю.18

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ

Астафьева А.А., Коноваленко О.Л.21

РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ

Ковальчук Н.Н.24

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИПОТЕКИ

Кожевникова Н.В.26

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ ПЕРЕЖИВШИМ СУПРУГОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ОДНОПОЛОМ БРАКЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мельникова Н.Н.28

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Набоков В.В., Никитенко И.В.30

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Пчелякова С.Н.34

К ПРОБЛЕМАМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПО ДОГОВОРУ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

Спиридонова А.А., Гумерова Э.Ф.37

ПРАВОВЫЕ НОВЕЛЛЫ УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПО ДОГОВОРУ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

Спиридонова А.А., Гумерова Э.Ф.39

СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	41
НЕНОРМИРОВАННЫЙ РЕЖИМ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И СВЕРХУРОЧНАЯ РАБОТА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ	
Демидов Д.Ю., Данилюк И.А.	41
ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ	
Кулакова С.В.	44
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;	47
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;	
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	47
К ВОПРОСУ О ЗЛУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	
Амиров Р.Э.	47
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА	
Лузянина С.А.	49
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА	
Лузянина С.А.	52
ДЕЙСТВУЮЩЕЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ ВОСПОЛНЕНИЯ	
Сосов А.И.	54
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ	
Царахов С.Б.	57
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА;	
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	60
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
Артамонова Г.В.	60
ОЧНАЯ СТАВКА С АНОНИМНЫМ СВИДЕТЕЛЕМ	
Бардамов С.В.	62
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	
Батаршина О.А.	64
ACTUAL PROBLEMS OF REHABILITATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA	
Batarshina O.A.	64
ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО	
Гончарова Е.О.	66
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРОРА И ЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	
Пшава В.В., Дьяченко В.С.	70

ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ТЕРМИНОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА Усачев А.А., Котлярова Л.Н.	72
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ Шпак-Долженко А.Н.	74
НЕКОТОРЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПУТЕМ ВЗРЫВА Яшин А.В., Мартьянова Я.В.	76
СЕКЦИЯ №8. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	78
ФОРМЫ СОВЕРШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 25 (3) (а) РИМСКОГО СТАТУТА И РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА Кораблева С.Ю.	78
СЕКЦИЯ №9. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	81
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ Рубцова М.В.	81
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Усачев А.А., Котлярова Л.Н.	83
СЕКЦИЯ №10. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	85
ВЫБРАННЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ / SELECTED ASPECTS OF THE EUROPEAN SYSTEM OF INSURANCE OF BANK DEPOSITS/ Даудрих Яна / Daudrikh Yana /	86
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ Карпушкин О.С., Бондаренко М.В.	87
МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ Шумакова Е.В.	92
СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	94
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА Шапиев И.М.	94
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД	99

**СЕКЦИЯ №1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Тепсуев М.С.

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин ЧГПУ, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований
Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова РАН

Для юриспруденции как науки о праве и государстве отправное и обуславливающее значение располагает покоящийся в ее основании тот или другой философско-правовой подход постижения права. Собственно, он устанавливает парадигму, принцип и образец юридического постижения права и государства, именно научно-правовое содержание, предмет и метод соответственной концепции юриспруденции.

В юриспруденции правопониманием называют научную категорию, целенаправленного мышления человека, заключающий в себе сведение о праве, воссоздающее общее направление и результат его восприятия, и взгляд о нем, как о целостном социальном явлении. «Для юриспруденции, как науки о праве и государстве» – отмечал В.С. Нерсесянц, – «исходное и определяющее значение имеет лежащий в ее основе тот или иной тип понимания права»[1]. Но, – «к настоящему времени», – по замечанию М.Н. Марченко, – «выработанного единого представления о праве нет и что многие задачи, касающиеся правопонимания, чуть ли не принялись вечными и неизменными»[2].

Именно тип правопонимания, по мнению В.С. Нерсесянца, определяет парадигму, убеждение и эталон, стандарт, образец (смысловую модель) правового познания. Другими словами, тип правопонимания обуславливает собственно научно-правовое содержание, предмет и метод соответствующей доктрины юриспруденции. Данное обусловлено научно-познавательным статусом и ролью соображения в контексте любой последовательной, систематично обоснованной, сформированной и выработанной доктрины. «Как в семени дано назначенное будущее растение» – писал В.С. Нерсесянц, – «так и в понятии права... заключается обусловленная правовая концепция. Подобно этому, если, мнение о праве – это сокращенная правовая концепция, то юридическая доктрина – это развернутое понятие права. Потому, что лишь правовая наука и есть систематичное и глубокое вскрытие понимания о права в виде обусловленной теории»[3].

Государственно-правовой опыт разных государств и бесчисленные исследования в том числе, проводившиеся в юридической науке по предоставленным вопросам в течение ряда последних веков указывает о расплывчатости воззрения на право. Уже в конце XVIII века в немецкой классической философии, в частности в философии И. Канта, заявлялось о том, что понятие права, каков общий критерий права, на основании какого можно вообще распознавать правовое и не правовое – остается тайной для юриста-правоведа. В конце XIX – начале XX в., теперь уже другой немецкий ученый, знаменитый юрист Р. Иеринг, касаясь проблемы правопонимания, также делал акцент на нерешенность и недостаточность, на неотчетливость и неразборчивость того, что типично называется правом. В своей работе «Борьба за право» (1908 г.), писал он, что термин «право» обнаруживается неясным и как правило, прилагается «в двух значениях: в объективном и в субъективном». В объективном значении право обозначает «совокупность целых оберегаемых государством правовых положений, законный порядок жизни». А, в субъективном – под правом понимают «конкретное проявление теоретических правил в определенном правомочии личности»[4]. И в более поздний период, продолжались высказываться сходные соображения о расплывчатости понимания права и повторяемого им явления и нерешенности проблем правопонимания разнообразными отечественными и зарубежными авторами.

Следует также отметить, что проблемы касающиеся неопределенности понимания и нерешенности права, возбуждали нескончаемые дискуссии на протяжении всей второй половины XX в. Но данные споры не решили указанные вопросы и они продолжают оставаться дискуссионными и вместе с тем весьма злободневными как в российской, так и зарубежной правовой науке до настоящего времени.

Доказательством данного, в подробности, являются проводившиеся споры по данным вопросам и многочисленные научные работы (монографии, брошюры и статьи), изданные в данный период.

Одной из таких дискуссий, которая была проведена в анализируемый период в конце 70-х годов под эгидой журнала «Советское государство и право» была дискуссия о понимании сути советского права. Она заработала чрезвычайно широкую известность, как среди советских, так и среди зарубежных исследователей права. О различных подходах к изучению права, о возможности и «принципиальной допустимости» бытия одного или нескольких дефиниций права, о соотношении права с другими элементами правовой надстройки и др[5]. Данные вопросы были назначены для обсуждения ее участниками. Тем не менее, традиционные задачи, связанные с формированием приемлемого для всех дефиниции права и проблемы его понимания, несмотря на прилагаемые в данное и в более позднее время старания юристов, остаются по сей день весьма актуальными и напряженными[6]. При этом существенно пометить, что в настоящее время отечественными учеными, разработана так именуемая либертарно-юридическая теория правопонимания, которая призвана примерить вечно противоборствующие различные учения (теория) о праве и понимания права[7]. Все имеющиеся в юридической науке учения о праве в своей основе образуют определенный (новый) вид правопонимания, а потому нередко называются не учениями о праве, а типами правопонимания. Существующее разнообразие типов правопонимания, соединено, прежде всего, с тем, что право – одна из самых многогранных, объемных и неоднозначных категорий общественной жизни, а потому единого ее определения (универсального), которое бы удовлетворяло всех (или хотя бы большинство), не существует.

В юридической науке максимальную известность и распространенность приобрели следующие типы правопонимания: психологическая, социологическая, солидаристская, социальная концепции, теория естественного права, неотомизм, юридический позитивизм, нормативизм, марксистская теория права, узконормативное и широкое (философское) правопонимание и др. В рамках психологической доктрины, право рассматривается как совокупность компонентов индивидуальной психики. Представление о праве и сущности выводятся здесь не через деятельность законодателя, а через психологические закономерности – правовые эмоции людей, какие носят императивно-атрибутивный характер, т.е. являются переживаниями, чувства правомочия на что-то (атрибутивная норма) и чувства обязанности сделать что-то (императивная норма). Все правовые переживания можно подразделить здесь на переживания позитивного (установленного государством) права и переживания интуитивного (личного) права, где интуитивное право является подлинным (реальным) регулятором поведения, а потому должно рассматриваться как действительное право. Наряду с этим, предоставленная концепция правопонимания распознаёт официальное право, определенное и обеспечиваемое государством, и неофициальное право, лишенное государственного вмешательства, но все же функционирующее в качестве права.

Таким образом, в психологической теории правопонимания, наравне с государственными установлениями, правом признаются психологические переживания людей. В таком случае правовые нормы могут создаваться и помимо государства, в результате определенных эмоций и переживаний человека. Право рассматривается не как общественное явление, связанное с государством, а как нечто подсознательное, как явление, существующее в сфере чувств, субъективных психических волнений человека. Таким образом, государственное принуждение здесь не выступает в качестве существенного признака права, и на первый план выдвигаются личностно-психологические установки индивида.

Психологическая концепция правопонимания имеет целый ряд положительных моментов, так как в ней обращено внимание на психологические процессы, которые являются такой же реальностью, как процессы экономические, политические, социальные и т.д., что свидетельствует о том, что нельзя издавать законы без учета психологии, нельзя применять их без учета психологических особенностей людей. В рамках психологической теории права повышается роль правосознания в правовом регулировании и в правовой системе общества. Источник прав человека проистекает здесь не из законодательства, а из психики самого человека.

Отрицательными моментами предоставленной теории является то, что вне анализа остаются факторы социально-экономические, политические и ряд иных, от которых тоже зависит природа права, недостаток отчетливых мерил правомерного и неправомерного, законного и незаконного. Этот подход, по существу, растворяет право в субъективной психике человека.

Солидаристская концепция правопонимания построена на идеи солидарности – совместной жизнедеятельности и сотрудничества различных социальных слоев и групп, участвующих в политической жизни, в осуществлении власти. Согласно данной доктрине, каждый член общества обязан осознать,

осмыслить свою социальную функцию, установленную правом. Должен проникнуться идеей необходимости совершения определенных действий, обеспечивающих солидарность всех членов общества. Тем самым, согласно данной теории, право определяется как выразитель солидарности, инструмент, охраняющий общие интересы большинства населения.

Социальная концепция представляет право как средство направленное на изыскание определенных правовых средств, помогающих устранить возможную социальную напряженность, обеспечить правопорядок в обществе, стабильность и устойчивость самой общественной системы, достижения социальной гармонии. Данная доктрина право рассматривает не обособленно, а наряду с иными составляющими социальной действительности – экономикой, политикой, моралью – в их функциональной взаимообусловленности и взаимозависимости. С помощью данной теории делается акцент на социальные функции права в обществе, например, как средства устранения возможных социальных конфликтов, решения иных социальных проблем, распределительного механизма в экономических процессах. Другими словами, прослеживается ориентация права на социальные, общедемократические ценности.

В социальной доктрине права аргументируется необходимость исследования права, как было сказано выше, в его взаимосвязи с другими элементами социальной системы. Однако при этом нередко допускается переоценка роли права, поскольку оно ставится над экономическими отношениями.

Все вышеуказанные концепции правопонимания имеют свои достоинства и недостатки, и имеют свои ценности для юридической науки, которые дают им право на существование и признание. Они вызваны различными историческими, социальными, культурными, политическими и экономическими условиями, которые господствуют в социуме, имеют свои специфические влияния на общественные процессы, общественное развитие. Ими нельзя пренебрегать, нельзя их игнорировать для составления объективной картины о праве.

¹ *Теория государства и права: учебник: для студентов вузов/ [А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев]; под ред.: А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. -2-е изд., перераб. и доп.. -М.: Юрайт, 2011.*

² Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб, 2-е изд., перераб., и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 640 с.

³ Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. Академика РАН, д.ю.н., проф В. С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2008. – 832 с.

⁴ Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб, 2-е изд., перераб., и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 640 с.

⁵ Там же

⁶ Там же.

⁷ К числу основных работ, в которых излагается современный юридический либерализм относят: *Нерсесянц В.С. Право и закон. М.: 1983. Он же. Общая теория права и государства. М.: 1999; Он же. Теория права и государства. М.: 2001.*

Также см. *Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство. М., 2013.*

Список литературы

1. Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб, 2-е изд., перераб., и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 640 с.
2. Нерсесянц В.С. Наш путь праву. От социализма к цивилизму. М., 1992.
3. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998.
4. Теория государства и права. учебное пособие для студентов СГА. Под ред. О.О. Миронова, д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ. Юнита З. М., 2005. – 72 с.
5. *Теория государства и права: учебник: для студентов вузов/ [А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев]; под ред.: А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. -2-е изд., перераб. и доп.. - М.: Юрайт, 2011.*
6. Теория государства и права Учебник для юридических вузов и факультетов, под ред. проф. С.С. Алексеева //изд-во НОРМА. 3-е издание, 2005. - 458 с.
7. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство. М., 2013.
8. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995.

Фролова Е.А.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Центральной проблемой философии права является поиск идеальных оснований права. К этой теме обращались правоведы разных исторических эпох и теоретических направлений. Большой вклад в изучение морально-правовых вопросов внесено неокантианской философией права в России в конце XIX-начале XX века. Известный отечественный правовед Павел Иванович Новгородцев обосновывал нравственно должное в праве и доказывал необходимость самостоятельного значения нравственной оценки явлений права и государства для науки философии права [8, с.2; 3, с.14-27; 15, с.68-78].

Поставив вопросы философского познания права на почву этики, П.И. Новгородцев, яркий представитель баденской школы неокантианства, оправдывал идеализм в качестве исходного пункта всех моральных определений и абсолютизм в виде неизменной формы и сущности моральных предписаний. Этика, как область свободы, полагал мыслитель, предполагает самодостаточность и самоопределение личности. Социальные требования приобретают нравственный характер только через самоопределяющуюся личность. Это – почва, на которой воздвигается высшее благо нравственного мира, нравственная основа социума. Вне общественных союзов личность не может проявить всего содержания нравственных целей, с другой стороны, вне автономной личности вообще нет нравственности. Таким образом, личность, с точки зрения неокантианской философии, является границей между царством необходимости и царством свободы.

Нравственный идеализм определяет направление и цель развития общественной среды; его конечная цель – возвышение нравственного достоинства и нравственного сознания всех индивидов.

Нормативно-этическая теория рассматривает нравственное начало как внутреннюю абсолютную ценность. При этом неизменная форма нравственных предписаний наполняется различным содержанием нравственной идеи; на этом соотношении основывается не только теория естественного права с изменяющимся содержанием, но и сама возможность построения идеалов.

Развивая философию Канта, русский правовед утверждал, что абсолютизм нравственного закона относится только к его форме, но не к содержанию. В связи с этим нравственный закон может признаваться масштабом оценки явлений, в том числе, в области политики и права. Таким образом, являясь по существу формальным, моральный принцип не устраняет возможности своего сочетания с временными конкретными целями.

П.И. Новгородцев воспринял идеи моральной философии И. Канта с учетом дополнений ее положениями учений родоначальников баденского неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. По мнению русского правоведа, реализация нравственного закона зависит не только от нашей воли и силы ее нравственных стремлений (Кант), но также и от наличных средств, поэтому представление о нравственном должностовании должно быть восполнено изучением причинных соотношений (баденская школа неокантианства). «Задача нашего времени, как и эпохи непосредственных преемников Канта, состоит в том, чтобы понять связь двух областей и их конечную гармонию. Эта задача выводит нас за границы как положительной науки, так и моральной философии: мы вступаем здесь в область метафизики» [8, с.296]. В области философии права неоднократно обращалось внимание на то, что элементы причинной необходимости могут вступать в противоречие с нравственными законами, однако это случается только в пределах эмпирических явлений, конечное торжество заключено в высшем единстве и гармонии. Именно в этом синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели неокантианцы видели соединение принципов должностования с началами бытия.

Цель учения Новгородцева – разобрать лишь один пункт новой методологической программы общественных наук – вопрос о самостоятельном значении нравственной проблемы в независимости от ее генетического анализа, показать возможную связь этического начала с правовыми воззрениями в области философии права [7, с.10-11; 6, с.52; 9, с.8-9]. Формальный нравственный принцип позволяет признать идею вечного развития и совершенствования.

Основным вопросом философии права Новгородцев считал вопрос о высших и последних основаниях юридических установлений. Исходя из различения теоретической и практической областей духовной жизни человека, мотивы естественно-правовых построений теоретик права соотносил с опытом (наукой) и этикой (нравственным сознанием) [7, с.4; 9, 263]. Человеку свойственно видеть в праве

установление, зависящее от личной воли и, в то же время, составляющее часть нравственной субстанции. Если осмысливать право, как продукт воли индивида, то возникает стремление воздействовать на положительное право, в смысле приближения его к нравственному идеалу. Таким образом, ученый обосновывал идею естественного права как синтез двух разнородных областей: права и нравственности.

Вывод русского философа права заключался в констатации двух существенных моментов естественно-правовой идеи: нравственной оценки положительных учреждений и стремления к философскому исследованию основ права [7, с.6]. Оценки в правовой сфере, согласно подходу Новгородцева, могут быть двоякого рода: с позиции целесообразности и с точки зрения нравственности.

П.И. Новгородцев обращал внимание на коллизию права и нравственности – *summum jus est summa injuria*. Общеизвестно, что установлением писаных законов право получило абстрактную форму твердых и общих определений. Однако, как бы удачно ни были сформулированы законы, они могут оказаться несправедливыми в применении к отдельным случаям либо стать неудовлетворительными с течением времени. Эта коллизия не может быть решена одними законодательными мерами – изданием твердой нормы, поскольку отношения, к которым она применяется, подлежат изменению. Возникает проблема соответствия изменяемой области права и неизменной сферы нравственности. Право, исходя из этих замечаний русского правоведа, является частью нравственности, имеющей свои собственные пустоты и противоречия, в том числе чисто юридического характера, не относящиеся к морали (например, система процессуальных норм).

Основу и права, и нравственности Новгородцев видел в развитии личного сознания. Действительно, естественное право возникает как продукт индивидуального сознания, которое оценивает (как правило, критически) несправедливые предписания положительного права. Нравственная критика права, по мнению философа права, равносильна сознательному отношению к действительности. Следуя кантовской методологии, рациональность в области моральной философии Новгородцев видел в стремлении к сознательному усвоению каждой личностью нравственных начал.

Уровень философии права предполагает постановку универсальных проблем в области познания права – поиск предельных оснований в области государства и права, выявление сущности, ценности права. Новгородцев – философ права, задающий высокую планку теоретического осмысления природы права и морали, соотношения личности и государства. В историческом контексте его концепция явилась составной частью гуманитарного направления, возникшего в начале XX века как реакция на позитивный тип мышления. В современной трактовке проблем философии права остаются востребованными идеи естественного права как ценностного мышления своей эпохи и морального масштаба оценок поведения членов общества.

Список литературы

1. В.А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т.1.М., 1909.
2. Виндельбанд В. О принципе морали / Прелюдии. М., 2011.
3. Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. №9. С.14-27.
4. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2017.
5. Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М., 2013.
6. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904.
7. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии М., 1896.
8. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901.
9. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. (К вопросу о возрождении естественного права) // Проблемы идеализма. М., 1902.
10. Новгородцев П.И. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический Вестник, 1913а, т.3.
11. Новгородцев П.И. Современное положение проблемы естественного права // Юридический Вестник, 1913б, т.1.
12. Петражицкий Л.И. О социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический

- Вестник. 1913, т.2.
13. Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб, 2010.
 14. Трубецкой Е.Н. Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // Вопросы философии и психологии. Кн. I (61). М., 1902.
 15. Фролова Е.А. Методологические основы неокантианского учения П.И. Новгородцева // Государство и право. 2012. №5. С.68-78.

СУБЪЕКТ ОБЫЧНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В

Ханкарова З.А., Абуев Д.Д., Сербиев С.С.

(Ханкарова З.А. - Старший преподаватель кафедры «История и право» Института экономики и права, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова;

Абуев Д.Д. - Директор департамента правового обеспечения, комплексного анализа и защиты информации, министерства труда, занятости и социального развития Чеченской республики;

Сербиев С.С. - Старший преподаватель кафедры «Автоматизация и транспортные системы» Института нефти и газа, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова)

Субъектами обычного уголовного права были: коллектив (фамилия, патронимия, община) и индивид. Характер соотношения коллективной (общинной или родственной) и личной ответственности менялся в зависимости от ряда обстоятельств. Наиболее тяжкие и бесчестные проступки, по представлению северокавказских народов и согласно адату, были нарушения неприкосновенности лиц, находившихся не под защитой фамилий, а под защитой всей общины: гостей, путников, пастухов и других наемных работников, временно обосновавшихся в селении ремесленников, кровников, нашедших защиту у общества.

Ущерб должен был либо возмещаться в материальной форме, либо подвергаться отмщению. Согласно обычному праву народов Северного Кавказа кровная месть рассматривалась как правонарушение по отношению к целой патронимии: «эти действия пятнают бесчестьем не отдельного человека, а весь его род, тухум»¹. Институт кровной мести подробно описан в работах этнографов (И.Л. Бабич, В.О. Бобровникова, К.А. Кокурхаева, А.Р. Плиева и др.). По их мнению, не существовало жесткой связи между обстоятельствами исходного конфликта и последующими совершением мести как ответа на этот конфликт. Коста Хетагуров описывал случаи кровной мести у осетин, вызванной осквернением дома, например, снятием и выбрасыванием фамильной надочажной цепи. К.А. Кокурхаев описывает, как в чеченском обществе XV-начала XIX вв. за нанесенную пощечину или удар плетью совершалась кровная месть². На бытование мести влияла сословная иерархия в аристократических обществах Северного Кавказа. В кабардинском обществе, где существовал уоркхабзэ, т.е. кодекс чести князей и узденей, причинение женщине оскорбления в высшем сословии - вызывала месть, а в низших - выплату компенсации. И.Л. Бабич приводит случай, когда в кабардинском селении Тыжево сельчанин оскорбил соседку. Она пожаловалась мужу и в отместку тот попытался убить виновного соседа. На Северо-Западном и Центральном Кавказе, преобладала выплата композиции, а на Северо-Восточном Кавказе - совершение кровной мести⁴. В Дагестане «если при встрече с убийцей член рода не совершал акта кровной мести, общественное мнение всей общины резко осуждало его». Месть совершал либо сам потерпевший (если он остался жив), в случае его смерти кто-либо из его ближайших родственников, как правило, братья. У балкарцев за убийство человека мог мстить либо любой член семьи, патронимии, либо друг, кунак и т.д. При оскорблении или изнасиловании женщин мстили их мужа, за девушек - их братья.

Развитие горского уголовного адата в первой половине XIX в. шло по пути ограничения обычных правовых норм, связанных с кровной мостью, и в первую очередь, это касалось сокращением круга лиц, подвергавшихся юридической ответственности в случае отмщения, и расширение сферы выплат композиций на больший круг причиненного ущерба.

Возмещение ущерба зависело от многих факторов (сословного, психологического, религиозного и т.д.). Решение о выплате компенсации ущерба осуществлялось адатным судом. Среди главных форм имущественного ущерба были: порча сенокосных земель стадами овец и скота, кражи и грабёж (домашнее имущество, скот), ранение или убийство животных (быков, лошадей, буйволиц, собак). По адатам всех народов Северного Кавказа любой имущественный ущерб должен был компенсироваться. По осетинским адатам «уличенный в воровстве обязан сделать обокраденному удовлетворение в два раза более против учиненной им покражи, да еще в пять раз более оной заплатить штраф своему помещику».

Возмещение физического ущерба сопровождалось выплатой так называемой «цены крови» (композиции) или выселение виновного и его семьи из родного селения на время или навсегда. Размер назначаемых адатным судом композиций был велик, поэтому члены фамилий и патронимии принимали участие в их выплате. Композиция за убийство женщины была ниже, чем за убийство мужчины⁶, за другие преступления против женщины адатные «наказания» были более строгие. Так, в статьях 158,162 Собрания адат Даргинского округа написано: «За нанесение мужчины побоев, хотя бы и остались знаки, а также за нанесение раны, не требующей лечения, виновный никакому взысканию не подвергался. За нанесение побоев женщине, если не она первая начала драку, взыскивается в ее пользу один бычок. Если женщина была беременна и последствием побоев был выкидыш, то сверх того, дело разбирается по шарияту».

Для примирения враждующих сторон применяли и институты общественного быта (аталычество, установление молочного родства, статус старшей женщины, гуацэ, кабард.). Институт аталычества, т.е. воспитание ребенка в чужой семье, заключался в следующем: желающий забрать чужого ребенка, как правило, мальчика, к себе на воспитание делал это либо открыто, т.е. с согласия его родителей, либо тайно, с помощью совершаемой ночью кражи. Обычно этот институт использовался в адыгском обществе для получения дворянского звания, установления родственных связей с княжеской фамилией и т.д. Но в адатах западных адыгов обнаруживаем норму, согласно которой в среде привилегированного сословия применялось воспитание сына в возрасте от 4 до 9 лет кровника или его ближайшего родственника до совершеннолетия в семье убийцы, после чего мальчик возвращался, виновный дарил подарки семье убитого и просил прощение, после получения которого, он становился единокровным родственником семьи убитого³.

Установившиеся между сторонами кровные отношения могли быть урегулированы посредством брака между взрослыми детьми из враждующих семей. Совершивший убийство человек, мог прибегнуть к покровительству женщины, скрывшись на ее половине дома. Убийца чувствовал себя в безопасности до тех пор, пока находился в ее доме. Если кровник хотел отомстить виновному за убийство или ранение своего родственника, он должен был дожидаться, когда тот покинет дом женщины. Если пожилая, уважаемая в своей общине женщина, принадлежавшая к привилегированному сословию, оказывалась свидетельницей драки, она могла, сняв с головы платок, встать между дерущимися. Участники конфликта обязаны были прекратить ссору.

У осетин, карачаевцев, адыгов для примирения конфликтующих сторон использовался и институт молочного родства. Его суть заключалась в том, что если убийце удавалось, открыто или тайно коснуться губами груди матери потерпевшего, он становился родственником всей семье потерпевшего и мог не бояться мести с их стороны. Если эта церемония делалась с согласия матери потерпевшего, то старший этого рода произносил следующие слова: «Да пусть никогда не повторится вражда между нами, да пусть нас вечно связывают узы родства и дружбы!».

Анализ институтов обычного права народов Северного Кавказа показал, во-первых, разную степень разработанности норм семейно-брачного, наследственного, вещного, обязательственного и уголовного институтов права. Гражданское право практически у всех северокавказских народов находилось на стадии формирования, что во многом связано с до-государственными формами общественного развития горских народов. Во-вторых, в ходе выделения субъектов права отдельных норм адата обнаружили, что в разных институтах права его субъектами становились разные лица или объединения, что объясняется особенностями и уровнем той сферы горской жизни, которую обычное право «обслуживало». Этот фактор сказывался и на характере формировавшихся у горских обществ разных форм правоотношений при регулировании тех или иных конфликтов в обществе.

Список литературы

1. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа.
2. История народов Северного Кавказа Конец XVIII в. - 1917 г. М., 1988.

3. История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1967.
4. Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1811). Т. II.
5. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI начале XIX в. М., 1972.
6. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII - начало XIX века). Якутск, 1978.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА ОТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ СО СТОРОНЫ РОДИТЕЛЕЙ

Ахметзянова М.А

Набережночелнинский институт ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Во многих нормативно-правовых актах как международного, так и внутригосударственного характера отмечается, что ребенок, являясь в силу своего возраста, физического и психического развития, в большей степени подверженным различного рода давлению, нуждается в постоянной заботе, а также охране своих прав, свобод, а также законных интересов. Притом данная защита начинается не с момента его рождения, как многие полагают, а еще до его рождения, при нахождении в утробе матери.

В Российской Федерации в соответствии с п. 1 ст. 56, а также п. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – СК РФ), защита прав, свобод, и законных интересов ребенка осуществляется в первую очередь его родителями. Однако, к большому сожалению, многочисленные выявленные факты нарушения прав детей дают основание полагать, что далеко не все родители осуществляют требуемую заботу, внимание и воспитание.

На основании п. 2 ст. 56 СК РФ, у несовершеннолетних детей имеется право на защиту от злоупотреблений, исходящих от их же собственных родителей, а в некоторых установленных законом случаях, от лиц, которые их заменяют. В случае неисполнения, ненадлежащего исполнения, или же злоупотребления одним из родителей, или обоими родителями возложенных на них государством обязанностей по воспитанию, обучению, социализации, а также удовлетворению интересов ребенка, последний может самостоятельно обратиться в соответствующие территориальные органы опеки и попечительства за защитой. Помимо прочего, по достижению несовершеннолетним возраста 14 лет, он вправе обратиться в суд.

В соответствии со статистическими данными Росстата, ущемление и нарушение прав несовершеннолетних в большинстве случаев наблюдаются в семьях с низкой правовой и социальной культурой, т.е. в семьях, в которых родители ведут девиантный образ жизни – систематически употребляют алкогольные напитки, наркотические и психотропные средства, не имеют постоянного места работы, нарушают правопорядок, состоят на учете у правоохранительных органов, не исполняют обязанности по воспитанию несовершеннолетних и т.д. Однако это не отменяет возможности нарушения прав ребенка в полной и выглядящей на первый взгляд благополучной семье.

В случае появления в жизни ребенка негативных ситуаций и злоупотреблений их прав, они зачастую не обращаются за помощью просто потому, что не знают о своем праве на защиту, и не понимают к кому можно обратиться за помощью. И им приходится терпеть все унижения, оскорбления, а в некоторых случаях и физическое давление, выражающееся в нанесении несовершеннолетним побоев. Притом детская психика устроена так, что со временем они начинают воспринимать такое обращение к себе как должное, хотя в соответствии с действующим законодательством родители в ходе осуществления своих прав и обязанностей по воспитанию детей, не имеют никакого права причинять им какую бы то ни было физическую, психическую или нравственную боль, негативно сказывающуюся на их воспитании и развитии.

Одним из шагов, который позволит сократить количество нарушений в данной сфере, является развитие системы информационного и правового обучения детей их правам и обязанностям, особенно внутри семьи, потому как именно институт семьи осуществляет базовое формирование ребенка как личности.

В большинстве случаев территориальные органы опеки и попечительства узнают об имеющихся правонарушениях интересов детей от соседей, или через учреждения дошкольного образования и из мест обучения детей, к которым относятся детские сады, кружки, секции, школы, колледжи и т.д. Крайне малое количество сигналов о нарушении родителем или обоими родителями прав, свобод и законных интересов поступает в соответствующие органы от самих детей.

Данный факт объясняется еще и тем, что в глазах населения органы опеки и попечительства рассматриваются с негативной точки зрения, и ассоциируются исключительно с лишением родителей прав на ребенка. Потому ребенок и боится сообщить о своей проблеме и потерять родителей, которых несмотря ни на что, он все равно любит.

Помимо обращения в органы опеки и попечительства, практически отсутствуют и случаи обращения несовершеннолетних в органы судебной системы, а также в органы прокуратуры за защитой своих нарушенных прав. Хотя в соответствии со ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту - ГПК РФ) при получении прокурором сведений о нарушении прав несовершеннолетних, и их дальнейшем подтверждении в ходе проведения прокурорской проверки, он может обратиться в суд в качестве процессуального истца с заявлением в защиту их интересов.

На практике довольно трудно осуществить указанное в п. 2 ст. 56 СК РФ право, по которому по достижению несовершеннолетним возраста 14 лет, он может самостоятельно обратиться в суд с целью защиты нарушенных родителями прав, свобод и законных интересов, потому как в ГПК РФ не определяется положение несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, при рассмотрении подобного рода дел.

Согласно действующему законодательству, суд правомочен привлечь к участию в рассматриваемом деле законного представителя несовершеннолетнего. Однако возникает коллизия, если ребенок обращается в суд с заявлением о защите своих прав, свобод и законных интересов от посягательства со стороны родителей, потому как родители при рассмотрении такого дела не смогут быть привлечены в качестве законных представителей несовершеннолетнего в соответствии с п. 2 ст. 64 СК РФ. Скорее всего, суд, используя нормы ст. 78 СК РФ, обяжет присутствовать при рассмотрении такого дела территориальные органы опеки и попечительства, потому как это положение имеет распространение на все споры, связанные с воспитанием детей, вне зависимости от того, кем было подано заявление о защите нарушенных прав, свобод и законных интересов ребенка.

В свою очередь органы опеки и попечительства, основываясь на п. 2 ст. 64 СК РФ, должны назначить ребенку представителя, однако данная норма не дает четкой категории лиц, которые могут выступать в качестве представителей несовершеннолетнего. По логике вещей, в том случае, если заявление о защите нарушенных прав, свобод и законных интересов ребенка подается в адрес одного из родителей, представителем назначается второй родитель. Однако, в случаях, если подается заявление, в котором фигурируют оба родителя, или же у ребенка по тем или иным жизненным обстоятельствам имеется только один родитель, или же ребенок не находится под опекой или попечительством, но в то же время не усыновлен, вопрос остается без ответа. Лицами, исследующими данный вопрос, выдвигается предложение, которое может быть выходом из сложившейся ситуации, и заключается оно в назначении в качестве представителя несовершеннолетнего, профессионального адвоката, являющегося советником в области вопросов права.

В связи с этим предлагается дополнить ч. 4 ст. 37 ГПК РФ положением о том, что «в случае обращения в суд несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет за защитой своих прав и законных интересов против обоих родителей или единственного родителя в соответствии с п. 2 ст. 56 СК РФ суд обязан назначить ему в качестве представителя адвоката». Представителю же органа опеки и попечительства будет предоставлена возможность дать объективное заключение по делу.

Полагаем, что в данной ситуации адвокат должен оказывать ребенку юридическую помощь в соответствии с ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», в связи с чем ч. 1 ст. 20 указанного закона необходимо дополнить положением о том, что право на получение всех видов бесплатной юридической помощи помимо прочего «имеет ребенок в случае злоупотреблений в отношении него со стороны родителей (лиц, их заменяющих), а также несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, при обращении в суд за защитой против обоих родителей или единственного родителя. Следовательно, п. 2 ст. 56 СК РФ подлежит дополнению в части того, что ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой в орган опеки и попечительства, в адвокатуру, а по достижении возраста четырнадцати лет – в суд.

В результате ребенок любого возраста будет иметь возможность обратиться за правовой помощью к адвокату при наличии обстоятельств, предусмотренных п. 2 ст. 56 СК РФ, а при самостоятельном обращении в суд по достижении возраста 14 лет ему будет гарантирован профессиональный представитель.

Дети через средства массовой информации, объявления в школах, медицинских, социальных и в иных организациях должны быть оповещены об адресах, режиме работы, номерах телефонов, адресе электронной почты, куда они могут обратиться за помощью. Конечно же, дети смогут обращаться в такие центры и по всем другим вопросам, касающимся их прав и законных интересов, в том числе по административным и уголовным делам. Помощь должна оказываться также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Представляется, что усиление роли адвокатов в деле защиты прав детей во взаимодействии с органами опеки и попечительства, прокуратурой, судом, другими уполномоченными органами, а также учреждениями (организациями) независимо от их ведомственной принадлежности принесет подрастающему поколению огромную пользу. Профессиональный подход к разрешению споров в интересах детей, но с учетом определенных жизненных обстоятельств той или иной семьи, наверняка позволит разрешить многие конфликты между детьми и родителями и путем мирного урегулирования.

МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО: СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА

Ерёмин А. В.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Санкт-Петербург

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9] содержится определение «местное самоуправление» (ч.2 ст.1). Этот институт, будучи рассмотрен как отвлеченное понятие, представляет собой совокупность общественных отношений, складывающихся в определенной сфере — местном самоуправлении, и специфических по своему содержанию и субъектам. Причем в теории муниципального права сохраняются различные подходы в этом вопросе как в части содержания (группы видов общественных отношений), так и участвующих в них субъектов [8, с.18-25]. Причина этого, по-видимому, заключается в самой «обширности» местного самоуправления, которое требует решения вопросов местного значения всеми заинтересованными субъектами, начиная от публично-правовых образований и заканчивая гражданами и общественными объединениями.

Одним из таких субъектов является так называемое «местное сообщество». В Российской Федерации наблюдается особый подход в отношении коллективных субъектов. Так, Конституция Российской Федерации закрепляет в Преамбуле и статье 3 понятие «многонациональный народ России» как единственного источника власти в государстве, осуществляющего её непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления [5].

В Уставах субъектов Российской Федерации (территориальные образования) используется различные понятия, например, «жители» (Преамбула; ч.1 ст.4 Устава Санкт-Петербурга; Преамбула Устава Псковской области) [13; 12], «граждане, проживающие на территории области» (ст.3 Устава Новгородской области) [11] или «население области» (ч.1 ст.1 Устава Московской области) [10]. В других субъектах Федерации (государственных и национально-государственных образованиях) в Конституциях появляется дополнительное указание на «народ/ы, проживающие на территории республики» (Преамбула, ст.3, 9 Конституции Республики Коми) [4] или «население» (Конституции Республики Карелия) [3]. Иными словами, в отношении регионального коллективного субъекта специальное обозначение отсутствует, а основным показателем является территориальная связь — место проживание на территории субъекта Федерации.

Что касается коллективных субъектов, действующих в границах муниципальных образований, то Федеральный закон № 131-ФЗ использует разнородную терминологию — «население» (ст.1, 2), «жители муниципального образования» (ст.24) или «граждане, обладающие избирательным правом/ правом на участие в референдуме» (ст.22, 24, 25, 26) в зависимости от конкретной ситуации. В региональном же законодательстве, а также в муниципальных правовых актах муниципальных образований соответствующих субъектов Федерации, может применяться и специальный термин — «местное сообщество» (ч.2 ст.67 Устава

Московской области). Впрочем, это понятие не является повсеместно распространенным: для субъектов, например, расположенных в Северо-Западном федеральном округе, применение подобного понятия является не характерным. В правовых актах тех субъектов Федерации — Москвы и Московской области, Севастополя и Ростовской области, Тульской и Тверской областей, Республики Саха (Якутия) и Красноярского края и других, - в которых оно закреплено, не раскрывается его смысл. Иными словами, существование «местного сообщества» может признаваться, но его значение по сути дела сводится к констатации связи населения и муниципального образования в территориальном плане.

Местное самоуправление в качестве одной из отличительных черт имеет ярко выраженный локально-территориальный характер, который проявляется в том, что, во-первых, местное самоуправление осуществляется на низовом уровне власти, в границах муниципальных образований (поселениях и на других территориях) (ст.131 Конституции России), а не административно-территориальных единиц. Это не исключает наложения границ разных по природе образований друг на друга. Во-вторых, в неразрывной связи населения, проживающего на территории муниципального образования, и последнего, поскольку только по месту проживания гражданин реализует свое право на осуществление местного самоуправления непосредственно и/или через органы местного самоуправления.

Бесспорно, указанная выше связь важна, но только ей многогранность отношений «население-муниципальное образование» не исчерпывается. В этом плане применяемая в нормативных правовых актах, прежде всего, Российской Федерации и частично субъектов Федерации терминология представляется несколько схематичной; гораздо продуктивнее в этом смысле выглядит понятие «местное сообщество».

В теории муниципального права активно используются оба понятия - «население муниципального образования» и «местное сообщество» [например, 6, с. 26; 7, с.104; 8, с.82; 16, с.27-28], причем как синонимичные. По этой причине давать определение «местному сообществу» считается излишним. В качестве примера можно сослаться на легальное определение из Закона Республики Бурятия от 5 сентября 1995 г. № 176-1 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Республике Бурятия», которое приводит Е. С. Шугрина: «местное сообщество — это население, проживающее в муниципальном образовании, объединенное общими интересами в решении вопросов местного значения» [16, с.28].

Объясняя одно понятие через другое, мы, конечно, совершаем логическую ошибку, и эта ошибка дает определенный результат — она доказывает нетождественность обоих понятий. Местное сообщество, как это указывается в определении Закона Бурятии, ставит своей целью решение вопросов местного значения, т. е. «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно» (ч.1 ст.2 Федерального закона № 131-ФЗ). Однако понятие «население» имеет общий смысл, охватывая всех граждан, проживающих на территории муниципального образования. В их число включены и те, кто не может принимать участие в осуществлении местного самоуправления в виду отсутствия оснований для этого — это, прежде всего, не достижение возраста 18 лет, а в определенном случае — 16 лет.

Таким образом, понятие «местное сообщество» объединяет не все население муниципального образования, а его политически активную часть. Рассматривая местное самоуправление, необходимо выделять в нем двух субъектов — активного (местное сообщество, решающее вопросы местного значения) и пассивного (население, в чьих интересах решаются вопросы местного значения).

В таком аспекте более предпочтительным выглядит мнение А. Н. Костюкова, который отмечает, что оба понятия «можно либо отождествлять, либо разграничивать по их общелексическому значению, имея в виду, что «население» — это группа лиц, формально объединенных территорией проживания, а «местное сообщество» — объединение людей по месту жительства, связанных формальными и неформальными отношениями» [8, с.82]. В связи с этим стоит заметить, что в литературе высказывается мнение о множественности местных сообществ, существующих в границах одного муниципального образования [2, с.67-117]. Эта точка зрения основывается на довольно сомнительном основании, поскольку смешивает и публично-властные сообщества, и общественные (территориальное общественное самоуправление) и гражданско-правовые институты (жилищные).

Все сказанное выше относительно «местного сообщества» касалось только одного аспекта местного самоуправления — политического, формального. Данный аспект важен и в какой-то мере приоритетен, так как право на осуществление местного самоуправления — это политическое право, которое граждан согласно статье 3 Федерального закона № 131-ФЗ реализует в различных формах — это участие в местных

референдумах, муниципальных выборах, иные формы прямого волеизъявления, а также через выборные и иные органы местного самоуправления. В этом аспекте муниципальное образование в лице местного сообщества и/или органов местного самоуправления отражают публично-властную сторону местного самоуправления. В. Е. Чиркин, обосновывая понятие «территориального публичного коллектива» как одного из носителей статуса юридического лица публичного права, связывает его с понятием «источника публичной власти»; это позволяет ему отделять «коллектив» от публично-правовых образований и от административно-территориальных единиц [15, с.171-174, 192-193].

Только политико-властным измерением местное самоуправление не ограничивается. Н. С. Бондарь предложил рассматривать местное самоуправление как явление, обладающее триединой конституционно-правовой природой: институт правового положения личности, выражение муниципальных институтов гражданского общества и институт публичной власти [1, с.48-62]. О публично-властном аспекте местного самоуправления как форме муниципальной власти было сказано достаточно, а субъективно-личностный — как право гражданина на осуществление местного самоуправления — для наших рассуждений неважен.

Остается лишь социальный аспект местного самоуправления как формы самоорганизации населения (гражданского общества), проживающего на территории муниципального образования и связанного общими интересами. В этом аспекте к формальным связям, скрепляющим «местное сообщество», можно добавить неформальные. Ю. Филиппов и В. Гассий отмечали, что местное сообщество можно охарактеризовать лишь по совокупности признаков, которые в свою очередь в зависимости от избранного подхода могут быть самые разнообразные: а) население/общность людей (историческая, культурная, соседская), б) пространство в пределах определенных границ (географических, административных, экономических, информационных), в) социальное взаимодействие (соседские отношения, общие правила и нормы поведения, общие властные структуры, общественные услуги, организации, взаимосвязь в производственной деятельности), г) чувство сообщества (общность ценностей, чувство принадлежности, чувство сопричастности к событиям в сообществе, чувство ответственности перед сообществом) [14, с. 65-67].

Таким образом, местное сообщество представляет собой особый социальный организм, в политическом (формальном) плане отличный от населения, проживающего на территории муниципального образования, и вместе с тем являющийся его частью как носитель неформальных связей. Хотя в правовых актах Российской Федерации понятие «местное сообщество» используется не регулярно, но все же линию разграничения они устанавливают.

Список литературы

1. Бондарь, Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. - Москва: Норма, 2008. - 592 с.
2. Кокарев, И. Е. Местные сообщества и местное самоуправление: технологии участия. - Москва: МОНФ, 2007. - 208 с.
3. Конституция Республики Карелия: принята ВС КАССР 30 мая 1978 г. в ред. от 20 января 1994 г. с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
4. Конституция Республики Коми: принята Верховным Советом Республики Коми 17 февраля 1994 г. с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС-Консультант плюс.
6. Кутафин, О. Е. Муниципальное право Российской Федерации / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. - 3-е изд. - Москва: Проспект, 2011. - 672 с.
7. Муниципальное право России / Под ред. А. Н. Кокотова. - 4-е изд. - Москва: Юрайт, 2014. - 567 с.
8. Муниципальное право России / под ред. А. Н. Костюкова. - Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. - 687 с.
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. №131-ФЗ с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
10. Устав Московской области: принят решением Мособлдумы от 5 ноября 1996 г. № 5/108 и решением Мособлдумы об отклонении заключения Главы Администрации МО от 4 декабря 1996 г. № 6/112 с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
11. Устав Новгородской области: принят Постановлением Новгородской областной Думы от 31 августа 1994 г. № 65-ОД с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.

12. Устав Псковской области: принят Псковским областным Собранием депутатов 29 марта 2001 г. с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
13. Устав Санкт-Петербурга: принят ЗС СПб 14 января 1998 г. с изм. и доп. // СПС-Консультант плюс.
14. Филиппов, Ю., Гассий, В. Развитие местных сообществ // Муниципальная власть. - 2004. – № 11-12. - С. 64-72.
15. Чиркин, В. Е. Юридическое лицо публичного права. - Москва: Норма, 2007. - 352 с.
16. Шугрина, Е. С. Муниципальное право России. - 2-е изд. - Москва, 2007. - 672 с.

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Астапова Т.Ю.

Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва

Одной из разновидностей юридических связей являются обязательственные отношения. Без них невозможно осуществление деятельности не только физическими и юридическими лицами, но и государством в целом. В первую очередь это обусловлено тем, что если субъект, обладающий имуществом на праве собственности, может удовлетворить свои потребности самостоятельно, то достичь желаемого материального блага, не принадлежащего ему, он может только с помощью обязательственного права.

Говорить об обязательствах в современном их представлении следует с момента отрыва ответственности от личности и привязки ее к имуществу. Историческим фактом, подтверждающим это, является то, что в древности практически у всех народов мира действовал принцип мести «око за око, кровь за кровь». В последующем становится очевидным его вредное воздействие на общественную жизнь, обуславливая необходимость замены на частный штраф. Так, уже памятник славянского права XI-XII в.в. Русская правда среди таких мер называет виру или вергельд.¹

Кроме этого, в период Древнерусского государства обязательства вели к установлению прав на личность. Поэтому их неисполнение могло иметь своим последствием превращение обязанного лица в холопа.² Позднее Судебник Иоанна IV сменил обращение взыскания с лица на его имущество, подкрепляя, тем самым, идею об их имущественной природе обязательств.³

При этом важным является то обстоятельство, что имущественный характер действий должника как основной признак обязательств был назван еще римским правом. Так, в Институциях Юстиниана обязательство определялось как правовые узы, в силу которых лицо связано необходимостью что-либо исполнить в соответствии с законодательством.⁴ Например, дать, сделать или предоставить, то есть совершить действия, направленные на удовлетворение имущественного интереса.

В свою очередь основные постулаты римского права в своих ключевых позициях были восприняты проектом Гражданского уложения Российской империи. В нем была предпринята попытка закрепить легальное определение обязательств как законную обязанность одного лица к передаче имущества или к

¹ Исследования о Русской Правде: Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. - 1881; Вып. 2: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. - 1885; Приложения ко второму выпуску. - 1886. Вып. 1-2 / Мрочек-Дроздовский П. - М.: Моск. ун-т, 1881. - 813 с..

² Тимофеева А.А. «Русская Правда» - «кодex капитала» // История государства и права. 2012. N 12. С. 30.

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005. С. 17.

⁴ Римское частное право. Учебник / Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Розенталь И.С., и др.; Науч. ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 264.

совершению либо не совершению иного действия в пользу другого лица.⁵ К сожалению, вступить в действие Гражданскому уложению помешали события начала XX века.

После Великой Октябрьской социалистической революции исследование проблем обязательственного права производилось главным образом применительно к ГК РСФСР 1922 года. Последним было впервые закреплено его определение. Так, в соответствии со ст. 107 указанного акта под обязательством признавалось право одного лица требовать от другого совершения определенного действия.⁶

Традицию в понимании обязательств продолжили ГК РСФСР 1964 года,⁷ а в последующем и ныне действующий акт.⁸ Так, в соответствии со ст. 307 ГК РФ под обязательством понимается гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо обязано совершить в пользу другого лица определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и другое, либо воздержаться от определенного действия, а другая сторона имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Таким образом, в настоящее время в цивилистической литературе отмечается имущественный характер обязательств. Основной причиной последнего выступает то обстоятельство, что нормы обязательственного права направлены на обслуживание перемещения материальных благ. Именно эту позицию поддерживают в своих трудах такие видные ученые как Г. Ф. Шершеневич,⁹ Д. И. Мейер,¹⁰ М. М. Агарков,¹¹ О. С. Иоффе¹² и другие. Эта же точка зрения в той или иной форме выражена во всех современных учебниках гражданского права.

В тоже время необходимо обратить внимание на мнение, признающее существование и неимущественных обязательств. Оно нашло немного сторонников. Среди них можно назвать имена таких известных исследователей как С. Ю. Пассек,¹³ И. А. Покровского,¹⁴ И. Б. Новицкого,¹⁵ М. И. Брагинского¹⁶ и других.

Определяя границы действия неимущественного обязательства в юридической литературе под ним понимают обязательственное отношение, возникающее вне сферы товарного обмена, то есть по поводу нематериального блага. Благо является нематериальным, если оно не рассматривается в качестве товара. Например, коллекционер марок заключает договор с ценителем марок, по которому обязуется допускать последнего для осмотра коллекции. Несмотря на то, что марки, являются вещами, и в принципе выступают товаром, в данных отношениях в качестве таковых не признаются. Поэтому этот договор заключен по поводу нематериального блага, а его исполнение служит удовлетворению нематериального интереса кредитора.¹⁷

Таким образом, сторонники неимущественных обязательств относят их к числу относительных неимущественных гражданских отношений, которые опосредуют удовлетворение нематериальных интересов граждан и юридических лиц. При этом объектом таких отношений является поведение обязанного лица, которое носит неимущественный характер.

Поддерживая мнение о существовании нематериальных обязательств, Ф. О. Богатырев отмечает необходимость признать действительным обязательства, в которых кредитор имеет сугубо неимущественный интерес. Обосновывает он это тем, что если обратиться к истории развития

⁵ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Вторая редакция, с объяснениями. - СПб., 1902. С. 7.

⁶ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. N 71. Ст. 904.

⁷ Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 7.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32.

⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. - М., 1995. С. 267.

¹⁰ Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. Ч. 2. - М., 1997. С. 126.

¹¹ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Том 1. - М., 2002. С. 216.

¹² Иоффе О. С. Обязательственное право. - М., 1975. С. 5.

¹³ Пассек Е. В. Неимущественный интерес в обязательстве. - Юрьев, 1893. С. 7.

¹⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. - М., 2001. С. 135.

¹⁵ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. - М., 1950. С. 56.

¹⁶ Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. - Минск, 1967. С. 13.

¹⁷ Богатырев Ф. О. Состав относительных неимущественных гражданских отношений // Журнал российского права. 2002. N 11. С. 84.

отечественного законодательства, нетрудно убедиться, что российский закон никогда не выставлял в качестве обязательного условия действительности обязательства необходимость наличия имущественного интереса кредитора. Ни ст. 307 ГК РФ, в которой дается понятие обязательства, ни какая-либо другая норма общей части обязательственного права, продолжает он, не указывают прямо или косвенно на то, что предметом обязательства может быть только действие имущественного характера.¹⁸

Ему вторит С. Ю. Филиппова. Она утверждает, что понимание обязательства, в том числе и с точки зрения его неимущественного характера, вполне соответствует буквальному определению обязательства, данному в действующем законодательстве, поскольку круг действий, которые может совершать должник, не перечислен исчерпывающим образом.¹⁹

В тоже время необходимо обратить внимание на критику таких абсолютных утверждений. Так, М. И. Брагинский, комментируя пример неимущественного обязательства И. Б. Новицкого, а именно: наниматель жилого помещения обязуется под страхом неустойки воздержаться от игры на музыкальном инструменте, отмечает, что договор, направленный на воздержание от игры на скрипке, сам по себе к числу гражданских не относится. Гражданское договорное отношение в данном случае имеет иное содержание. Оно состоит в обязанности уплатить согласованную сумму при наступлении определенного юридического факта. Такое условное обязательство и возникает, когда неимущественное отношение дополняют имущественные по своему характеру санкции.²⁰

В свою очередь, Г. Ф. Шершеневич пишет о том, чтобы сохранить юридический характер за правами требования, необходимо придать им санкцию, каковою может быть только принудительное осуществление интереса в имуществе уклоняющегося от исполнения. В связи с этим он обращает внимание на необходимость наличия у кредитора определенного интереса, так как при отсутствии его нет и обязательства.²¹

Названные точки зрения совпадают в том, что для действительности обязательства в нем должен присутствовать, хотя бы гипотетически, имущественный интерес. Так, например, невозможность заставить должника исполнить свое обязательство вынуждает кредитора искать денежный эквивалент исполнения, который можно получить с должника. Если же в обязательстве кредитор имеет неимущественный интерес, то исчислить этот эквивалент не представляется возможным.

Вышеуказанные обстоятельства говорят о том, что многие из тех, кто отрицает действительность неимущественного обязательства, признают все же за ним юридическое бытие, если неимущественное предоставление с одной стороны сопровождается имущественным предоставлением с другой стороны.²² Более того, Б. М. Гонгало отмечает, что в законе содержатся нормы о неимущественных обязательствах. Например, о предварительном договоре, который всеми исследователями квалифицируется как организационный и противопоставляется имущественному договору, о договорах об организации перевозок и т.д. А в 2015 г. в ГК РФ были включены положения о корпоративных договорах, о рамочных договорах, о соглашениях и порядке ведения переговоров и т.д..²³ А потому абсолютно справедливо высказывание Е. А. Суханова. Ученый отмечает, что обязательство может быть направлено и на удовлетворение неимущественного интереса управомоченного лица или иметь предметом совершение обязаным лицом действий неимущественного характера, если при этом не теряется связь с имущественным обменом. Иное же мнение имеет право на существование, и доводы сторонников иной позиции хотя и являются интересными, но не стали общепризнанными и не получили законодательного закрепления.²⁴

Таким образом, гражданско-правовые обязательства предполагают совершение определенного действия имущественного характера. В свою очередь, действия неимущественного характера имеют место быть, но при условии их тесной связи с имущественным интересом. В противном случае отсутствие последнего лишает обязательств правового смысла.

¹⁸ Богатырев Ф. О. К вопросу о существовании обязательств с нематериальным интересом // Журнал российского права. 2004. N 1. С. 95.

¹⁹ Филиппова С. Ю. Неимущественные обязательства: к дискуссии о существовании и содержании // Российский судья. 2007. N 11. С. 30.

²⁰ Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. - Минск, 1967. С. 13.

²¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. -М., 1995. С. 268.

²² Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Том 1. - М., 2002. С. 39.

²³ Гражданское право: в 2 т. Том II: учебник / Под ред. Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2016. С. 85.

²⁴ Гражданское право В 2 т. Том II, полутом 1: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. - М.: Издательство БЕК, 2000. С. 9.

Список литературы

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Том 1. - М., 2002.
2. Богатырев Ф. О. К вопросу о существовании обязательств с нематериальным интересом // Журнал российского права. 2004. N 1.
3. Богатырев Ф. О. Состав относительных неимущественных гражданских отношений // Журнал российского права. 2002. N 11.
4. Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. - Минск, 1967.
5. Гражданское право В 2 т. Том II, полутом 1: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. - М.: Издательство БЕК, 2000.
6. Гражданское право: в 2 т. Том II: учебник / Под ред. Б. М. Гонгалю. – М.: Статут, 2016.
7. Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Вторая редакция, с объяснениями. - СПб., 1902.
8. Иоффе О. С. Обязательственное право. - М., 1975.
9. Исследования о Русской Правде: Вып. 1: Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. - 1881; Вып. 2: Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. - 1885; Приложения ко второму выпуску. - 1886. Вып. 1-2 / Мрочек-Дроздовский П. - М.: Моск. ун-т, 1881.
10. Мейер Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. Ч. 2. -М., 1997.
11. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. - М., 1950.
12. Пассек Е. В. Неимущественный интерес в обязательстве. - Юрьев, 1893.
13. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. - М., 2001.
14. Римское частное право. Учебник / Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Розенталь И.С., и др.; Науч. ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
15. Тимофеева А.А. «Русская Правда» - «кодекс капитала» // История государства и права. 2012. N 12.
16. Филиппова С. Ю. Неимущественные обязательства: к дискуссии о существовании и содержании // Российский судья. 2007. N 11.
17. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. -М., 1995.
18. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. М., 2005.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ В РОССИИ

Астафьева А.А, Коноваленко О.Л.

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан

В начале XX века большую часть населения России составляли многодетные семьи и общество было ориентировано на многодетность. При этом многодетные семьи занимали практически все слои общества, начиная от беднейшего крестьянина до дворян. Все было связано опять же с традициями русского народа. Считалось, что и выжить в многодетной семье легче. В то время преобладало позитивное отношение к многодетной семье.

Переход России к рыночным отношениям повлек за собой серьезные изменения во многих сферах жизни общества и сопровождался ухудшением качества жизни населения. В момент этого перехода слабо защищенные слои общества оказались в более сложном и уязвимом положении. Это не могло не отразиться на социально – правовом обеспечении многодетных семей.

Но сегодняшнее положение многодетных семей в России, а именно экономический аспект, говорит нам о том, что таким семьям необходима государственная поддержка, важно увеличение и расширение мер поддержки со стороны государства. Помимо этого, в обществе сохраняется негативное, и даже отрицательное отношение к многодетным семьям. Такое отношение связано отчасти с тем, что социально-

экономические проблемы, которые возникли в 90-е годы практически привели к распаду института семьи, к утрате мотивации создания семьи, а тем более созданию многодетной семьи. Ценности поколения, которые стали появляться после распада СССР, приобрели совершенно новое направление. Люди стали отдавать предпочтение карьере, личностному росту вместо создания семьи и рождению детей.

Главным документом федерального уровня, который определяет социальный статус многодетной семьи, является Указ Президента Российской Федерации от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». В указанном документе закреплены для многодетных семей основные льготы, которые позже нашли свое отражение в законах субъектов.

Что касается отдельных видов социального обеспечения многодетным семьям и их правового регулирования, то сегодня это совершенно разные сферы деятельности и различные правовые акты, как федерального уровня, так и регионального.

Многодетным родителям ряд дополнительных льгот предусматривается в жилищно-коммунальной сфере.

1) Льготы в получении социального жилья. Этому вопросу посвящена глава 7 Жилищного кодекса РФ. Для того, чтобы многодетные родители могли претендовать на получение социального жилья необходимо обратиться с соответствующим заявлением в орган местного самоуправления, для получения статуса нуждающихся. Именно поэтому в субъектах создаются свои нормативные акты. При этом обязательно учитывается доход, который приходится на каждого члена семьи и стоимость имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению. Предоставление жилья многодетным семьям осуществляется в порядке очереди.

2) Субсидия на приобретение жилья. Субсидия на покупку жилья — это финансовая помощь от государства нуждающимся гражданам, направленная для улучшения жилищных условий и покупки жилья. Семьи, стоящие в очереди на улучшение жилищных условий, государство предоставляет субсидии на покупку жилья или его строительства. Многодетным родителям выдается сертификат, согласно которому деньги перечисляются на счет. Эти средства семья обязана потратить только на покупку жилья на первичном или вторичном рынке или на его строительство.

3) Льготная ипотека многодетным семьям, суть которой заключается в предоставлении банками особой формы кредитования, подразумевающей небольшой первоначальный взнос и низкие проценты.

На сегодняшний день действует программа «Жилье для российской семьи». Указанная программа реализуется в рамках государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», согласно Постановлению Правительства РФ от 05 мая 2014 г. № 404. Программа «Жилье для российской семьи» дает возможность участвовать в программе субъектам РФ. Цели программы состоят в том, чтобы поддержать отдельные категории граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, увеличить объем строящегося жилья в стране и повысить доступность жилья за счет снижения средней стоимости одного квадратного метра жилья.

4) Льготы в коммунальной сфере закреплены на федеральном уровне. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» многодетным семьям положена скидка не менее 30% установленной стоимости за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией. Для семей, проживающих в домах и не имеющих центрального отопления также предусмотрена скидка не менее 30% от стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению на данной территории.

5) Ряд льгот для многодетных семей гарантируется в трудовой сфере. Они закрепляются в Трудовом кодексе РФ, Федеральном законе от 19.04.1991 г. №1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».

Статья 261 ТК РФ гарантирует, что расторжение трудового договора с родителем (иным законным представителем ребенка), который является единственным кормильцем ребенка в возрасте до трех лет в семье, который воспитывает трех и более малолетних детей, если другой родитель не состоит в трудовых отношениях, по инициативе работодателя не допускается, за рядом исключений.

Статья 263 ТК РФ закрепляет право на дополнительный отпуск без сохранения заработной платы лицам, осуществляющим уход за детьми.

Кроме того, ряд трудовых льгот, хоть напрямую не относится к многодетным родителям, но может быть к ним применен. Это льготы и гарантии, которые предоставляются женщинам в связи с материнством (ст. 264 ТК) увеличенные отпуска по беременности и родам (ст. 255 ТК РФ), при этом, если женщина родила двух

или более детей, помимо увеличенного отпуска выплачивается пособие по государственному социальному страхованию в установленном федеральными законами размере.

Ряд гарантий, закреплены Указом Президента РФ от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», в частности говорится, о том, что субъектам при разработке региональных программ занятости необходимо учитывать трудоустройство многодетных родителей, возможность работы таких семей на условиях применения гибких форм труда, в качестве примера может быть, неполный рабочий день, неполная рабочая неделя, работа на дому, временные работы и т.д. Субъектам необходимо организовывать обучение и переобучение таких семей с учетом потребностей экономики региона.

6) Для многодетных родителей предусмотрены некоторые льготы в пенсионной сфере. В частности Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400 – ФЗ «О страховых пенсиях» закрепляется норма, согласно которой в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, засчитывается период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, но не более шести лет в общей сложности.

7) Льготы для многодетных семей в социальной сфере является самой обширной группой среди других видов льгот. Льготы предусмотрены, как на федеральном уровне, так и на региональном.

Указом Президента Российской Федерации от 05.05.1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» многодетным семьям гарантируется:

1) бесплатная выдача лекарств для детей в возрасте до 6 лет, которые приобретаются по рецептам врачей. (Постановление Правительства РФ от 30 июля 1994 г. № 890 «О государственной поддержке развития медицинской промышленности и улучшении обеспечения населения и учреждений здравоохранения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения»)

2) правом бесплатного проезда пользуются учащиеся общеобразовательных школ на внутригородском транспорте (трамвай, троллейбус, метрополитен и автобус городских линий (кроме такси), а также в автобусах пригородных и внутрирайонных линий.

3) прием детей в дошкольные учреждения в первую очередь.

4) бесплатное питание, включающие в себя завтраки и обеды, для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений за счет средств всеобщего и отчислений от их производственной деятельности и других внебюджетных отчислений;

5) бесплатное обеспечение, согласно установленным нормативам, школьной формой либо заменяющим ее комплектом детской одежды для посещения школьных занятий, а также спортивной формой на весь период обучения детей в общеобразовательной школе за счет средств всеобщего либо иных внебюджетных средств;

6) один день в месяц для бесплатного посещения музеев, парков культуры и отдыха, а также выставок;

Льготы, предоставляемые многодетным семьям затрагивают самые различные сферы жизнедеятельности. Некоторые льготы утратили свое действие сравнительно недавно. И существовавшие на тот момент меры государственной поддержки (пенсионное обеспечение, земельные и ряд жилищных льгот) предоставляли хорошие возможности многодетным семьям в социальном обеспечении. Лишившись этих мер, многодетные семьи оказались в наиболее сложном и уязвимом положении. Ряд льгот теперь остается на усмотрение субъектам, что дает возможность органам власти вовсе не предусматривать некоторые виды социального обеспечения для многодетных. Это один из сложных моментов, который возник в области защиты и поддержке многодетных семей в России.

Список источников и литературы

1. Конституция Российской Федерации : офиц. текст от 12. 12. 1993 г. – М. : АСТ, 2013. – 64 с.
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: офиц. текст ФЗ № 256 – ФЗ от 29.12. 2006 г. – СПС Консультант Плюс.
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : офиц. текст ФЗ № 81 – ФЗ от 19.05.1995 г. – СПС Консультант Плюс.
4. О мерах по социальной поддержке многодетных семей : офиц. текст Указа Президента РФ № 431 от 05.05.1992 г. – СПС Консультант Плюс.

- 5 Азарова, Е. Г. Социальное обеспечение детей: теория и реальность. Пути реализации в России достойного труда и достойного социального обеспечения / Е.Г. Азарова. - М. : Правоведение, 2013. – 231 с.
- 6 Антонов, А.И. Демографические процессы в России XXI века / А. И. Антонов, В. М. Медков, В.Н. Архангельский. – М. : Экзамен, 2003. – 321 с.
- 7 Вовк, Е. А. Столкновение ценностей. Многодетность и ответственность / Е. А. Вовк. – Пенза : Сократ, 2011. – 258 с.
- 8 Климантова, Г. И. Многодетная семья: за чертой бедности. Социальная безопасность женщин / Г. И. Климантова // Информационно-аналитический бюллетень. – 2009. – № 31. – С. 17–31.
- 9 Лебедь, О. Л. Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики. Миллион мнений о семье и о себе / О. Л. Лебедь. – М. : КДУ, 2010. – 356 с.
- 10 Сотникова, Л. В. Социальное обеспечение семей с детьми в Российской Федерации (правовые вопросы) / Л. В. Сотникова. – Екатеринбург : Феникс, 2009. – 45с.

РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ

Ковальчук Н.Н.

Научный руководитель: **Бородина М. И.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

С распадом СССР остро наметилась проблема реформирования всей законодательной системы нового государства – Российской Федерации - которое нуждалось в полном обновлении в связи с провозглашением начал правового и социального государства согласно Конституции РФ 1993 г. В частности, совершенно иных подходов, в первую очередь, потребовала сфера рыночной экономики и частного предпринимательства. Соответственно, необходимо было дать юридическое оформление совершенно новым правовым отношениям между гражданами, ранее намеренно игнорируемым в СССР.

21 октября 1994 года был принят Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), основной целью которого стало регулирование гражданско-правовых отношений между физическими и юридическими лицами, находящимися на территории РФ. И многие положения этого кодекса реципированы из классического римского частного права.

Так, сама структура рассматриваемого нормативно-правового акта некоторым образом напоминает структуру изложения Институций Юстиниана и Гая: здесь также работает система «лица – вещи – обязательства». Кроме того, современное гражданское законодательство России сохранило ряд принципов, свойственных римскому частному праву, понятий, правовых категорий и институтов.

Обратимся к Общей части ГК РФ. В ней закреплены некоторые нормы, понятия и определения, связанные с возникновением, изменением и прекращением гражданских правоотношений, реципированные из римского частного права.

Например, институт правоспособности граждан. Согласно римскому праву правоспособность возникала в момент рождения человека и прекращалась его смертью. То же самое мы видим и в ст. 17 ГК РФ, где «правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью».

Само же содержание правоспособности отражено в ст. 18 ГК РФ, в которой признается, что гражданин может иметь имущество, наследовать и завещать его. Это мы видим и в римском частном праве, в котором человеку дано право быть субъектом всех имущественных правоотношений и соответствующих сделок.

Что касается объема гражданской дееспособности, то в Риме на это влияли различные факторы, такие как возраст, физическое и психическое состояние, расточительство и пол. В действующем ГК РФ мы также отчетливо видим, что дееспособность российского гражданина зависит от его возраста, психического состояния, что подтверждается положениями ст. 21: «гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста». А статья 29 указывает на то, что «гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан... недееспособным».

Кроме того, в настоящее время в правовых отношениях, зависящих от объема дееспособности их участников, лица делятся на различные возрастные категории, как и в римском частном праве (ст. 26, 28 ГК РФ). Так, в гражданском праве России возрастное деление граждан происходит следующим образом: дети с момента рождения и до шести лет признаются полностью недееспособными, малолетние в возрасте от шести до 14 и несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет – ограниченно дееспособными.

В римском праве прослеживается похожая градация: лица в возрасте до семи лет являлись недееспособными, мальчики в возрасте от семи до 14 лет и девочки в возрасте от семи до 12 лет имели право совершать сделки без возникновения обязательств, и, наконец, лица в возрасте от 14 до 25 лет считались ограниченно дееспособными.

Таким образом, российский законодатель заимствовал понятие и категории дееспособности из римского частного права, изменив возрастные рамки согласно реалиям жизнедеятельности современного общества и государства.

Другим примером рецепции служат положения ст. 27 ГК РФ, в которых мы видим наличие такого типичного для римского права института, как эмансипация или освобождение лица от опеки родителей или попечителя с их согласия или по достижении гражданином определенного возраста. Именно в классический период развития римского частного права институт эмансипации стал наиболее близок к тому определению, которое на данный момент существует в гражданском законодательстве Российской Федерации: «несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью».

Далее статьи 31, 32, 33, 40 ГК РФ раскрывают нам сущность таких правовых понятий как опека и попечительство. Проведем параллели.

Римское право называет опекой правовое покровительство одного лица в отношении другого, иными словами опекун имеет власть над личностью и имуществом опекаемого, которое должен оберегать и о котором должен заботиться подобающим образом. Практически ту же формулировку мы можем найти и в Гражданском кодексе РФ, согласно которому опека устанавливается над малолетними детьми в возрасте до 14 лет с целью защиты их прав и законных интересов.

Что касается попечительства, то согласно ст. 33 ГК РФ оно устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, а также над гражданами, ограниченными судом в дееспособности. В римском частном праве установление попечительства происходит несколько по иным причинам, но оно также распространяется на категорию ограниченно дееспособных лиц (к примеру, душевнобольных или расточителей) и лиц, достигнувших определенного возраста.

Рецепции прослеживаются и в дальнейшем: например, в отношении объектов права, которые в римском частном праве подразделялись на вещи и действия лиц или на вещи телесные и бестелесные. Это же мы видим в ст. 128 ГК РФ, которая указывает на то, что все объекты права делятся на материальные и нематериальные блага [2].

Здесь целесообразно начать с деления вещей на движимые и недвижимые. Заметим, что для римского права это основополагающая классификация: к недвижимым вещам прежде всего относились такие, которые не позволяли своего перемещения в пространстве без причинения им вреда, и, напротив, к движимым относились вещи, которые допускали свободное перемещение. Точно так же, статья 130 ГК РФ относит к недвижимым вещам объекты, перемещение которых влечет за собой причинение им ущерба, а к движимым - те вещи, которые не относятся к недвижимости и могут быть свободно перемещены в пространстве.

Затем в ст. ст. 133 и 134 ГК РФ мы встречаем еще одну классификацию вещей, подразделяемых на делимые и неделимые (сложные вещи). Данная классификация характерна и для римского частного права, которое к делимым вещам относил все то, что можно было разделить на составные части без риска утраты самой вещи (то есть ее фактического уничтожения), а неделимыми признавало те объекты, которые после разделения влекли за собой уменьшение собственной стоимости. Согласно российскому гражданскому законодательству «вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения... является неделимой вещью...».

В результате можно сделать вывод о том, что современный институт вещного права базируется на соответствующем правовом регулировании статуса вещей в римском классическом праве.

Подведем итоги.

Современная кодификация гражданского права России не является зеркальным отражением соответствующих правовых институтов классического римского права, поскольку устанавливается и развивается в зависимости от тех потребностей экономической, политической, социальной и других видов жизнедеятельности общества и государства, которые диктуют современные реалии жизни, национальные традиции и менталитет. Но, несмотря на это, основные идеи правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений берут свои начала именно в римском частном праве, поэтому в конечном итоге рецепции римского права представляют собой объединяющее звено, которое суммирует достояние успехов, достигнутых в далеком для нас прошлом, с теми новыми явлениями, что присутствуют в современном правотворчестве РФ в области гражданского законодательства.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: Эксмо, 2014. – 608 с.
2. Римское частное право: Учебник / В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. - М.: Юристъ, 2004.
3. Влияние римского права на современное гражданское законодательство России/URL: [Онлайн ресурс]. - Режим доступа: <http://romanlaw.biz/content/civil.htm> (14.02.2017).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИПОТЕКИ

Кожевникова Н.В.

Омская юридическая академия, г. Омск

Ипотека является одной из главных задач в жилищной политике. Ипотека пользуется спросом, так как позволяет получить жилье в пользование уже на первоначальном этапе. В части экономического развития страны, ипотека дает огромный толчок для развития кредитной системы. Однако, имеется множество пробелов в ипотечном законодательстве, на практике часто возникают проблемы у правоприменителя. С целью разрешения этих проблем и пробелов, в настоящей статье предложены меры по совершенствованию ипотечного законодательства, практики его применения.

Изучение проблем правового регулирования ипотеки становится все более актуальным. Это обусловлено несовершенством ипотечного законодательства.

Ипотечное кредитование – это кредитование под залог приобретаемого недвижимого имущества. Ипотека выступает надежным способом обеспечения возврата кредита должником, поскольку объекты недвижимого имущества являются предметом ипотеки, а стоимость недвижимости практически всегда превышает сумму кредита. А также недвижимое имущество, которое приобретено по договору ипотеки, имеет важное значение в жизни должника, поэтому, чтобы не потерять это имущество, он заинтересован в надлежащем исполнении принятых на себя обязательств.

Несмотря на развитие ипотечных обязательств, однообразная правоприменительная практика в этой области еще не сложилась. Встречается много неразрешенных проблем. Например, статья 5 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» содержит перечень недвижимого имущества, которое может быть предметом договора об ипотеке. А именно: здания, сооружения, земельные участки, (за исключением участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности), предприятия и иное недвижимое имущество, которое может быть использовано в предпринимательской деятельности. Также в статье 5 ФЗ от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке» указаны части жилых домов и квартир, сами жилые дома и квартиры и другие объекты недвижимого имущества. Но в перечне отсутствуют нежилые помещения в качестве предмета залога, рассматривая их как часть здания, жилого дома или сооружения. Законодатель не выделяет нежилые помещения как отдельный объект недвижимого имущества. Следует отметить, что ипотека нежилых помещений, в последнее время, достаточно распространенное явление. В связи с этим, отсутствие на законодательном уровне нежилых помещений, как объектов недвижимости, которые могли быть предметом ипотечного кредитования, часто порождает неверное их понимание правоприменителем. Это ведет к тому, что к нежилым помещениям на практике

относят площади в зданиях или сооружениях, которые не являются отдельными помещениями и которые не могут быть предметом ипотеки. Например, залогодатель подал в Арбитражный суд заявление на учреждение юстиции за отказ в государственной регистрации договора ипотеки части нежилого помещения, принадлежащего залогодателю на праве собственности.

В ходе судебного разбирательства учреждение юстиции пояснило, что согласно условиям договора об ипотеке, представленного ему на государственную регистрацию, предметом договора являлась часть площади в одном складском помещении, которое являлось собственностью залогодателя.

Суд принял решение об отказе в удовлетворении заявленных требований, а значит, суд признал законным отказ учреждения юстиции в государственной регистрации договора ипотеки. Согласно ч. 4 ст. 5 Федерального закона «Об ипотеке» часть имущества, раздел которого в натуре невозможен без изменения его назначения (неделимая вещь), не может быть самостоятельным предметом ипотеки. Но при этом согласно ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об ипотеке» по договору об ипотеке может быть заложено недвижимое имущество, указанное в ч. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ, права на которое зарегистрированы в порядке, установленном для государственной регистрации прав на недвижимое имущество. При этом, как было установлено в ходе судебного процесса, в Едином реестре зарегистрировано право собственности на складское помещение как на один объект недвижимости. Его раздел на отдельные помещения и регистрация прав на эти помещения в установленном порядке не были осуществлены.

Таким образом, для того чтобы исключить возможность расширительного толкования нежилого помещения как предмета ипотеки, представляется возможным внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об ипотеке». В частности, п. 3 ч. 1 ст. 5 данного федерального закона и изложить текст в данном содержании : жилые дома, квартиры и части жилых домов и квартир, состоящие из одной или нескольких изолированных комнат, а также отдельные нежилые помещения, расположенные в жилых и нежилых зданиях и сооружениях.

Говоря о проблемах правового регулирования ипотеки, можно отметить и другую проблему, а именно о сложностях погашения ипотечного долга путем обращения взыскания на жилье (в случае невыполнения залогодателем обязательства по погашению кредита), приобретенное гражданином за счет средств ипотечного кредита, если он является единственным пригодным для постоянного проживания должника и совместно проживающих с ним членов семьи помещением. Сложность процедуры взыскания долга состоит в том, что у должника отсутствуют финансовые средства, достаточные для погашения ипотечного долга, и другое имущество, на которое может быть обращено взыскание.

В соответствии со статьями 77,78 Федерального закона «Об ипотеке» допускается обращение взыскания задолженности по кредиту на жилой дом или квартиру при условии, что жилой дом или квартира были заложены по договору ипотеки либо ипотеки в силу закона в обеспечение возврата кредита или целевого займа, предоставленных банком или иной кредитной организацией, либо другим юридическим лицом на приобретение или строительство таких или иных жилого дома или квартиры.

Следовательно на жилой дом может быть обращено взыскание задолженности с должника по ипотечному кредиту даже в случаях, когда такой дом является для него и членов его семьи единственным жильем, пригодным для постоянного проживания.

Обращение взыскания на жилой дом допускается только в судебном порядке. При этом, на законодательном уровне не предусмотрено выселение должника и членов его семьи из дома, на который обращено взыскание. Следует включить в Федеральный закон «Об ипотеке» норму, которая предусматривала бы возможность принудительного выселения в судебном порядке должника и членов его семьи, проживающих в жилом доме, приобретенного или построенного гражданином на средства ипотечного кредита и являющимся их единственным жилым помещением, с предоставлением жилого помещения маневренного фонда или другого жилого помещения в пределах социальной нормы, предоставляемого кредитором для этих целей.

Таким образом, следует заметить, что отдельные нормы российского законодательства, которые непосредственно являются средством правового обеспечения ипотечного кредитования, не являются совершенными.

Список литературы

1. Ахметьянова З.А. К вопросу о залоге недвижимости и его государственной регистрации // Нотариус. – 2015. – № 7. – С. 14–17.

2. Грачев И.Д. Закон об ипотеке: проблемы и перспективы. [Текст] // Юридический мир. - 2008. - №2. - С. 29.
3. Жариков Ю.Г., Литовкин В.Н., Масевич М.Г., Комментарий к Закону «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [Текст] // Жилищное право. - 2008. - №2. - С. 27.
4. Иванова С.А. О проблемах правового регулирования возврата долга путем обращения взыскания на жилой дом (квартиру), построенный или приобретенный за счет средств ипотечного кредита // Современный юрист. – 2015. – № 2. – С. 40–49.
5. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.1998, № 29, ст. 3400.
6. Федеральный закон от 03.07.2016 № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 2016, № 27 (часть II), ст. 4248.

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ ПЕРЕЖИВШИМ СУПРУГОМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ОДНОПОЛОМ БРАКЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мельникова Н.Н.

Набережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Набережные Челны

Все чаще и чаще в нотариальной и судебной практике встречаются наследственные дела, осложненные иностранным элементом. Это связано в первую очередь с увеличением количества вступления в брак с иностранными гражданами, расширением областей деятельности предпринимательства, а также участвовавшими случаями гибели отечественных граждан за рубежом и т.д.

Наиболее любопытным на данный момент является решение вопроса о наследовании пережившим супругом, находящимся в однополем браке.

На современном этапе развития брачно-семейных отношений однополые браки не являются чем-то странными или удивительными. В некоторых же странах они официально разрешены. Для примера можно привести такие страны как Нидерланды, Исландия, Швеция и др. В такого рода брачных отношениях супруги наделены теми же правами, что и в «обычных» браках. Однако здесь следует разграничивать однополые браки от законных гражданских партнерств, которые по своей сути являются одним из видов сожительства.

Первоначально в странах, допускающих однополые браки, были приняты законы, позволяющие вступать на законных основаниях в гражданские (зарегистрированные) партнерства. В соответствии с данными законами лица, в указанных выше партнерствах наделяются такими же правами, что и супруги в зарегистрированном браке, за небольшими ограничениями. Так, например, в Германии лицам, состоящим в гражданских партнерствах, запрещено усыновлять детей. А в некоторых странах, таким как Швейцария и Нидерланды такие лица вправе наследовать после умершего партнера, т.е. имеют наследственные права. Нередко на практике возникают юридические сложности при определении наследственных прав таких партнеров, т.к. не все страны признают такие союзы действительными по собственному законодательству. К таким странам и относится наша Российская Федерация.

Согласно семейному законодательству в РФ под браком признается зарегистрированное в установленном порядке взаимное и добровольное согласие мужчины и женщины. В Российском законодательстве отсутствуют такие термины как «гражданское партнерство» и «однополый брак», что на практике приводит к определенным проблемам. В соответствии со ст. 1193 ГК РФ признание на территории РФ такого рода «брака» противоречит публичному порядку РФ и в данном случае возникнет необходимость применить соответствующую норму российского законодательства, однако на данный момент российскому законодательству не знакомы такого рода брачные отношения и соответственно отсутствуют нормы регулирующие их. Например, погиб гражданин Италии, проживавший по месту своего жительства, который состоял в зарегистрированном браке в гражданином этой же страны. Наследодатель имел в собственности трехкомнатную квартиру на территории РФ. В таком случае в российском законодательстве не существует однозначного решения данного вопроса. Формально руководствуясь абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ мы приходим

к выводу, что применимым к наследованию недвижимого имущества будет российское материальное право, в соответствии с которым не допускается переход прав на квартиру пережившему супругу, находящимся в однополном браке. Однако при отсутствии других наследников по закону переход данного имущества к лицу, с которым наследодатель имел наиболее тесные личные отношения, тем более признаваемые их личным законом, будет в большей степени справедливым.

Согласно п.1 ст.158 Семейного Кодекса РФ, брак, заключенный за рубежом между гражданами России либо гражданином России и иностранным гражданином признается в нашей стране только тогда, когда он соответствует внутреннему законодательству. А поскольку однополые браки не соответствуют семейному законодательству РФ, Россия не признает их в качестве официальных. Следовательно, союз совместно проживающих мужчин или женщин не имеет в РФ правового статуса. Семейные правоотношения у представителей однополного брака не возникают.

По мнению И.Г. Медведева, в случае, если однополый союз был зарегистрирован в соответствии с иностранным законом, то публичный порядок может смягчаться, признавая наследственные права пережившего партнера, в соответствии с применимым иностранным наследственным законом.

Не так давно Европарламентом был рассмотрен законопроект, позволяющий однополым лицам иметь наследственные права после смерти одного из супругов, вне зависимости от признания их на территории других государств Евросоюза. Считаем, что данная позиция является необходимой, позволяющей защищать имущественные права физических лиц.

Подводя итог вышеуказанному, хочется сказать, что при определении права страны, подлежащего применению, российские суды будут склоняться к применению норм российского законодательства, что совершенно обоснованно и логично. Однако, нередко для более корректного разрешения спора, назревает необходимость установить положения иностранного законодательства, что вызывает трудности и требует от правоприменителей высокой профессиональной подготовки и квалификации.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ [в ред. от 28.03.2017] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Котельников А.В. Проблемы определения наследственного статуса в трансграничных наследственных отношениях // Общество: политика, экономика, право. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-nasledstvennogo-statuta-v-transgranichnyh-nasledstvennyh-otnosheniyah> (дата обращения: 30.04.2018).
3. Медведев И.Г. Международное частное право и нотариальная деятельность (2-е изд.). - М.: Волтерс Клувер, 2005. - 178 с.
4. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ [в ред. от 29.12.2017] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 1. – Ст. 16.
5. Entwurf einer legislativen Erschliessung des europäischen Parlaments zu dem Vorschlag für eine Verordnung des Europäischen Parlaments und des Rates über die Zuständigkeit, das anzuwendende Recht, die Anerkennung und die Vollstreckung von Entscheidungen und öffentlichen Urkunden in Erbsachen sowie zur Einführung eines Europäischen Nachlasszeugnisses [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2012-0068+0+DOC+XML+V0//DE> (дата обращения: 28.06.2017).

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Набоков В.В., Никитенко И.В.

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, г. Биробиджан

Исполнительное производство представляет собой установленный законом порядок принудительной реализации судебных актов и актов иных органов, имеющий целью обеспечение реальной защиты нарушенных или оспоренных субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов. В исполнительном производстве субъективное материальное право или охраняемый законом интерес, которые были нарушены или оспорены, получают восстановление посредством использования механизмов государственного принуждения, установленных законом. В российском праве оно длительное время являлось заключительной (самостоятельной) стадией гражданского процесса, в которой происходит реальное восстановление субъективных прав участников гражданского оборота. В порядке исполнительного производства исполняются решения не только судов общей юрисдикции, но и акты арбитражных судов, а также иных несудебных органов. Однако современная законодательная практика России в настоящее время развивается по пути создания самостоятельных от гражданского процессуального права актов, регламентирующих исполнение судебных и иных решений.

Сегодня, подобный правовой механизм исполнительного производства проявляется в различных гражданско-правовых спорах направленных на возмещение причиненного имущественного вреда, а также на восстановление нарушенных авторских прав субъектов гражданских правоотношений[1].

Исполнительное производство в своих работах рассматривают такие ученые как Боннер А.Т., Братусь С.Н., Валеева Р.Х., П.И. Стучка., Валеев Д.Х., Васковский Е.В., Вкут М.А., Гладышев С.И., Гурвич М.А., Деготь Е.А., Деготь Б.Е., Шерстюк В.М., Добровольский А.А., Юков М.К., и другие. Институт исполнительного производства, который мы имеем сегодня, установился в отечественной правовой системе не сразу. В древней Руси не был известен какой – либо специальный орган - специальный судебный аппарат, отдаленный от иных органов государственной власти и органов государственного управления, как и орган исполняющий решения суда. Роль судей исполняли князь, посадники, волостели.

Русской Правде уже известна ответственность за самовольное применение наказания без суда для лиц, подпадающих под княжескую юрисдикцию. Необходимость в самоуправстве и кровной мести значительно снизилось с появлением и дальнейшим развитием судов, хоть изначально и не имевших централизованной системы, и концентрации власти у одного верховного сюзерена. Теперь функция исполнения решения возлагается на орган, рассматривающий спор по существу (соответственно к князю или к королю). Таким образом, у заинтересованного взыскателя отпадает необходимость в кровной мести или самоуправстве. В Древней Руси контроль за исполнением княжеского судебного решения возлагался на праведников, десятских, сафьянов.

Судебник 1497 года, утвержденный князем Иваном III и Боярской Думой, является первым документом, оформившим систему органов, исполняющих судебное решение, согласно которого исполнение судебного решения возлагалось на праведников и приставов. Однако право на самоосуществление судебного решения все еще сохранялась. Судебник 1497 года можно назвать следующей ступенью в развитии исполнительного производства, поскольку посредством именно этого документа намечается разделение судебного производства и исполнительного производства и сформированы специальные органы исполнения судебного решения. Утверждение Судебника 1497 года обозначило начало третьего этапа развития исполнительного производства в России[2].

В период правления Петра Великого исполнение судебного решения формируется как самостоятельная стадия гражданского процесса, а приставы как органы исполнения судебных решений. Важным моментом на этом историческом этапе становится выведение исполнительного производства из судебного производства, лишение судебных органов контрольных функций относительно исполнения принятых решений. Согласно Устава Благодичиния 1782 года полномочия по исполнению судебного решения возлагаются на управу благодичиния, то есть полицию. С 1 января 1835 года с вступлением в силу «Свода законов Российской империи» исполнительное производство возлагалось на полицию: квартальных и станových приставов, во главе которых стояли управы благодичиния[3].

Ситуация изменилась с реформированием судебных органов в 1864 году, в результате чего возрождается институт судебных приставов. Правовой основой исполнительного производства служит Устав гражданского судопроизводства, разработанный на примере Гражданского кодекса Франции. В то же время часть исполнительных функций сохранялись за полицейскими органами. Правовой базой для приставов служила первая глава 9-го раздела Учреждений судебных установлений, посвящённая «лицам, состоящим при судебных местах».

По мнению Е.В. Васьковского Устав гражданского судопроизводства 1864 года группировал исполнительные меры в следующем порядке:

- обращение взыскания на движимое имущество, а именно: а) на вещи, которые находятся у должника; б) на ценные бумаги; в) на вещи и капиталы, находящиеся у третьих лиц; г) на капиталы должника, хранящиеся в правительственных учреждениях или кредитных установлениях; д) на жалование и другие повременные платежи;

- обращение взыскания на недвижимое имущество;
- понудительная передача отсуженного имущества;
- воспрещение должнику выезда из места жительства;
- разыскание средств к удовлетворению взыскания»[4].

По мнению Васьковского Е.В. первые две из вышеперечисленных мер являются мерами реального исполнения, все остальные – личного или косвенного исполнения, так как не вели к прямому исполнению, а только понуждали ответчика удовлетворить их[5].

В 1917 году советская власть упразднила институт судебных приставов, считая недопустимым применение в новых условиях развития буржуазного варианта судебной системы, хотя на начальном этапе становления советского права отдельные правоведы оспаривали этот взгляд. И только в 1997 году институт судебных приставов был возрождён с принятием Федеральных законов «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве», которыми была создана единая вертикально-интегрированная Служба судебных приставов.

Конституция Российской Федерации в своих положениях (статья 46) гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. В свете норм Конституции РФ гарантированное право предполагает и своевременное исполнение судебного решения.

В современной правовой доктрине не имеется единого мнения относительно места исполнительного производства в системе отечественного права. Отдельные ученые полагают, что исполнительное производство представляет собой заключительный этап (стадию) гражданского процесса (например, В.М. Шерстюк[6]). По мнению других исследователей, исполнительное производство формирует новую отрасль права, по принципу уголовно – исполнительного права. М.К. Юков считает, что исполнительное производство это не самостоятельная отрасль права, а только вторичное образование гражданского процессуального права, при этом в качестве одного из субъектов этих правоотношений М.К. Юков называет суд[7].

Причиной начала дискуссии относительно вопроса о том, составляет ли исполнительное производство стадию гражданского процесса послужила разница в подходе к моменту завершения процесса защиты права. По мнению одних исследователей такой момент наступает с вынесением судебного решения, по мнению других по факту защиты прав посредством исполнительного производства[8].

Более правильной можно назвать вторую точку зрения, так как она отражает сущность исполнительного производства.

Рассмотрим доводы сторонников выделения исполнительного производства в самостоятельную отрасль права и насколько они убедительны. В первую очередь отмечается, что правоотношения в сфере гражданского судопроизводства ограничены сферой судопроизводства, к которой не относится исполнение. В то же время можно согласиться с мнением исследователей, о том, что правоотношения в сфере гражданского судопроизводства нельзя считать оконченным с момента вступления в силу решения суда, так как фактические эти правоотношения продолжаются до полного восстановления нарушенных прав и интересов.

Действительно, если рассматривать сложное гражданско-процессуальное правоотношение как единый правовой механизм, объектом которого выступает спорное субъективное материальное право или интерес, которые подлежат восстановлению (защите), то вряд ли можно считать, что с момента вынесения судебного решения достигнута цель гражданского процесса, поскольку лицу, обратившемуся в суд за защитой своего права, законного интереса, важен не только факт вынесения решения, подтверждающего его

права и устраняющего лишь спорность правоотношения, но гораздо важнее реальное осуществление этих прав. Поскольку судебное решение, которое не может быть реализовано, не имеет реальной юридической ценности.

Таким образом, процессуальные правоотношения в исполнительном производстве и в предшествующих стадиях процесса имеют единый объект - то субъективное материальное право, за защитой которого лицо обратилось в суд и задача защиты которого достигается исполнением судебного решения.

Второе, нельзя согласиться с мнением отдельных исследователей, которые не рассматривают суд как обязательный субъект исполнения, либо считают его роль незначительной на данном этапе, так как и арбитражные суды и суды общей юрисдикции наделены рядом полномочий в принудительном исполнении и активно в нем участвуют.

И, в-третьих, в обоснование самостоятельности отрасли исполнительного права приводятся характерные для нее принципы. В частности, называются: принцип реальности исполнения, принцип активности и инициативности органа исполнения, принцип поощрения добровольного исполнения, неприкосновенности личности должника, неприкосновенности минимума средств существования должника и членов его семьи и др. Этот довод представляется неубедительным, поскольку, как справедливо отмечает Н.В. Куракова, «все они - проявление какой-либо грани того или иного принципа гражданского процессуального права... Например, принцип добровольного исполнения - проявление принципа диспозитивности. Неприкосновенность личности должника, неприкосновенность минимума средств существования должника и членов его семьи представляют собой проявление принципа законности»[9].

Как уже отмечалось ранее, вышеизложенные аргументы нельзя назвать убедительными. Следует согласиться с мнением А.Т. Боннера о том, что общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства, «имеют производно-вспомогательный характер и в полной мере отражают основную модель гражданских процессуальных отношений между компетентными государственными органами и участниками процесса. Разница заключается лишь в том, что в данном случае речь идет о заключительной стадии гражданского процесса, в которой реализуется судебное решение. А место суда в качестве субъекта, действующего в интересах государства и общества, здесь занимает судебный пристав-исполнитель, функционирующий под контролем суда»[10].

Изложенное позволяет заключить, что принудительное исполнение представляет собой заключительный этап (стадию) гражданского и арбитражного судопроизводства, так как именно в этой стадии восстанавливаются права и интересы лица.

Современное исполнительное производство представляет собой динамично развивающуюся область отечественного права, которая в последнее время обретает нарастающее значение. В то же время большинство вопросов, связанных с практической реализацией положений Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» не могут найти однообразного разрешения в связи с формированием правовой доктрины в данной области, пробелами в законодательстве, и в силу ряда других причин.

Совершенствуя концепцию об исполнительном производстве как о самостоятельной отрасли права в виде отрасли исполнительного процессуального права, следует обратить внимание на такие элементы отрасли права, которые отражают ее индивидуальность. В качестве одного из них выступают принципы исполнительного производства. Этот момент особенно актуален в условиях подготовки Исполнительного кодекса РФ, который предполагает обозначение этих принципов в своих положениях. Под принципами исполнительного производства понимается совокупность установленных законом основ, из которых вытекает вся сущность и содержание решений, принимаемых в исполнительном производстве. Принципы должны отражать сущность исполнительного производства, которая состоит в том, что органы государственной власти, наделенные функциями по исполнению посредством реализации предоставленных им полномочий с применением принудительных мер удовлетворяют интересы граждан и организаций, в чью пользу производится исполнение.

Можно обозначить следующие принципы исполнительного производства: законность, целесообразность, равноправие, справедливость, а также специальных принципов: неприкосновенность личности должника, диспозитивность, неприкосновенность минимума средств для жизни должника и его семьи, национального языка, пропорциональности распределения взыскиваемых сумм между взыскателями.

Важнейшим из названных принципов является принцип законности. Это общеправовой принцип. Содержание принципа законности раскрывается в положениях ряда нормативных актов. Закрепляя в

положениях Конституции РФ (статья) права и свободы человека как высшую ценность, предопределяя гарантии этих прав государство приняло на себя обязательство обеспечить возможность реализации этих прав. Положения статьи 2 Конституции РФ находят свое развитие и в других нормах Основного закона. Так, в соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, обеспечиваются правосудием». При этом защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. "б" ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Другой важный принцип исполнительного производства - принцип равноправия (равенства) – состоит в предоставлении государством гарантий каждому в равной степени, то есть независимо от того, к какому полу принадлежит человек, какой он расы, либо национальности, каким языком владеет, где живет, какую религию исповедует, независимо от его убеждений, имущественного и общественного положения и иных обстоятельств (ст. 19 Конституции РФ). В Российской Федерации под запретом любая форма ограничения прав граждан, если эти ограничения обоснованы признаками языковой, расовой, социальной, национальной, или религиозной принадлежностью.

Следующий принцип – принцип целесообразности также характерен для исполнительного производства, и его необходимость подтверждается практикой. Для исполнительного производства целесообразность предполагается как оправданность конкретных исполнительных действий, то есть соответствие реально исполненной поставленной цели принудительного исполнения, иными словами – полезность реализованного принудительного исполнения. Основная цель принудительного исполнения заключается в восстановлении нарушенных прав и свобод взыскателя посредством принудительного исполнения юридических актов, предусмотренных законом. По достижению этой цели и реализуется принцип целесообразности.

Принцип справедливости также относится к общеправовым принципам, так как «справедливость как многогранная, многокомпонентная категория находит свое проявление во всех сферах общественной жизни»[11].

В рамках исполнительного производства принцип справедливости представляет собой равноценность норм принудительного исполнения процессуальным решениям и отдельных принудительных мер морально-этическим и требованиям закона.

Специфические принципы также являются необходимыми. В эту группу принципов включаются следующие.

Принцип неприкосновенности личности должника. По своей сущности принудительное исполнение не носит карательный характер. Своей целью принудительное исполнение имеет лишь восстановление нарушенных прав и интересов взыскателя. Этим принудительное исполнение отличается от уголовно-исправительного права, сущность которого заключается именно в наказании.

Принцип неприкосновенности минимума средств должника и членов его семьи напрямую согласуется с принципом справедливости.

Виды доходов, на которые не может быть обращено взыскание, предусмотрены ст. 69 Закона «Об исполнительном производстве». Доходы, перечисленные в этой статье, имеют компенсационный или целевой характер. Перечень доходов указан законом исчерпывающе, единственное исключение, предусматривающее расширительное толкование, заключается в том, что взыскание не может быть обращено на денежные суммы за работу с вредными условиями труда или в экстремальных ситуациях, а также гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастроф или аварий на АЭС, и в иных случаях, установленных законодательством Российской Федерации (п. 4 ст. 69 Закона «Об исполнительном производстве»).

Наконец важным принципом, действующим в исполнительном производстве, является принцип пропорциональности распределения взыскиваемых сумм между взыскателями. Этот принцип, как и предыдущий, - реальное воплощение в жизнь общеправового принципа социальной справедливости.

Задача защиты наиболее социально незащищенных слоев населения решается путем установления пяти очередей удовлетворения требований взыскателей (п. 2 ст. 78 Закона «Об исполнительном производстве»). При этом необходимо обратить внимание на то, что очередность удовлетворения требований взыскателей, указанная в рассматриваемой статье, отличается от очередности удовлетворения требований кредиторов (ст. 64 ГК РФ). Некоторые авторы предлагают изменить предусмотренную ст. 78 Закона «Об исполнительном производстве» очередность удовлетворения требований взыскателей, указав, что в третью очередь удовлетворяются требования кредиторов по обязательствам, обеспеченным залогом.

В соответствии с п. 3 ст. 78 Закона «Об исполнительном производстве» требования каждой последующей очереди удовлетворяются после полного погашения требований предыдущей очереди, а при недостаточности взысканной денежной суммы для полного удовлетворения всех требований одной очереди они удовлетворяются пропорционально причитающейся каждому взыскателю сумме.

Анализируя указанную норму уже не действующей ст. 89 Закона Об исполнительном производстве, можно отметить, что данное поощрение напрямую было связано с заслугой самого судебного пристава-исполнителя, так как именно он принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов (п. 1 ст. 12 Закона «О судебных приставах»). Судебная практика особо подчеркивала данное обстоятельство, указывая на то, что «премиальное вознаграждение выплачивается судебному исполнителю за совершение непосредственно им активных действий по отысканию имущества и за счет должника».

Таким образом, в исполнительном производстве фактически существует достаточно развитая система принципов. Следующим шагом в этом направлении должно быть их законодательное закрепление, придание общеобязательного характера и повсеместное внедрение в правоприменительную практику органов принудительного исполнения. Всестороннее исследование выше рассмотренных принципов, как общеправовых, так и специфических, позволяет лучше уяснить сущность исполнительного производства, его норм и отдельных институтов.

¹ Никитенко И.В., Луполянская В.А. Проблемы компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. 2016. – Омск, С. 61 – 64.

² Малешин Д.Я. Движение дела по стадиям в исполнительном производстве // Исполнительное право. - 2016. - № 1. - С.22 - 25.

³ Деготь Б.Е. Стадии исполнительного процесса // Современное право. - 2015. - № 5. - С.10 - 14.

⁴ Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 455 с.

⁵ Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 455 с.

⁶ Игнатенко А.А., Кириленко Н.В., Матвеев А.В., Шерстюк В.М., Ярков В.В. К разработке проекта Исполнительного кодекса Российской Федерации // Законодательство. - 2001. - № 8. - С. 85.

⁷ Юков М.К. Теоретические проблемы гражданского процессуального права: Дис. ... докт. юр. наук. Свердловск, 1982. - С. 189.

⁸ Луполянская В.А., Никитенко И.В. Проблемы компенсации морального вреда, причиненного неправомерными действиями // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. 2016. – Омск, С. 61 – 64.

⁹ Куракова Н.В. Место исполнительного производства в системе права // Арбитражный и гражданский процесс. - 2004. - № 11. - С. 47.

¹⁰ Боннер А.Т. Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // Законодательство. - 2004. - № 8. - С. 67.

Еремичев И.А. Корпоративное право: Учебное пособие / 3-е изд., перераб. и доп. - М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 438 с.

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Пчелякова С.Н.

Студентка (магистр) кафедры УПиК
Оренбургского Государственного университета, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация: В статье изложен аналитический обзор дактилоскопической регистрации, приведены примеры использования ее в повседневной жизни. Дано определение дактилоскопической регистрации. Приведена процедура регистрации. Выделены критерии для участников регистрации.

Ключевые слова: дактилоскопия, регистрация, поиск.

Папиллярные линии на руках - рельефные линии на ладонях, которые появляются у плода человека именно в тот момент, когда происходит формирования кожных покровов и так остаются неизменными до самой его смерти. Каждый человек в мире имеет индивидуальное строение линий на ладонях и пальцах.

Эта особенность папиллярного узора обусловлена тем, что он представляет собой большой носитель информации, сочетание этих элементов в полном отпечатке пальца руки по теории может повториться один раз на 10^{40} — 10^{50} отпечатков. Это помогает при распознавании человека только по особенностям строения папиллярного узора использовать всего лишь 7-10% площади узора ногтевой фаланги пальца руки.

Именно этот фактор и стал главным звеном поиска людей в криминалистике, а сам этот способ называется дактилоскопией, что дословно означает «дактилос» - палец, «скопес» - наблюдаю, изучаю.

Дактилоскопия еще с давних времен является одним из способов поиска человека, а точнее идентификация по отпечаткам, а также по следам пальцев и ладоней рук, основана на неповторимости узора кожи и его неизменяемости.

Криминалистика была первой и самой важной областью использования дактилоскопии, и остается такой до сих пор, в основном, при исследовании потожировых следов пальцев рук, ладоней и других частей тела.

Некоторые полагают, что дактилоскопия нужна только криминалистам. Но это совершенно не так. Исследование папиллярные узоры необходимо и в других жизненных ситуациях.

Мы живем в 21 веке – в веке информационных технологий и информационного прогресса. Наука не стоит, а движется вперед.

С 2002 года законодательство в Америке стало требовать проводить процедуру сканирования отпечатков пальцев в посольствах и консульствах США для всех, кто обратился за американской визой. На пограничных пунктах пропуска США обязательным является проверка биометрических данных для установления личности въезжающих для того, чтобы исключить ситуации въезда по чужой визе.

Отпечатки пальцев – это важнейший документ, которые невозможно потерять, испортить, подделать, украсть. Они всегда с тобой.

Каждый человек имеет свой неповторимый «рисунок» на кончиках пальцев, на ладони. Он не изменяется в течение жизни и всегда восстанавливается после механических повреждений. Его просто невозможно исправить или каким-то образом изуродовать. По отпечаткам пальцев почти всегда можно сказать со сто процентной уверенностью кому он принадлежит, мужчине или женщине, какие характерные особенности имеет.

На сегодняшний период в мире существует добровольная и принудительная дактилоскопия.

Добровольная дактилоскопия – процедура абсолютно бесплатная, не вредная и не долгая. Все её данные передаются в другие базы данных для использования только специальными службами, в необходимых ситуациях.

И это применяется не только в криминальных случаях.

Во время аварий, стихийных бедствий, при необходимости установления личности по результатам дактилоскопии сделать это будет намного легче. Бабушек и дедушек отпечатки пальцев могут спасти от махинации с документами, особенно в период продажи или в момент процесса наследования чего-либо.

В тот момент, когда человеку становится плохо на улице или он попадает в больницу, его личность не сложно будет установить по тем же отпечаткам пальцев. Благодаря дактилоскопии можно найти потерянного ребёнка, который не в состоянии о себе сообщить. Или, например, потеряв паспорт за границей, вы максимально быстро восстановите его, сообщив в консульстве о том, что проходили дактилоскопическую регистрацию.

В соответствии с ФЗ от 25 июля 1998 года № 128-ФЗ «О общегосударственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» представлена возможность для любого гражданина РФ нахождение добровольной дактилоскопической регистрации.

В муниципальную дактилоскопическую регистрацию входят получение, подсчет, сохранение, систематизация и актуальная выдача дактилоскопических данных, т.е. данные о спецификах построения орнаментов пальцев рук.

Самостоятельно процесс дактилоскопирования весьма значим и нужен.

В жизни может случиться столько негативных моментов, когда потерпевшими становятся множество людей в результате несчастных случаев, и в данный момент определить их местонахождение очень затруднено. В таком случае дактилоскопические сведения способны сыграть огромную помощь. По этой причине подобное регистрирование, безусловно, значимо для самих людей и производится в их интересах.

В настоящее время любому человеку, прошедшему дактилоскопическую регистрацию, гарантировано при несчастных случаях, авариях, наводнениях, землетрясениях, пожарах, террористических действиях, летных и ж/д авариях большая вероятность нахождения.

Огромную роль дактилоскопическая регистрация имеет для людей, страдающих потерей памяти. В данном случае, человек, потерявший память, никак не в состоянии вспомнить, восстановить в памяти о себе информацию, для того чтобы найти своих родственников.

Национальное добровольное дактилоскопическое регистрирование в нашем государстве возникло более одиннадцати лет назад.

Многие считают, что несчастные случаи совершаются не так часто, и поэтому на эту процедуру смотрят скорее с опаской, чем с пользой. Но все же несчастные случаи происходят.

К примеру, престарелый человек вышел в магазин за продуктами, не взяв с собой документы, вдруг ему неожиданно становится плохо, его увозят в больницу в бессознательном состоянии. В такой ситуации будет крайне тяжело найти родственников пострадавшего. Вот еще один значимый пример. Человек потерял память, никак не может вспомнить свое имя и место жительства. Или человек живет совсем один?

Возможность быть найденным в этой ситуации очень мала.

Таких ситуаций, к сожалению, весьма многочисленное количество не только лишь в Российской Федерации, однако и во всем мире.

Однако и молодые люди не застрахованы и также может потерять память. Найти и вернуть к себе домой как раз и поможет дактилоскопия.

Можно перечислить множество примеров. Ушел из дома трудный подросток. Рано или поздно его найдут работники правоохранительных органов. Непосредственно данный процесс сложно облегчить, если ребенок прошел дактилоскопическую регистрацию.

Находясь за границами Российской Федерации, человек, потерявший собственный паспорт, способен направиться в посольство за помощью и отметить, что он проходил дактилоскопическую регистрацию. В данном случае ему помогут быстро восстановить документы, проверив информацию о нем.

Примеров огромной пользы дактилоскопирования достаточно.

Главная цель, из-за которой следует проделать операцию добровольного дактилоскопирования, доказать, что ты являешься добропорядочным гражданином.

Человек, прошедший дактилоскопирование, никогда не совершит преступное деяние.

Можем отметить, если в Российской Федерации данный процесс добровольный, то в отдельных западных государствах – обязательная, и, можем заметить, демократия в этих странах никак не ущемлена.

Дактилоскопическая регистрация используется в следующих случаях

- поиск пропавших людей граждан РФ, зарубежных людей и лиц без гражданства
- поиск информации о неопознанных трупах лиц;
- поиск людей граждан РФ, зарубежных людей и людей без гражданства;
- предотвращения, выявления и следствия правонарушений, а кроме того управленческих преступлений.

Добровольная государственная дактилоскопическая регистрация ведется только лишь с письменного согласия регистрируемого, а кроме того отца, матери, усыновителей, либо родителей граждан РФ, недееспособных, и не достигших совершеннолетия лиц.

Данная регистрация занимает всего несколько минут. Все сведения, содержащаяся в заявлении и дактокарте, посылаются в Информативный орган.

Документы, которые необходимы для того, чтобы пройти регистрацию:

- заявление. Для недееспособных людей или несовершеннолетних – заявление подается попечителем либо опекуном, а также родителями;
- удостоверяющий личность документ.
- документ, подтверждающий несовершеннолетие или недееспособности человека
- опекуны либо попечители подают документы, подтверждающие опекунство либо попечительство.

Каждый гражданин, прошедший государственную дактилоскопическую регистрацию, может в любое время направиться в отделения ФМС Российской Федерации согласно месту жительства с заявлением о ликвидации дактилоскопических данных.

В протяжении 30 дней после подачи подобного положения гражданина письменно оповещают о ликвидации дактилоскопических данных.

Также все сведения уничтожаются в случае смерти гражданина, прошедшего дактилоскопирование, после подачи заявления родственников

Добровольная дактилоскопическая регистрация ведется бесплатно.

Не знаю, хочет ли государство контролировать людей, снижая преступность, таким образом, но безусловно, могу сказать и еще раз повторюсь, людей, которые согласны на добровольную дактилоскопическую регистрацию ничтожно мало, единицы. Человек просто боится, что в случае какой-либо ситуации, государство в лице, так сказать, своих помощников полицейских, вычислит его и представит перед законом. Все мы смертные, все мы можем преступить закон, человек это осознает. Вероятность того, что он будет наказан намного меньше, если же его пальчики есть в базе, которые быстро смогут его разоблачат. Но эта процедура не так уж и страшна.

В одном я уверена полностью, что дактилоскопическая регистрация имеет положительную сторону. В первую очередь для нас самих и наших близких. И как было выше сказано, если мы воспользуемся этой процедурой моментального нахождения человека, демократия от этого абсолютно не пострадает.

Список литературы

- 1 Федеральный закон от 25.07.1998 N 128-ФЗ (ред. от 05.12.2017) "О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», [N 391-ФЗ](#) (Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.12.2017, N 0001201712060035) (вступил в силу с 1 января 2018 года).
- 2 Постановление Правительства РФ от 06.04.1999 N 386 (ред. от 23.03.2017) "Об утверждении перечня должностей, на которых проходят службу граждане Российской Федерации, подлежащие обязательной государственной дактилоскопической регистрации"
- 3 Приказ МВД России от 14.07.2012 N 696 (ред. от 11.08.2017) Об утверждении м Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации
- 4 Бастрыкин, А. И. Знаки руки. Дактилоскопия / А. И. Бастрыкин. - СПб. , 2004. - 367 с.
- 5 Балко, В. И. К вопросу о классификации свойств отображений папиллярного узора человека / Балко В. И. // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2015. – С. 271–274
- 6 Балко, В. И. Классификация качества отпечатков ладони руки / Балко В. И. // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 6. – С. 38–40
- 7 Барей, Н. С. Становление отечественной дактилоскопии (первый этап развития дактилоскопии в России) / Н. С. Барей // Власть и управление на Востоке России. – 2013. – № 3 (64). – С. 177–182.
- 8 Самищенко, А. С. Распределение основных типов папиллярных узоров на пальцах рук: новые данные / Самищенко А. С. // Закон и право. – 2014. – № 3. – С. 121–123.
- 9 Уварова, И. А. История развития дактилоскопии / Уварова И. А. // EurasiaScience: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 19 июня 2015. – Пенза: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2015. – С. 216–217.

К ПРОБЛЕМАМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПО ДОГОВОРУ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

Спиридонова А.А., Гумерова Э.Ф.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны, РТ

Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон № 214-ФЗ), уступка

одной из сторон договора долевого строительства прав требований по договору будет возможна только в том случае, если была осуществлена оплата цены данного договора.

Также согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее по тексту - ГК РФ), уступка прав требования возможна в случае одновременного перевода долга на нового участника долевого строительства с проверкой наличия полной оплаты, которую должен осуществить цедент.

Однако при заключении договора уступки права требования по договору долевого участия в строительстве жилья могут возникнуть определенные сложности, которые мы рассмотрим далее.

К примеру, может возникнуть ситуация, при которой договор долевого участия был заключен на несколько квартир, а оплата застройщику произведена частично. Определение осуществления оплаты именно по тому объекту, по которому приобретаются права представляется сложной задачей. В условиях самого договора долевого участия могут быть определены правила, согласно которым номера квартир указываются в платежных поручениях или иных документах. Застройщик обязан предоставить документ, подтверждающий факт произведенной оплаты. В документе обязательно должна быть указана именно та квартира, права на которую приобретаются на момент заключения договора уступки. Необходимо также наличие пункта о существовании права инвестора на уступку прав по договору. В иных случаях могут возникнуть разного рода проблемы и конфликты. Например, застройщик может заявить, что на момент уступки платежи по основному договору не были оплачены. В таком случае уступка возможна лишь с переводом долга.

Крайне редко встречается ситуация, когда застройщик отказывает дольщику в уступке прав требования. Возможна ситуация, когда застройщик может отказать дольщику в переводе прав и обязанностей на другое лицо. Хотя в том случае, если все требования, установленные законодательством, соблюдены, оснований для такого отказа нет. В случае отказа застройщика можно добиться переоформления прав в судебном порядке. Естественно, что при переоформлении прав дольщикам следует быть особо внимательными и осторожными. На практике очень часто возникают проблемы с передачей помещений неким третьим лицам («двойные продажи»). Такие проблемы актуальны и по сегодняшний день.

Соглашение об уступке права требования в обязательном порядке должно пройти государственную регистрацию, и до момента окончания регистрации внесение платежей по данному соглашению невозможно, за исключением некоторых случаев. Так, к примеру, если одна из сторон будет требовать оплаты, договор может содержать в себе условие о задатке. Его суть будет состоять в том, что проводимый до регистрации уступки права требования платеж будет являться задатком в качестве обеспечения обязательств цедента по дальнейшей регистрации данного соглашения. Следует указывать срок, по которому произойдет возврат денежных средств при обстоятельствах, когда по тем или иным причинам соглашение об уступке права требования в установленный срок не пройдет регистрацию.

Гражданин, участвующий в долевом строительстве, может осуществить уступку права требования по договору долевого участия в строительстве жилья с момента его государственной регистрации и до момента, когда сторонами будет подписан передаточный акт или же иной документ, свидетельствующий о передаче объекта долевого строительства.

Одной из самых важных проблем, которая возникает у сторон договора уступки права требования по договору долевого участия в строительстве - это порядок, по которому осуществляются денежные расчеты. На данный момент огромное количество квартир, которые находятся в строящихся домах, покупаются для последующей перепродажи по договору уступки на завершающем этапе строительства, и соответственно, получения прибыли от такой продажи.

В том случае, если произойдет неисполнение своих обязательств со стороны застройщика, к нему могут быть применены соответствующие санкции, размер которых будет рассчитываться исходя из суммы договора долевого участия в строительстве жилья.

Цессионарий не может предъявить претензии к цеденту, поскольку последний по закону отвечает только за передачу прав требования. По Федеральному закону № 214-ФЗ, как уже было отмечено ранее, договор долевого участия в строительстве жилья сначала регистрируется, а только потом уплачиваются денежные средства. Если по неоплаченному, но зарегистрированному договору уступить права требования, то такие права требования при определенных условиях, установленных действующим законодательством, можно считать недействительными.

Новый кредитор вместе с приобретением права требования, принимает на себя и имеющиеся у прежнего участника долговые обязательства (в случае их наличия).

Достаточно часто встречается практика предоставления застройщиком рассрочки оплаты договора долевого участия в строительстве жилья. Стоит иметь в виду, что цена договора уступки права требования в таком случае будет зависеть от неоплаченной застройщику части взносов по рассрочке.

Согласие застройщика при переводе долга обязательно. Если договор не соответствует указанным требованиям, то он может быть признан недействительным судом.

В договоре может быть предусмотрена как полная единовременная оплата взноса, так и оплата в рассрочку. В том случае, если взнос до конца не произведен, а у участника долевого строительства по каким-то причинам возникла необходимость выйти из этого договора, то передача прав по такому договору возможна только с передачей обязанности по оплате, то есть с переводом долга. В таких случаях заключается договор о передаче долга. Данный договор можно заключить только с согласия застройщика. Затем одновременно заключаются договоры об уступке права требования и о переводе долга. Новый участник долевого строительства получает права требования по той части долевого взноса, который уже оплачен, и обязуется произвести полную оплату взноса. В том случае если взнос полностью оплачен, то согласие застройщика не требуется.

Таким образом, в том случае, если цена по договору уступки незначительно отличается от цены по договору долевого участия или равна ей и прошло более полугода с момента заключения договора долевого участия не спешите с оформлением сделки. Стоит проверить, не является ли застройщик на стадии банкротства, не является ли объект долгостроем, не имеется ли проблем с коммуникациями или других существенных проблем. О проблемах подобного рода могут свидетельствовать массовые продажи квартир в данном доме.

Список источников и литературы

- 1 Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [в ред. от 18.04.2018 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5.
- 2 Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2004 № 214-ФЗ [в ред. от 31.12.2017 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч.1). – Ст. 40.
- 3 Бычков А.И. Квартирный вопрос. Приобретение, реализация и защита права собственности на квартиру. – М.: Инфотропик Медиа. – 2016. – 316 с.
- 4 Бандо М.В. Частное право. Преодолевая испытания. К 60 - летию Б.М. Гонгало / Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валеева и др. – М.: Статут. – 2016. – 256 с.
- 5 Панова А.С. Гражданское право. Часть вторая : учебник / отв.ред., Ж.Н. Бородина. – М. : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права. – 2014. – 576 с.

ПРАВОВЫЕ НОВЕЛЛЫ УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ ПО ДОГОВОРУ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

Спиридонова А.А., Гумерова Э.Ф.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны, РТ

На современном этапе становления жилищного и инвестиционного права одно из ключевых мест занимает договор долевого участия в строительстве жилья, в том числе и многоквартирных домов. Заключение договоров по строительству многоквартирных домов имеет свою специфику и ряд особенностей. Со временем судами были определены подходы к рассмотрению дел. Так, к примеру, Президиум Высшего Арбитражного суда Российской Федерации в своем Информационном письме от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» проанализировав все позиции, обозначил рамки по целому комплексу проблем, которые связывают с уступкой права требования по договору долевого участия в строительстве многоквартирных домов.

В соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214 «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в

некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон № 214-ФЗ) у участником долевого строительства имеется возможность совершить уступку права требования по вышеупомянутому договору. Однако уступка будет возможна только в том случае, если была осуществлена оплата цены данного договора.

Соглашение об уступке права требования в обязательном порядке должно пройти государственную регистрацию, если иного не предусматривается законом.

Тем самым, Федеральный закон № 214-ФЗ содержит в себе общую информацию и требования к совершению уступки прав требований по договору. Он же включает в себя и определенные ограничения. Данный вопрос в научном труде «Перемена лиц в обязательстве из договора об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» был досконально разобран Новоселовой Л.А.

К примеру, к таким ограничениям, будет относиться, в первую очередь, возможность осуществления уступки права требования, или как ее часто называют, цессии. Она возникает только тогда, когда будет осуществлена государственная регистрация договора, и сторонами еще не подписаны передаточный акт или же иной документ, подтверждающий передачу объекта строительства.

К еще одному ограничению можно отнести возможность осуществления уступки права требования только после того, как дольщиком будет осуществлена уплата договора. Иначе дольщик будет вынужден вместе с договором уступки права требования на такую недвижимость заключить еще и договор, согласно которому он обязуется перевести вышеобозначенный долг на нового участника долевого строительства с предварительным получением согласия от кредитора-застройщика.

И наконец, уступка права требования по договорам участия в долевом строительстве невозможна в том случае, если договоры были заключены с юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями. Как это бывает, такие договоры со стороны – юридическим лицом или предпринимателем, связаны с инвестиционной деятельностью.

Тем самым, в случае, если при строительстве многоквартирного дома у коммерческой организации имеется доля, выраженная в нескольких квартирах, в дальнейшем организация будет вынуждена оформить эти квартиры в свою собственность, иначе это будет противоречить Федеральному закону № 214-ФЗ, потому как провести уступку права требования на квартиру гражданам до окончания срока строительства с соответствующей наценкой не представится возможным.

Однако вышеуказанный закон не содержит никаких ограничений по отношению к физическим лицам, которые могут на раннем этапе строительства вложиться в постройку нескольких квартир, а затем уступить их третьим лицам.

Детального анализа требуют и иные вопросы, возникающие при рассмотрении отношений, связанных с договором уступки прав требования.

К примеру, не редко встречается ситуация, при которой на момент уступки права требования по договору участия в долевом строительстве дольщиком не осуществлена выплата всей стоимости квартиры. При таких обстоятельствах у дольщика в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации возникает обязанность по заключению договора о переводе долга на нового участника долевого строительства.

В Федеральном законе № 214-ФЗ не закрепляется ответ на вопрос о государственной регистрации перевода долга на нового участника долевого строительства. По всей видимости, данная норма подразумевала составление сторонами единого документа, который бы содержал в себе положения, раскрывающие уступку прав требования и перевод долга. Однако такое представить довольно проблематично, поскольку это две совершенно разные сделки. Тем более, что перевод долга на другого участника осуществляется исключительно при наличии надлежащим образом оформленного согласия застройщика. Иначе перевод долга, как и сам договор уступки права требования, может быть признан недействительным.

При отсутствии законодательно закрепленной обязанности составления единого документа, обязать к этому всех участников невозможно. Следовательно, вполне логичной выглядит ситуация, при которой стороны имеют на руках огромное количество документов: это и договор уступки права требования, и договор о переводе долга, и даже письменное согласие кредитора-застройщика.

Тогда, для упрощения документооборота, договор уступки права требования в качестве приложений может содержать в себе договор о переводе долга, а также согласие застройщика.

Если же государственная регистрация договора о переводе долга все же потребуется, то логично считать, что момент перехода прав по договору цессии должен определяться датой государственной регистрации последнего из указанных договоров.

Определенные проблемы могут возникнуть и при применении положения Закона о запрете уступки после подписания сторонами передаточного акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства.

В соответствии со ст. 12 Закона обязательства застройщика считаются исполненными с момента подписания сторонами передаточного акта или иного документа о передаче объекта долевого строительства.

После подписания застройщиком и участником долевого строительства или его наследниками передаточного акта либо иного документа о передаче объекта долевого строительства участник или его наследники вправе обратиться в органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, с заявлением о государственной регистрации права собственности на объект долевого строительства, построенный за счет средств такого участия.

Надлежащее исполнение застройщиком обязательства по передаче объекта строительства прекращает это обязательство; при отсутствии обязательства нет объекта сделки уступки (права требования). Таким образом, положения ч. 2 ст. 12 Закона по существу лишь констатируют, что уступка прав по исполненному обязательству (создать и передать объект строительства) невозможна.

Список источников и литературы

- 1 Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [в ред. от 18.04.2018 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5.
- 2 Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2004 № 214-ФЗ [в ред. от 31.12.2017 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч.1) . – Ст. 40.
- 3 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М. : Статут. – 2011. – 847 с/
- 4 Новоселова Л.А. Перемена лиц в обязательстве из договора об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости // Хозяйство и право. – 2005. – № 8.
- 5 Панова А.С. Гражданское право. Часть вторая : учебник / отв.ред., Ж.Н. Бородина. – М. : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права. – 2014. – 576 с.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

НЕНОРМИРОВАННЫЙ РЕЖИМ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ И СВЕРХУРОЧНАЯ РАБОТА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Демидов Д.Ю., Данилюк И.А.

(Демидов Д.Ю. - Старший преподаватель Рубцовского института филиала АлтГУ
г. Рубцовск, Алтайский край, Россия;

Данилюк И.А. - Старший преподаватель Рубцовского института филиала АлтГУ
г. Рубцовск, Алтайский край, Россия)

Аннотация: выявляются проблемы законодательства Российской Федерации о ненормированном режиме рабочего времени и сверхурочной работе. Рассматривается порядок привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени. Анализируется порядок учета переработки сверх установленного рабочего времени.

Ключевые слова: рабочее время, ненормированный режим рабочего времени; сверхурочная работа; компенсация за работу сверх установленной продолжительности рабочего времени.

Переработки сотрудников на сегодняшний день стали не просто частым, а практически повседневным явлением. Так, при трудоустройстве многие работодатели предупреждают будущих

работников о ненормированном рабочем дне в связи с производственной необходимостью. В рамках данной статьи представляется необходимым рассмотреть сходства и отличия ненормированного режима рабочего времени и сверхурочной работы.

Трудовым кодексом РФ, а именно статьей 97 предусмотрено, что работодатель имеет право привлекать работника к работе за пределами продолжительности рабочего времени, установленной для данного работника [1, с. 34]. Законодателем предусмотрены 2 вида такой работы: сверхурочная работа и ненормированный рабочий день.

Сверхурочная работа – это работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени: ежедневной работы (смены), а при суммированном учете рабочего времени - сверх нормального числа рабочих часов за учетный период (ч.1 ст.99 ТК РФ).

Ненормированный рабочий день - особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени (ст.101 ТК РФ).

На первый взгляд понятия сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня имеют много общего, так как отражают ситуации, при которых работники трудятся за пределами установленного для них рабочего времени. Многие работодатели подменяют одно понятие другим в различных ситуациях именно так, как удобно для них, но зачастую забывают о возможном нарушении закона. Попробуем разобраться в понятиях, чтобы на практике не совершать распространенных ошибок и избежать возможной ответственности и судебных тяжб с работниками.

Работодатель может привлечь работника к сверхурочной работе только лишь с его письменного согласия в следующих случаях:

1) при необходимости выполнить начатую работу, которая вследствие непредвиденной задержки по техническим условиям производства не могла быть выполнена в течение установленной для работника продолжительности рабочего времени, если невыполнение этой работы может повлечь за собой порчу или гибель имущества работодателя, государственного или муниципального имущества или третьих лиц, в случае если работодатель несет ответственность за его сохранность, либо создать угрозу жизни и здоровью людей;

2) при производстве временных работ по ремонту и восстановлению механизмов или сооружений в тех случаях, когда их неисправность может стать причиной прекращения работы для значительного числа работников;

3) для продолжения работы при неявке сменяющего работника, если работа не допускает перерыва. В этих случаях работодатель обязан немедленно принять меры по замене сменщика другим работником (ч.2 ст.99 ТК РФ);

4) а также в иных случаях, но с учетом мнения профсоюза (ч.4 ст.99 ТК РФ).

Также Трудовым кодексом предусмотрено привлечение работодателем работника к сверхурочной работе без его согласия, но только лишь в следующих случаях:

1) при производстве работ, необходимых для предотвращения катастрофы, производственной аварии или стихийного бедствия;

2) при производстве общественно необходимых работ по устранению непредвиденных обстоятельств, нарушающих нормальное функционирование систем водоснабжения, газоснабжения, отопления, освещения, канализации, транспорта, связи;

3) при производстве работ, необходимость которых обусловлена введением чрезвычайного положения, а также неотложных работ в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть в случае бедствия или угрозы бедствия (пожары, наводнения, голод, землетрясения, эпидемии или эпизоотии) и в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия населения.

Трудовым кодексом также предусмотрен перечень категорий работников, которые не могут быть привлечены к сверхурочной работе ни при каких обстоятельствах: беременные женщины и работники в возрасте до восемнадцати лет.

Продолжительность сверхурочной работы не должна превышать для каждого работника 4 часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год, при этом необходимо обеспечить точный учет такой работы каждого работника. Для этой цели используется Табель учета рабочего времени и расчета оплаты труда

(унифицированная ф.№Т-12, утвержденная Постановлением Госкомстата России от 05.01.2004 №1) или Табель учета рабочего времени (ф.№Т-13), который должен вестись в организации.

Сверхурочная работа оплачивается за первые два часа работы не менее чем в полуторном размере, за последующие часы - не менее чем в двойном размере. Условия оплаты конкретизируются коллективными договорами, локальными нормативными актами или трудовым договором. По желанию работника сверхурочная работа вместо повышенной оплаты может компенсироваться предоставлением дополнительного времени отдыха, но не менее времени, отработанного сверхурочно (ст.152 ТК РФ).

В организации возможна ситуация, когда по итогам года получается, что некоторые работники привлекались сверхурочно более 120 часов. При обнаружении такого случая оплата сверхурочных часов (более 120 часов в год) производится в общем порядке (Письма Минфина России от 02.02.2006 №03-03-04/4/22, от 07.11.2006 №03-03-04/1/724), но к организации могут быть применены санкции за нарушение трудового законодательства [4, с.289].

Далее представляется необходимым рассмотреть смежное сверхурочной работе понятие – ненормированный рабочий день.

Главной особенностью ненормированного рабочего дня является право работодателя требовать от работника задержаться по окончании рабочего дня для выполнения срочной работы. При этом ни периодичность, ни продолжительность таких работ трудовым законодательством не регулируются, что в конечном итоге выгодно для работодателя. Хотя работник при ненормированном рабочем дне трудится сверх установленной для него нормы рабочего времени, то есть в большинстве случаев за пределами 40 часов в неделю, никакой доплаты или оплаты за эти рабочие часы он не получает [2, с. 124].

Ненормированный рабочий день является особым режимом работы. Спецификой данного режима является то, что он устанавливается для отдельных работников, должности которых включены в перечень работников с ненормированным рабочим днем. Трудовой кодекс не содержит перечень должностей, в том числе типовых, в отношении которых может устанавливаться режим ненормированного рабочего времени. Согласно ст. 101 ТК РФ такой перечень предусматривается коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка. В него, как правило, включаются руководящий, технический, хозяйственный персонал, другие лица, труд которых в течение рабочего дня не поддается точному учету, которые распределяют рабочее время по своему усмотрению или рабочее время которых по характеру работы делится на части неопределенной продолжительности [3, с. 97]. Если режим ненормированного рабочего дня установлен не для всех работников организации, то особенности режима труда обязательно должны быть отражены в трудовом договоре с работником (ст.ст. 57, 100 ТК РФ). В настоящее время после внесения изменений в Трудовой кодекс (Федеральный закон от 30.06.2006 №90-ФЗ) ненормированный рабочий день может быть установлен также для работников, трудящихся неполный рабочий день, т.к. такие работники могут привлекаться к труду за пределами установленной для него продолжительности рабочего дня, а не за пределами нормальной продолжительности, что было указано в Трудовом кодексе до внесения изменений.

Согласно действующему трудовому законодательству работники могут по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени. Одно из отличий ненормированного рабочего дня от сверхурочных работ состоит в том, что привлечение работников не требует получения их письменного согласия или согласия органа профсоюзной организации. Работа за пределами установленной продолжительности рабочего времени осуществляется только на основании распоряжения работодателя. Однако указанные работники не должны привлекаться к работе во внеурочное время систематически, а также в выходные и праздничные дни, и их труд должен быть обоснован производственной необходимостью. В случае возникновения необходимости работы в ночное время на них распространяются нормы о работе в ночное время (ст.96 ТК РФ). Кроме того, работник должен привлекаться для выполнения именно своей трудовой функции, если он выполняет работу, не имеющую отношения к его основной работе, то речь идет уже не о ненормируемом рабочем дне, а о внутреннем совместительстве.

Выгодной для работодателя особенностью режима ненормированного рабочего времени является то, что работа сверх установленной для работника продолжительности рабочего дня производится без дополнительной оплаты. Единственной формой компенсации при этом является предоставление дополнительного оплачиваемого отпуска. Статьей 119 ТК РФ установлена минимальная продолжительность такого отпуска - три календарных дня, а для работников организаций, финансируемых из федерального

бюджета, существуют уточняющие нормативные акты (Правила предоставления ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска работникам с ненормированным рабочим днем в организациях, финансируемых из федерального бюджета, утв. Постановлением Правительства РФ от 11.12.2002 N 884, Правила об очередных и дополнительных отпусках, утв. НКТ СССР 30.04.1930 №169). Оплата такого отпуска относится к расходам на оплату труда, даже если работник в течение года не привлекался к работе сверх нормы рабочего времени, но относится к категории работников, которым дано право на дополнительный отпуск (Письмо Минфина России от 28.01.2005 №03-03-01-04/1/38). Расходы на оплату ежегодного дополнительного отпуска продолжительностью не менее трех календарных дней учитываются в фактических размерах при соблюдении порядка его предоставления, предусмотренного действующим законодательством (Письмо Минфина России от 06.05.2006 №03-03-04/2/131). Эта часть отпуска, как превышающая 28 календарных дней, может быть заменена денежной компенсацией (ст. 126, 127 ТК РФ). Однако так как ненормированный рабочий день является условием, отклоняющимся от нормальных, то на основании ст. 149 ТК РФ работнику могут производиться дополнительные выплаты, но только если они предусмотрены трудовым законодательством и иными правовыми актами, коллективным договором, локальными нормативными актами, трудовым договором [1, с. 49]. На данный момент нормативными правовыми актами такие выплаты не установлены, следовательно, возможность их начисления работодатели могут предусмотреть самостоятельно внутриорганизационными документами.

На всех работников, в том числе и для тех, кому установлен режим ненормированного рабочего дня, заполняются Табели учета рабочего времени. Законодательством не предусмотрено, как следует отражать работу сотрудников с ненормированным рабочим днем в таблице. Однако если исходить из общих правил заполнения табеля, то следует отразить реальное количество отработанных часов, что может послужить дополнительным доказательством правомерности применения гарантий, предусмотренных для работников с ненормированным рабочим днем.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 3.
2. Герасимов А.В. Трудовое право. Курс лекций.- Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015.- 408 с.
3. Гилевич А.В. Актуальные проблемы правового регулирования режимов рабочего времени // Проблемы науки. 2016. № 12. С. 21.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный), (6-е изд., исп, доп. и перераб.) / Отв. ред. Ю.П.Орловский.-М.: Инфра-М, Контракт, 2014.- 1680 с.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Кулакова С.В.

юрист, ПАО «ГТЛК», г. Москва

В силу ст. 197 Трудового кодекса Российской Федерации (далее - ТК РФ) работники имеют право на подготовку и дополнительное профессиональное образование. Согласно ст. 196 ТК РФ необходимость подготовки работников и дополнительного профессионального образования для собственных нужд определяет работодатель. На практике работодатели при направлении работников на повышение квалификации заключают с обучающей организацией договор на оказание образовательных услуг, а с работником (если повышение квалификации не является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации) ученический договор или иное соглашение об обучении[1]. Причем нередко дни обучения совпадают с выходными днями работника. Проведенное исследование законодательства позволяет сделать вывод, что данный вопрос не урегулирован, и соответственно требуется его решение на уровне договорного регулирования и/или в локальных нормативных актах работодателей.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012г. «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) дополнительное образование – это вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном,

духовно-нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается повышением уровня образования. В силу части 6 ст. 10 Закона об образовании подвидом дополнительного образования является дополнительное профессиональное образование.

Дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной реализации дополнительных профессиональных программ, к которым относятся программы повышения квалификации и программы профессиональной переподготовки (ст. 76 Закона об образовании).

Программы повышения квалификации направлены на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации (ч.4 ст. 76 Закона об образовании). Программы профессионального переподготовки направлены на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации (ч.5 ст. 76 Закона об образовании). Освоение дополнительных профессиональных образовательных программ завершается итоговой аттестацией. Лицам, успешно освоившим соответствующую дополнительную профессиональную программу и прошедшим итоговую аттестацию, выдается удостоверение о повышении квалификации.

Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам утвержден Приказом Министерства образования и науки от 01.07.2013г. №499. В соответствии с указанным документом срок освоения дополнительной профессиональной программы должен обеспечивать возможность достижения планируемых результатов и получение новой компетенции (квалификации), заявленных в программе. Минимально допустимый срок освоения программ повышения квалификации не может быть менее 16 часов (пункт 12).

Исходя из изложенного, краткосрочные семинары (менее 16 часов) не являются дополнительным профессиональным образованием.

Согласно ст. 187 ТК РФ при направлении работодателем работника на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование с отрывом от работы за ним сохраняются место работы (должность) и средняя заработная плата по основному месту работы. Работникам, направляемым на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование с отрывом от работы в другую местность, производится оплата командировочных расходов в порядке и размерах, которые предусмотрены для лиц, направляемых в служебные командировки.

Для правильного толкования данной нормы целесообразно обратиться к Положению об особенностях направления работников в служебные командировки, утв. Постановлением Правительства РФ от 13.10.2008 N 749 (ред. от 29.07.2015) "Об особенностях направления работников в служебные командировки». В соответствии с п. 9 указанного Положения средний заработок за период нахождения работника в командировке, а также за дни нахождения в пути, в том числе за время вынужденной остановки в пути, сохраняется за все дни работы по графику, установленному в командирующей организации.

Таким образом, можно сделать вывод, что при направлении работника на дополнительное профессиональное образование по программе повышения квалификации с отрывом от работы работодатель обязан сохранять средний заработок только за те дни, которые являются для работника рабочими в соответствии с его режимом работы.

Прямых норм, регулирующих вопрос оплаты обучения в выходные дни, трудовое законодательство не содержит.

Согласно ст.153 ТК РФ работа в выходной или нерабочий праздничный день оплачивается не менее чем в двойном размере:

сдельщикам - не менее чем по двойным сдельным расценкам;

работникам, труд которых оплачивается по дневным и часовым тарифным ставкам, - в размере не менее двойной дневной или часовой тарифной ставки;

работникам, получающим оклад (должностной оклад), - в размере не менее одинарной дневной или часовой ставки (части оклада (должностного оклада) за день или час работы) сверх оклада (должностного оклада), если работа в выходной или нерабочий праздничный день производилась в пределах месячной нормы рабочего времени, и в размере не менее двойной дневной или часовой ставки (части оклада (должностного оклада) за день или час работы) сверх оклада (должностного оклада), если работа производилась сверх месячной нормы рабочего времени.

Конкретные размеры оплаты за работу в выходной или нерабочий праздничный день могут устанавливаться коллективным договором, локальным нормативным актом, принимаемым с учетом мнения представительного органа работников, трудовым договором.

Оплата в повышенном размере производится всем работникам за часы, фактически отработанные в выходной или нерабочий праздничный день. Если на выходной или нерабочий праздничный день приходится часть рабочего дня (смены), в повышенном размере оплачиваются часы, фактически отработанные в выходной или нерабочий праздничный день (от 0 часов до 24 часов).

По желанию работника, работавшего в выходной или нерабочий праздничный день, ему может быть предоставлен другой день отдыха. В этом случае работа в выходной или нерабочий праздничный день оплачивается в одинарном размере, а день отдыха оплате не подлежит.

При невыполнении норм труда, неисполнении трудовых (должностных) обязанностей по вине работника оплата нормируемой части заработной платы производится в соответствии с объемом выполненной работы.

Применение норм ст. 153 ТК РФ в данной ситуации является, с одной стороны, спорным, поскольку учеба в выходной день не является выполнением должностных обязанностей работника, т.е. не является работой. С другой стороны, в силу ст. ст. 106-107 ТК РФ выходные дни являются видом времени отдыха, т.е. времени, в течение которого работник свободен от исполнения трудовых обязанностей и которое он может использовать по своему усмотрению. Очевидно, что указанный в законодательстве признак времени отдыха не применим к ситуации, когда работник направлен на дополнительное профессиональное образование в выходной день на основании распоряжения работодателя. Работник не имеет возможности использовать данное время по усмотрению, т.к. выполняет распоряжение работодателя о получении дополнительного профессионального образования.

Поэтому, несмотря на то, что формально трудовое законодательство не содержит обязанности оплачивать время дополнительного профессионального образования, которое приходится на выходной день работника, по мнению автора, оплата данного времени должна проводиться по правилам, установленным ст. 153 ТК РФ для работы в выходной день[2].

В целях определенности прав и обязанностей работника и работодателя по оплате выходных дней работника, в которые он проходит дополнительное профессиональное образование, целесообразно закреплять соответствующие нормы в соглашениях об обучении (ученических договорах) и/или в локальных нормативных актах работодателя.

Статья 198 ТК РФ предусматривает, что работодатель – юридическое лицо (организация) имеет право заключить с лицом, ищущим работу, или с работником данной организации ученический договор на получение образования с отрывом или без отрыва от работы.

Согласно ст. 199 ТК РФ ученический договор должен содержать, наименование сторон, указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником, обязанность работодателя обеспечить работнику возможность обучения в соответствии с ученическим договором, обязанность работника пройти обучение и в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, указанного в ученическом договоре, срок ученичества, размер оплаты в период ученичества. Время ученичества в течение недели не должно превышать нормы рабочего времени, установленной для работников соответствующих возраста, профессии, специальности при выполнении соответствующих работ (ст. 203 ТК РФ). Согласно ст. 91 ТК РФ нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю. Ученикам в период ученичества выплачивается стипендия, размер которой определяется ученическим договором и зависит от получаемой квалификации, но не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (ст. 204 ТК РФ).

На основании указанных положений законодательства можно сделать вывод, что предусмотренная ученическим договором стипендия выплачивается за время ученичества, которое не превышает нормы рабочего времени. Повышение квалификации в выходные дни, безусловно, должно предполагать дополнительную оплату.

Поэтому при заключении ученического договора или иного соглашения об обучении необходимо предусматривать порядок оплаты дней ученичества, приходящиеся на выходные дни работника в соответствии с его режимом работы.

Что касается краткосрочных семинаров (объемом менее 16 часов), которые не относятся к дополнительному профессиональному образованию, то трудовое законодательство не содержит норм, предусматривающих предоставление каких-либо гарантий работникам, направленным на краткосрочные

семинары. Положения ТК РФ, регулирующие ученический договор, в данном случае также не применяются, поскольку по краткосрочные семинары не направлены на получение квалификации. Решением проблемы, по мнению автора, является закрепление соответствующих гарантий в локальных нормативных актах работодателя.

¹ Термин «соглашение об обучении» упоминается в ст. 249 ТК РФ. В соответствии с позицией, сформулированной в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2017 N 16-КГ17-3, ученический договор является одним из видов договоров об обучении за счет средств работодателя, между работодателем и работником могут заключаться как ученический договор, так и иные договоры об обучении.

²В силу отсутствия законодательного регулирования можно рассматривать также в качестве правомерной точку зрения о сохранении в выходной день за работником среднего заработка. Недостатком такого подхода является тот факт, что невозможность для работника использовать выходной день по своему усмотрению не компенсируется в повышенном размере (по аналогии с оплатой труда в выходной день).

Список нормативных актов

1. Трудовой кодекс Российской Федерации//СПС КонсультантПлюс;
2. Федерального закона от 29.12.2012г. (ред. от 07.03.2018) «Об образовании в Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс;
3. Постановление Правительства РФ от 13.10.2008 N 749 (ред. от 29.07.2015) "Об особенностях направления работников в служебные командировки»//СПС КонсультантПлюс;
4. Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 N 499 (ред. от 15.11.2013) "Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам" (Зарегистрировано в Минюсте России 20.08.2013 N 29444)//СПС КонсультантПлюс;
5. Определении Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2017 N 16-КГ17-3// СПС КонсультантПлюс.

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Амиров Р.Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Вопросы злоупотребления правом находятся в центре внимания исследователей достаточно давно. Являясь межотраслевой правовой категорией, данный термин, тем не менее, чаще рассматривается применительно к гражданско-правовой сфере, хотя с точки зрения потенциального вреда, нанесенного другим участникам общественных отношений, наиболее опасно злоупотребление уголовным правом.

Злоупотребление правом «является межотраслевой категорией, проявляющей себя и в тех общественных отношениях, которые урегулированы нормами публичного права» [7, с.158].

Основные черты злоупотребления правом включают:

- 1) наличие собственно субъективного права, включая гражданско-правовые, процессуальные и т.д.;
- 2) субъективное право используется управомоченным лицом не в соответствии с его назначением;

3) действия субъекта по использованию своих прав не в соответствии с их назначением несут угрозу причинения вреда участникам общественных отношений или наступление данного вреда [7].

Уголовное право содержит две основные группы норм с точки зрения возможности и вероятности злоупотребления:

1) нормы, содержащиеся в Общей части УК РФ и образующие институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (превышение пределов необходимой обороны; причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании и др.);

2) нормы, регулирующие в Особенной части УК РФ запреты на злоупотребление полномочиями (статьи 201, 202 и 285 УК РФ).

Ярким примером злоупотребления полномочиями в рамках уголовного права является коррупция. В судебной практике содержатся следующие примеры:

1. Подсудимый А.В.С, находясь на территории N, получил взятку. Действуя умышленно, из корыстной заинтересованности, А.В.С. решил использовать свои должностные полномочия для получения от представителя общества взятку в виде в размере 20 000 рублей за осуществление законных действий в пользу общества, связанных с назначением наиболее благоприятного для общества как юридического лица административного наказания в виде предупреждения [9].

2. А.В.С. принят на должность преподавателя физической культуры. В период с 01.06.2014 по 20.06.2014 (точное время не установлено) студенты 1 курса, зная о том, что преподаватель А.В.С. за взятки проставляет студентам в зачетные книжки оценки «зачтено» по учебной дисциплине «Физическая культура» без принятия и защиты реферата, то есть без фактической сдачи зачета в установленном порядке, обратились к Б. и попросили его выступить посредником в достижении договоренности в передаче взятки за проставление зачета по данной дисциплине [10].

Особую специфику составляет злоупотребление процессуальными правами в рамках уголовного процесса. Здесь можно выделить следующие возможные ситуации причинения вреда другим участникам общественных отношений:

1. Злоупотребление правом потерпевшим в рамках уголовного процесса.

Типичным примером является обращение проигравшей стороны в правоохранительные органы о возбуждении уголовного дела в целях вынудить сторону спора гражданско-правового характера по вопросам «истребования имущества из чужого законного (незаконного) владения, споров о восстановлении права залога, об обращении взыскания на заложенное имущество» отказаться от решения в их пользу [5]. Основным механизмом давления на ответчиков по уголовному делу со стороны потерпевших является наложение ареста на имущество потерпевшего по ходатайству следователя в целях препятствования его истребования ответчиком в рамках исполнения решения суда другой инстанции.

2. Злоупотребление правом адвокатом-защитником в отдельных защитных ситуациях досудебного производства по уголовным делам.

В рамках данной категории случаев злоупотребление уголовным правом речь идет об обращении к адвокату лиц, совершивших на тот момент преступление, а также замысливающее или подготавливающее преступление и т.п. Действия адвоката по сокрытию факта преступления или сокрытия от правоохранительных органов места положения клиента, взятого им под защиту, является ярким примером злоупотребление уголовным правом.

3. Злоупотребление правом подзащитного в рамках досудебной стадии уголовного производства.

Основным примером в данном случае является искусственное затягивание уголовного процесса путем приглашения нового защитника, что естественно продлевает период ознакомления с материалами уголовного дела.

В целом основной проблемой злоупотребления уголовным правом является наличие двух тенденций: употребление термина «злоупотребление» в рамках правовых норм безотносительно сути данного термина (злоупотребление доминирующим положением, правом выпуска ценных бумаг и т.п.) и отсутствие в УК РФ многих примеров опасных злоупотреблений правом (общественно опасные посягательства, совершаемые участниками процесса при рассмотрении судами дел в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства, и т.п.).

В целях совершенствования установления фактов злоупотребления уголовным правом необходимо совершенствовать уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, особенно в части устранения правовых коллизий по определению «злоупотребления правом», а также ужесточение требований к порядку

проведения следственного действия, в части разработки и законодательного закрепления порядка установления факта злоупотребление правом.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – ст. 2954.
2. Даровских С.М. О совершенствовании порядка установления факта злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве / С.М. Даровских // Уголовная юстиция. – 2017. – № 2 (10). – С. 30-34.
3. Диваев А.Б. Злоупотребление правами участников судебного разбирательства уголовных дел в условиях состязательности / А.Б. Диваев // Уголовная юстиция. – 2017. – № 2 (10). – С. 35-42.
4. Костенко К.А. Злоупотребление правом на выбор защитника в стадии ознакомления с материалами уголовного дела, или "коней на переправе не меняют" // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 2 (16). – С. 112-116.
5. Машинникова Н.О. "Злоупотребление правом" потерпевшим в рамках уголовного процесса / Н.О. Машинникова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 20. – С. 138-142.
6. Милицин С.Д. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом и проблема "заказных" уголовных дел / С.Д. Милицин // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 6 (96). – С. 44-47.
7. Пономарев В.Г. О сущности злоупотребления правом и его месте в уголовном законодательстве Российской Федерации / В.Г. Пономарев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 1. – С. 158-167.
8. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства / Т.В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 3 (17). – С. 65-78.
9. Решение по делу 1-87/2017 (1-364/2016): сайт РосПравосудие // <https://rospravosudie.com/court-nizhegorodskij-rajonnyj-sud-g-nizhnij-novgorod-nizhegorodskaya-oblast-s/act-549876750/>.
10. Решение по делу 1-41/2016: сайт РосПравосудие // <https://rospravosudie.com/court-skopinskij-rajonnyj-sud-ryazanskaya-oblast-s/act-502845641/>.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА

Лузянина С.А.

Научный руководитель: **Левинсон В.В.**

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан

В данной статье, на основании изучения судебной практики, обозначается набор характеристик и ситуаций, при которых граждане, в большей степени, склонны становиться жертвами от мошенничества.

Ключевые слова: Мошенничество, потерпевшие, личность, криминология, судебная практика.

In this article, on the basis of judicial practice, a set of characteristics and situations at which citizens, more, are inclined to become the victims from fraud is designated.

Keywords: Fraud, victims, personality, criminology, judicial practice.

Нами было проведено исследование уголовных дел, возбужденных по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», подразумевающей хищение чужого имущества или приобретение прав на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Для изучения данной категории преступлений были рассмотрены уголовные дела с 2011 по 2014 год. Мошенничество является одним из самых часто совершаемых преступлений в Республике Хакасия, что подтверждается данными судебной статистики, предоставленной Судебным департаментом г. Абакана [2], согласно которой, в 2011 году было рассмотрено

113 дел данной категории, в 2012 – 117, в 2013 – 91, а в 2014 – 141 дело. Кроме этого необходимо учесть, что и в настоящее время мошенничество распространено. Так, в Республики Хакасия, только за первое полугодие 2017 года мировыми судами было рассмотрено 30 дел, а городскими (районными) 40 дел данной категории. Если обратиться к данным судебного департамента при Верховном суде РФ [1], за первое полугодие 2017 года по всей стране окончено 14 438 уголовных дел о мошенничестве. Таким образом, количество преступлений по Республике Хакасии составляет приблизительно 0,5% от общего числа преступлений. Эти данные обуславливают актуальность нашего исследования. Практическая значимость работы заключается в том, что, опираясь на данные прошлых лет, появляется возможность обозначить набор характеристик и ситуаций, при которых граждане, в большей степени, склонны становиться жертвами от мошенничества. Соответственно, обладая такой информацией, появляется возможность совершенствовать осуществление предупреждения преступлений данной категории.

Методологической основой работы стали общенаучные и частные методы познания: анализ и синтез, сравнение, метод обобщения данных, а также индуктивный метод.

Изучая сведения о потерпевшем, нами учитывались половозрастные характеристики, семейное положение, образование, род занятий, сколько раз лицо становилось потерпевшим, его отношения с преступником на момент совершения преступления, а также состояние потерпевшего в момент совершения преступного деяния: имело ли место алкогольное, наркотическое или иное опьянение или же лицо находилось в «трезвом» виде.

Итак, наибольшее число преступлений по ч. 1 ст. 159 УК совершается в отношении лиц, в возрасте от 40 до 50 лет – 41%. От 30 до 40 лет – 39%. Старше 50 лет – 8%. До 30 и до 18 лет – равное количество – по 5%. При этом, в 55% случаях потерпевшими становились мужчины, а в 45% - женщины. 71% потерпевших лиц состоят в браке, 29% - холосты или не замужем. По ч. 2 - 4 ст. 159 УК чаще всего потерпевшими становились лица до 30 и до 40 лет – 31%, в 22% случаев потерпевшие были старше 50 лет, реже всего среди жертв можно встретить лиц возрастной категории от 40 до 50 лет – 13%. Думается, что подобная возрастная градация обусловлена несколькими причинами. Во-первых, молодых людей чаще тревожат вопросы, касательно покупки и продажи жилищ, обустройства быта, поисков наилучшего варианта работы, а также они чаще находятся в компаниях, зачастую, незнакомых или малознакомых людей. Кроме этого, данной возрастной категории зачастую не хватает жизненного опыта и осмотрительности, при попадании в нетипичную для них ситуацию (так, девушка, желающая сдать драгоценности в ломбард из-за тяжелого материального положения, просит своего друга помочь ей в этом, поскольку сама она никогда раньше не обращалась в подобные организации). Люди старшего возраста – старше 50 лет – больше заинтересованы в улучшении своего быта, но из-за невнимательности, доверчивости, неприспособленности к особенностям современной жизни с новыми технологиями, становятся жертвами мошенников. Представители возрастной категории от 40 до 50 меньше всего склонны становиться жертвами преступлений вероятно потому, что имеют более обширный жизненный опыт, чем молодые люди, но, при этом, являются более осторожными и приспособленными для освоения нового, чем люди пенсионного возраста. Потерпевшие по всем частям данной статьи, имеющие высшее образование, представляют большинство – 67% по ч. 1 ст. 159 УК и 39% по ч. 2 – 4 ст. 159 УК. По ч. 1 ст. 159 УК 86% являются работающими, 8% - студенты, 6% потерпевших не работают и не учатся, 8% являются учащимися школ. По ч. 2 – 4 68% всех потерпевших от мошенничества работают, 27% - не работают и не учатся, 4% являются студентами СПУ. В 79% случаев поведения потерпевших было социально-одобряемое, в 21% наблюдалось социально-неодобряемое, когда потерпевшие находились, например, в состоянии алкогольного опьянения, после чего в отношении них было совершено преступление. В 67% случаев имелись данные о том, что лицо стало жертвой преступления впервые, в оставшихся 33% потерпевший отмечал, что становился таковым более одного раз. У 57% потерпевших от ч. 1 ст. 159 поведение в предкриминальной ситуации являлось нейтральным, ситуация преступления полностью инициировалась преступником, у 43% наблюдалась склонность к виктимности – заключение сделки на подозрительных условиях, передача денег без осмотра товара, доверие своего имущества малознакомым людям и т.п.

Не менее важными представляются сведения о взаимоотношениях преступника и потерпевшего до момента совершения преступного деяния и в самой ситуации совершения преступления. В большинстве случаев по ч. 1 ст. 159, в 80%, жертва и преступник были незнакомы и, соответственно, отношения между ними до момента совершения преступления отсутствовали. В 11% всех преступлений потерпевший и преступник являлись знакомыми, в 6% - коллегами по работе, в 3% - друзьями. Говоря об отношении жертвы к преступнику по ч. 2 – 4 ст. 159, незнакомцами было совершено 45%, знакомыми – 32%, друзьями и

коллегами по работе – 9%, соседями – 4%. При этом, логично, что между преступником и жертвой в 45% случаев, отношения отсутствовали до момента совершения преступления. Другие 45% приходятся на ситуации, где жертва и преступник знакомы, являются коллегами или соседями по дому, имея при этом нейтральные отношения. Только в 10% случаев наблюдаются положительные отношения – преступления, совершенные близкими друзьями.

Следующий критерий – виктимность потерпевшего и его поведение в предкриминальной ситуации. Большинство жертв – 68% - имеют склонность к становлению потерпевшими. Личностная виктимность, обусловленная половозрастными характеристиками, встречается в 27% случаев, как раз здесь жертвами становятся пенсионеры. Только 5% потерпевших виктимность не присуща, а их поведение можно оценить как предусмотрительное, осторожное. 86% потерпевших имели социально-одобряемое виктимное поведение. В пример можно привести желание помочь лицу, в дальнейшем оказавшимся преступником и воспользовавшимся доверием жертвы (как раз такой распространенный случай, как: «можно позвонить с Вашего телефона, зайти в интернет, вызвать машину?») и т.п.). Довольно часто встречается случай, когда лицо желает приобрести квартиру, найти работу, купить какое-то имущество, в результате чего становится жертвой мошенников.

Таким образом, на основании проведенного исследования, становится очевидна некоторая закономерность качеств жертв и ситуаций, в которые они попадают. Касательно физиологических характеристик, можно сказать, что потерпевшими могут становиться как мужчины, так и женщины – виктимность в данном случае не зависит от половой принадлежности. Средний возраст потерпевших варьируется от 30 до 50 лет. При этом количество потерпевших в промежутке от 35 до 45 лет уменьшается, затем – от 45 до 50 – снова возрастает. Большинство жертв являются работающими, имеют высшее образование. При этом у потерпевших наблюдалось социально-одобряемое поведение, нахождение в состоянии алкогольного или иного опьянения очень редко и встречалось только в возрастной группе от 20 до 30 лет. Соответственно, выделить какие-то характерные физиологические особенности таких потерпевших достаточно сложно. Однако особенности характера в данном случае играют значительно большую роль. Потерпевшим от мошенничества присуща неосторожность в своем поведении и поступках, некая доверчивость в отношении окружающих, являющихся незнакомыми им людьми. Особенно ярко такая неосмотрительность прослеживается в ситуациях, когда имеют место сделки на крупные суммы денег: покупка техники, жилья, мебели, проведение ремонтных работ с наемными рабочими и т.д. Потерпевшие «пускают на самотек» процесс осуществления другой стороной действий по сделке, уповая на ее сознательность и честность (здесь ярким примером является случай из судебной практики, когда семейная пара наняла рабочих для ремонта крыши в доме и, доверившись им, передала деньги для приобретения строительных материалов, в результате чего рабочие осуществили быстрый некачественный ремонт, а с полученной суммой около 50 тысяч рублей скрылись). Кроме этого, у потерпевших от мошенничества прослеживается тенденция доверять непроверенным источникам информации – продавцам в интернет-магазинах, «однодневным» сайтам с ложной информацией и т.п. Таким образом, проведенное нами исследование уголовных дел за 2011 – 2014 гг. позволило сделать вывод, что физиологические свойства людей не определяют их как склонных к виктимности, гораздо большее значение имеют личные качества человека, его характер и поведение. Также, данное исследование возможно использовать в качестве рекомендаций для проведения профилактических мер. При этом очень важно отметить, что профилактика мошенничества должна осуществляться адресно, т.е. конкретно для каждой отдельной группы потерпевших в зависимости от способа совершения против них преступления. Например, для работающих и учащихся граждан возможно проведение ознакомительных лекций и семинаров по месту их работы или учебы, для потерпевших-покупателей в сети Интернет мерой профилактики может быть предупреждение в виде рассылки электронных сообщений или размещение привлекающих внимание баннеров на сайтах, через которые осуществляется торговля. Аналогичные объявления, призывающие граждан быть внимательными и осмотрительными, могут быть помещены в развлекательные заведения: в барах, ночных клубах, кино и т.д. Кроме этого, возможна разработка общедоступных брошюр с рекомендациями, как в различных ситуациях не стать жертвой мошенников, а также с наставлениями и советами, какие действия необходимо предпринять, в случае, если преступление уже было совершено. Думается, что просвещение граждан в сфере предупреждения мошенничества поможет сократить количество совершаемых преступлений данной категории.

Список источников

1. Управление Судебного Департамента в Республике Хакасия // URL: <http://usd.hak.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=51>, режим доступа – свободный (дата обращения – 20.12.2017).
2. Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>, режим доступа – свободный (дата обращения – 28.12.2017).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА

Лузянина С.А.

Научный руководитель: **Левинсон В.В.**

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан

В статье дается уголовно-правовая характеристика мошенничества, в качестве примеров теоретических положений используются данные судебной практики, сложившейся на территории Республики Хакасия в период за 2011 – 2014 года. Также высказывается точка зрения по поводу квалификации уголовных дел, возникающих при незаконном получении социальных выплат, как мошенничества, с учетом введенной в 2012 году статьи 159² УК РФ.

Ключевые слова: Мошенничество, уголовно-правовая характеристика, судебная практика.

The article gives a criminal-legal description of fraud, as examples of theoretical provisions, use the data of judicial practice that has developed in the territory of the Republic of Khakassia in the period from 2011 to 2014. There is also a point of view on the appropriate qualification of criminal cases arising from the illegal acceptance of social payments as fraud, taking into account the article 159² of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced in 2012.

Keywords: Fraud, criminally-legal characteristic, judicial practice.

Мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение прав на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Такое понятие дает Уголовный кодекс РФ.

Объектом мошенничества являются общественные отношения, связанные с правом собственности. Объективной стороной, как поясняет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее по тексту – ППВС № 48) в п. 1, является обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо либо уполномоченный орган власти передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами [2]. Под обманом понимается умышленное искажение или сокрытие истины с целью введения в заблуждение лицо, которому принадлежит имущество или права на имущество, в результате чего добиться добровольной передачи имущества или права на имущество в распоряжение преступника. Злоупотребление доверием состоит в использовании доверительных отношений, которые имелись у преступника и потерпевшего. Субъект преступления общий, то есть лицо, достигшее 16 лет. Субъективная сторона выражается прямым умыслом с преследованием корыстной цели.

Для более подробного исследования, нами были изучены уголовные дела, возбужденные по ст. 159 УК РФ за период с 2011 по 2014 год. В изучаемый период, мошенничество является одним из самых часто совершаемых преступлений в Республике Хакасия, что подтверждается данными судебной статистики, предоставленной Судебным департаментом г. Абакана [5], согласно которой, в 2011 году было рассмотрено 113 дел данной категории, в 2012 – 117, в 2013 – 91, а в 2014 – 141 дело. Важно, что более 50% всех преступлений, возбужденных по ч. 1 ст. 159 УК являются деяниями против государственных учреждений. Источником информации по ним служат результаты оперативных проверок, осуществляемых уполномоченными лицами (например, специалистами управления внутренней безопасности банков, ведущими специалистами-экспертами Управления Пенсионного Фонда и т.п.), в должностную инструкцию которых входит выявление фактов внутреннего и внешнего мошенничества при получении выплат и, в

дальнейшем, подача в правоохранительные органы заявлений о привлечении к уголовной ответственности лиц, в действиях которых усматриваются признаки мошенничества.

В 2012 году в Уголовный Кодекс РФ была внесена статья 159², по которой квалифицируется мошенничество при получении социальных выплат.

Субъектом является достигшее возраста 16 лет дееспособное лицо, являющееся, в большинстве случаев, студентом (ВУЗа или СПУ), которое обращается с заявлением в Пенсионный Фонд РФ (далее по тексту – ПФ РФ) для получения социальной выплаты, например, пенсии по потере кормильца. Субъектом подписывается договор с учреждением. Право на получение пенсий закреплено за лицами, перечисленными в законе (ст. 11 п. 1 ФЗ от 15.12.2001 №166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ») [1], относительно рассматриваемых случаев, ими являются лица старше 18 лет, обучающиеся по очной форме обучения. Подписывая договор, пенсионер обязуется извещать орган, осуществляющий выплаты, об обстоятельствах, которые влекут за собой прекращение таких выплат, т.е. в случаях прекращения учебы по очной форме в образовательном учреждении. Далее, студент отчисляется из учебного заведения по разным причинам, будь-то по собственному желанию, за неуспеваемость, либо в связи с призывом на военную службу. После отчисления лицо не уведомляло ГУ о том, что он утратил право на получение выплат.

В ППВС №48 прямо указывается на прямой умысел при совершении данного преступления. Согласно ППВС №48 преступление является оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению, т.е. с момента поступления социальной выплаты на счет предполагаемого пенсионера или непосредственно на руки.

Однако перечисленные обстоятельства сами по себе не свидетельствуют о совершении преступления, при получении выплат в каждом конкретном случае должно быть достоверно установлено, что лицо, претендующее на выплаты, заведомо не имело на них права. Поэтому, мы считаем необходимым уделять особое внимание наличию прямого умысла и корыстной цели сокрытия факта прекращения оснований для получения выплаты. Ведь лицо могло забыть о поступлении денежных средств на его счет, не имея при этом умысла на хищение. Подобные случаи, хоть и не часто, однако, все же имеют место в практике.

Поскольку нашим исследованием охватывается промежуток времени с 2011 по 2014 года, т.е. как до принятия ст. 159² УК РФ, так и после, можно обратить внимание, что и после 2012 года мировыми судами получение социальных выплат после прекращения оснований для этого еще некоторое время продолжает квалифицироваться по ст. 159 УК. По нашему мнению, такая квалификация деяний судами после вступления изменений в законную силу ошибочна, поскольку уже имеется специальная норма, регламентирующая мошенничество при получении социальных выплат и предусматривающая иные виды и размеры наказаний.

Кроме вышеизложенного, хочется обратить внимание также на то, что практически все случаи, изученные нами, прекращались в связи с деятельным раскаянием, выраженным в полном добровольном возмещении причиненного ущерба. Многие студенты объясняли свои поступки тем, что находились в тяжелом материальном положении и, в связи с этим, уведомлять госучреждение о прекращении у них оснований для получения выплаты не собирались. Так же, как отмечалось выше, существуют ситуации, когда у лица отсутствовал умысел на хищение денежных средств. Кроме этого, немаловажным является то, что в рассматриваемых ситуациях имеют место договорные отношения.

На основании этих положений, считаем, что судами также допускается ошибка при квалификации содеянного как уголовного преступления. Мы же предлагаем рассмотреть эти правонарушения с позиции гражданского законодательства, а именно, как неосновательное обогащение.

Исходя из ст. 1102 ГК РФ, под неосновательным обогащением следует понимать приобретение или сбережение имущества за счет другого лица без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований, которое приобретатель обязано возратить потерпевшему. В рассматриваемой ситуации виновное лицо – студент – приобретало денежные средства за счет ПФ РФ без законных на то оснований. В подтверждение этой точки зрения можно привести пример из судебной практики, имевшей место за пределами Хакасии, а именно, в Саратовской области, когда государственное учреждение – Управление ПФ РФ - обратилось с иском к гражданке о взыскании неправомерно полученной социальной доплаты к пенсии по потере кормильца. Свои требования истец мотивировал тем, что пенсионерка перевелась на заочную форму обучения с последующим отчислением, а также работала. Данные обстоятельства, как известно, влекут прекращение выплаты пенсии. Суд однозначно квалифицировал деяние как

неосновательное обогащение и удовлетворил требование госучреждения [3]. Аналогичное дело о взыскании неосновательно полученных денежных средств гражданкой, являющейся получателем пенсии по случаю потери кормильца, разрешалось в Нижегородской области. И точно так же, как и в предыдущем примере, решение вынесено на основании ст. 1102 ГК в пользу Пенсионного фонда [4].

Таким образом, на основании рассмотренных положений закона и примеров из сложившейся судебной практики, предлагаем обращать внимание на объект и субъективную сторону при рассмотрении подобных деяний, с учетом которых преступное деяние будет отличаться от гражданско-правового проступка, соответственно, квалифицировать деяние не по ст. 159 или ст. 159² УК РФ, а по ст. 1102 ГК РФ.

Кроме этого, явственно прослеживается тенденция повторения идентичных по составу правонарушений в отношении государственных учреждений и отсутствие принятия мер, для их предупреждения в дальнейшем. Можно попробовать предложить решение такой проблемы путем установления взаимной отчетности учебных заведений и органов, осуществляющих социальные выплаты. На примере рассмотрим наиболее частую ситуацию, когда студент ВУЗа, получающий пенсию по потере кормильца, отчисляется из учебного заведения по своему желанию. Далее, университет, имея данные о том, что студент является получателем такой выплаты, незамедлительно после оформления документации об отчислении, направляет информацию о нем в ПФ РФ. В результате чего, фонд прекращает выплачивать пенсию из-за утраты пенсионером права на это. Думается, что подобная мера могла бы сократить количество преступлений, возбуждаемых по ч. 1 ст. 159 УК, совершаемых в отношении ГУ.

Список источников

1. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : Федер. Закон Рос. Федерации от 15 янв. 2001 г. № 166-ФЗ. Принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 30 нояб. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 дек. 2001 г.: в ред. Федерального закона Рос. Федерации от 1 дек. 2017 г. № 148-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 20 дек.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате // Рос. газ. – 2017. – 11 дек.
3. Решение Мирового суда Энгельского района Саратовской области от 15 ноября 2017 г. по делу № 2-1770/2017 [Электронный ресурс] // <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-engelsskogo-rajona-saratovskoj-oblasti-s/act-239605553/> Режим доступа – свободный. - (дата обращения: 28.11.2017).
4. Решение Мирового суда Выксунского судебного района Нижегородской области от 15 ноября 2017 г. по делу № 2-1242/2017 [Электронный ресурс] // <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-vyksunskogo-rajona-nizhegorodskoj-oblasti-s/act-239597994/> Режим доступа – свободный. - (дата обращения: 29.11.2017).
5. Управление Судебного Департамента в Республике Хакасия // URL: <http://usd.hak.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=51>, режим доступа – свободный (дата обращения – 20.12.2017).

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ ВОСПОЛНЕНИЯ

Сосов А.И.

студент магистратуры юридического факультета
Российского Государственного Социального Университета

Бесспорным представляется то, что акты проявления экстремизма, в том числе совершение преступлений экстремистской направленности, имеют своей целью дестабилизацию социально-политической обстановки в обществе, расшатывание фундаментальных основ государственности, подрыв его конституционного строя, экономико-материального состояния общества.

Чтобы защитить себя от одной из самых активно развивающихся угроз двадцать первого века, Российская Федерация проводит комплекс различных мер, направленных на профилактику, предупреждение

и пресечение проявлений экстремизма. Одним из видов государственной деятельности, направленной на противодействие проявлениям экстремизма, является принятие нормативных-правовых актов различного уровня.

К таковым относятся: «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», Федеральный закон от 25 июля 2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 11.07.2001 №95-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О политических партиях» и другие.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определяется, что одной из основных угроз государственной и общественной безопасности России является, помимо прочего, «деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти» [7].

Между тем, следует отметить, что несмотря на комплекс проводимых мер, в Российской Федерации в последнее время наметилась чёткая тенденция, связанная с увеличением количества преступлений, так или иначе связанных с экстремистской деятельностью.

Об этом, помимо прочего, свидетельствует отчёт Министерства Внутренних Дел Российской Федерации за январь-март 2017 года [4]. Так, например, за аналогичный период 2016 года [5] было зарегистрировано 390 преступлений экстремистской направленности, тогда как в 2017 году эта цифра превышает показатель в 420 преступлений подобного рода.

Констатируем, что в настоящий момент общепризнанной дефиниции как понятий экстремизма, так и экстремистской деятельности не имеется, что создаёт определённые сложности при работе по определению механизмов и направлений борьбы с этим явлением.

Между тем, ряд авторов предлагает определённые понятия экстремизма. Так, по мнению В.С. Ковалёва, экстремизм есть совокупность идей и методов, которые могут быть использованы индивидуумами, организованными группами, политическими и общественными организациями, движениями, общественно-политическими блоками и другими субъектами политической деятельности, предусматривающими и допускающими применение нелегитимного насилия (или публичных призывов к применению насилия) во всех его разновидностях по отношению к политическим оппонентам и существующему политическому режиму [2].

В своём диссертационном исследовании И.В. Воронов предлагает двойной смысл понятия экстремизма, рассматривая его как инструмент разрешения социальных споров и крайнюю форму политической борьбы [1].

Так или иначе, но действующее Российское Законодательство, а именно Федеральный закон №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», всё же даёт дефиницию понятию экстремистской деятельности, но делает это столь широко и неопределённо, что тем самым позволяет правоприменителю в лице того или иного государственного органа, иметь достаточно широкие возможности для лавирования при работе как с самим названным Федеральным Законом, так и с иными нормативными-правовыми актами в корреляции с той или иной статьёй Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Понятия «экстремизма», не нашедшее своего отражения в вышеуказанном Федеральном законе, по сути приравнено в нём же к понятию «экстремистская деятельность», что нашло своё отражение в названии части первой Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности», а именно «экстремистская деятельность (экстремизм)» [6].

Одновременно с этим, некоторые акты международного права содержат в себе дефиницию понятия «экстремизм». К примеру, в «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», а именно в п. 3 ч. 1 ст. 1 экстремизм определяется как форма посягательства на государственный строй, как насильственное удержание, так и изменение действующей власти, преследуемое в соответствии с уголовными законами стран-участниц, в том числе организацию формирований, преследующих вышеуказанные цели [3].

Таким образом, в целях устранения неполноты Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в части дефиниции понятия «экстремизм», а также для приведения его к максимальной аутентичности с Шанхайской Конвенцией предлагается изложить статью 1 названного ФЗ в

следующей редакции: «**экстремизм (экстремистская деятельность)** - какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также:

1. на насильственное изменение основ конституционного строя и целостности Российской Федерации, насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них;
2. на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности;
3. на нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
4. на воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
5. на воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
6. на совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
7. на публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
8. на публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
9. на организацию и подготовку указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
10. на финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг».

Таким образом, в предложенной редакции статья 1 Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности»:

а) приобретает максимальную аутентичность с некоторыми нормами международного права;

б) максимально сохраняет в себе деяния, признаваемые российским законодателем экстремистскими. Исключение составляет изъятое из присутствующего в ФЗ пункта статьи о публичном оправдании терроризма и иной террористической деятельности, поскольку представляется, что указанные действия охватываются как действующим Федеральным законом «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 №35-ФЗ, так и соответствующими нормами Особенной части УК РФ, а потому не нуждаются во включении в положения Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности»;

в) предлагается дефиниция понятию «экстремизм».

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время действующий Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» имеет ряд неопределённостей и размытых понятий и терминов, используемых в нём, а само законодательство в этой сфере нуждается в серьёзной доработке с учётом опыта мирового сообщества и опорой на нормы международного права, ратифицированные Российской Федерацией.

Список источников и литературы

1. Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. Наук Ростов-на-Дону, 2000;
2. Ковалев В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: дис. канд. полит. наук. М., 2003;

3. Распоряжение Президента РФ от 07.06.2001 г. №312-рп «О подписании Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-март 2017 года URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1703_1.pdf // дата обращения: 16 апреля 2018 года;
5. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за январь-март 2016 года URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1603_1.pdf // дата обращения: 16 апреля 2018 года;
6. Федеральный закон от 25 июля 2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс»;
7. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ

Царахов С.Б.

магистрант, Северо-Осетинский государственный университет;
Научный руководитель – Галуева В.О., к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса,
Северо-Осетинский государственный университет

В условиях XXI века и всемирной глобализации транснациональная организованная преступность оказывает все более разрушительный характер на развитие государств – экономическое, политическое, духовное. Кроме того, растет взаимосвязь между организованной преступностью и терроризмом.

Транснациональная преступность, так же как и международный терроризм представляют собой организованную преступную деятельность, существующую в международном пространстве. Они связаны с перемещением финансовых средств, информационных и людских ресурсов через государственные границы.

Терроризм в большинстве случаев финансируется за счет источников транснациональных преступных формирований.

Взаимосвязь организованной преступности и международного терроризма во многом подтверждается и практикой. Например, в зонах активной террористической деятельности совершается много преступлений экономического характера, в политической сфере функционирует криминальный рынок – оборот товаров и услуг, запрещенных к обороту.

Встречаются случаи, когда организованная преступность на международном уровне использует тактику террористических атак для пресечения уголовного преследования. Происходит взаимное проникновение, возникают организации, сочетающие в себе террористическую идеологию и корыстную криминальную мотивацию. На сегодняшний день тенденция слияния транснациональной организованной преступности и международного терроризма находится на подъеме и представляет одну из глобальных угроз национальной безопасности.

Подтверждением этому, к примеру, является созданная в Индии международным преступником Даудом Ибрагимом «D-companу», которая была замешана в торговле наркотиками, фальшивомонетничестве, наемных убийствах и связях с террористическими организациями типа «Аль-Каида».

Кроме того, для ведения террористической деятельности организациям необходимо постоянное вливание денежных средств, которые они получают путем ведения криминальной деятельности – захвата чужой собственности, нелегальной реализацией нефтепродуктов, получение выкупа за похищенных людей.

Особое срастание этих явлений происходит на территории стран, не способных противостоять ни терроризму, ни организованной преступности. Это такие государства как Ирак, Пакистан, Афганистан, Нигерия, Сомали, Ливия и другие, которым просто необходимо оказывать всевозможную помощь в борьбе с этими процессами.

Таким образом, современный терроризм можно рассматривать в рамках организованной преступности, так как во многом он обладает присущими ей признаками. Терроризм это не только идеология насилия, используемая организованной преступностью, но и ее самостоятельная форма. Поэтому

противодействие терроризму во многом зависит от успешной деятельности государств в борьбе с таким явлением как организованная преступность.

Адекватным ответом на процессы криминализации в мире стала принятая в ноябре 2000 г. в Палермо Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, открывшая новые возможности борьбы с международными формами преступной деятельности. Документ содержит положения о введении уголовной ответственности за организацию и участие в преступных сообществах, отмывание денег, коррупцию и противодействие правосудию. Представляя собой комплексный документ, Конвенция ООН охватывает практически все направления международного сотрудничества в сфере борьбы с организованной преступностью (конфискация, экстрадиция, правовая помощь, защита свидетелей и др.). Впервые на глобальном уровне в ней были закреплены положения, касающиеся борьбы с коррупцией. Ее принятие расценивается как крупный успех ООН в антикриминальной сфере.

Однако одного принятия Конвенции в борьбе с таким мощнейшим инструментом как транснациональная преступность недостаточно. Требуется постоянное взаимодействие государств-участников данной Конвенции с целью выработки новых комплексных мер противодействия данному явлению.

Хотелось бы отметить, что исторически развитие международного сотрудничества в области борьбы с транснациональной оргпреступностью прошло достаточно длительный путь. Вначале использовались самые простые формы, например достижение договоренности о выдаче лица, совершившего преступление, или о каких-либо других действиях, связанных с тем или иным преступлением. В дальнейшем возникла необходимость обмениваться информацией, причем объем этой информации постоянно расширялся: если раньше она касалась отдельных преступников и преступлений, то в настоящее время наполняется все новым содержанием, затрагивает практически все сферы борьбы с организованной преступностью, включая статистику и научные данные о причинах, тенденциях, прогнозах преступности и т. п.

В настоящее время каждые два года проводится Конференция государств-участников Конвенции ООН 2000 года, на которой обсуждаются наиболее острые вопросы и разрабатываются новые мероприятия по борьбе с транснациональной преступностью. Последняя Конференция состоялась в Вене осенью 2016 года. На ней поднимались такие острые вопросы, как торговля людьми, незаконные оборот оружия и растущая взаимосвязь между организованной преступностью и терроризмом.

Организация Объединенных Наций к транснациональным относит более полутора десятков преступлений. Наиболее опасными и глобальными из которых являются терроризм, незаконная торговля наркотиками, оружием, взрывчатыми веществами, торговля людьми, нелегальная миграция и некоторые другие.

Сотрудничество государств в области борьбы с преступностью ведется в нескольких направлениях. Признание опасности для сообщества государств определенных уголовных деяний и необходимости применения совместных мер для их пресечения. Таковыми могут быть, терроризм, захват заложников, незаконная торговля людьми, незаконный захват воздушных судов и др.

Оказание помощи в деле розыска скрывающихся на чужой территории правонарушителей. Существует два возможных канала ее осуществления через дипломатические учреждения и путем непосредственных связей между органами, ведущими в своей стране розыск и дознание (правоохранительные органы). Необходимо отметить расширение этого направления сотрудничества: если раньше государства обращались к конкретной стране с просьбой о розыске или выдаче преступника, то в настоящее время этот розыск ведется во всемирном масштабе, причем объявляется розыск не только сбежавшего преступника, но и похищенного имущества. С целью облегчения розыска иногда осуществляется обмен информацией.

Помощь в деле получения необходимых материалов по уголовному делу. В случае совершения преступления или совершения его в нескольких странах либо совершения его части в другом государстве и т. д. свидетели и вещественные доказательства могут находиться в другом государстве. Для получения материалов по делу в отдельных случаях необходимо произвести следственные действия за границей, что осуществляется путем направления соответствующего отдельного поручения.

Оказание практической помощи отдельным государствам в разрешении проблем преступности, изучении этих проблем. Этот вид помощи выражается в направлении в отдельные страны экспертов, призванных оказать конкретную помощь

Обмен информацией. Государства часто договариваются предоставлять друг другу информацию, необходимую для успешного проведения следствия и поимки преступника, а также другую информацию уголовного характера. В частности существует обмен информацией о приговорах, вынесенных в отношении граждан другой страны. Как правило, обмен такого рода информацией происходит раз в год.

Кроме того, международные конвенции о борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера содержат обязательства государств-участников относительно предотвращения и пресечения такого рода преступлений, наказания лиц, их совершивших, и взаимодействия государств в связи с осуществлением уголовной юрисдикции. Первостепенное значение имеют конвенционные нормы, содержащие международно-правовую квалификацию преступного деяния в качестве своего рода всеобщего стандарта, предназначенного для единообразной нормативной характеристики состава преступления во внутригосударственном уголовном законодательстве. В связи с этим получили распространение конвенционные предписания о внутригосударственных мерах законодательного характера.

В российском законодательстве в последние два десятилетия появилось несколько новых норм, свидетельствующих о выполнении международных обязательств. Имеются в виду положения об угоне воздушного судна, захвате заложников, незаконном приобретении, хранении, использовании, передаче или разрушении радиоактивных материалов, применении биологического оружия, разработке, производстве, приобретении, хранении, сбыте, транспортировке биологического оружия и ряд других.

На более высоком уровне такая тенденция воплощена в Уголовном кодексе РФ (УК РФ). Прежде всего следует отметить включение в УК РФ в виде специальной главы (гл. 34) статей о преступлениях против мира и безопасности человечества: планировании, подготовке, развязывании или ведении агрессивной войны (ст. 353); производстве или распространении оружия массового поражения (ст. 355); применении запрещенных средств и методов ведения войны (в ч. 2 ст. 356 особо выделено «применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором»); геноциде (ст. 357). В различных главах УК РФ впервые предусмотрены такие преступные деяния, как террористический акт (ст. 205), пиратство (ст. 227), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360).

Международные Конвенции ориентированы на обеспечение неотвратимости уголовного преследования и наказания лиц, которые именуются предполагаемыми преступниками и виновность которых устанавливается соответствующими национальными судами на основе национального уголовного законодательства. Каждая конвенция предусматривает меры для установления государствами своей юрисдикции, включая заключение предполагаемого преступника под стражу и проведение предварительного расследования фактов.

В заключение хотелось бы отметить, что целям дальнейшего укрепления международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональной преступности и борьбы с международным терроризмом будут соответствовать следующие меры:

- совершенствование международной нормативно-правовой базы, предусматривающей в том числе разработку модельных законов и программ по борьбе с отдельными опасными видами преступлений в странах, подписавших Конвенцию ООН. Совершенствование порядка международного розыска лиц, причастных к транснациональной преступной деятельности.
- разработка и реализация совместных целевых программ и долгосрочных планов по противодействию транснациональной преступности в рамках основных институтов системы международной безопасности.
- расширение сотрудничества правоохранительных и контролирующих органов стран — участниц Конвенции ООН

В условиях глобализации ни одна страна не сможет в одиночку эффективно бороться с транснациональной организованной преступностью, а как следствие, и с международным терроризмом, — для этого нужны согласованные действия всего международного сообщества!

Список литературы

1. Долгова А.И. Терроризм и организованная преступность // Организованный терроризм и организованная преступность / под ред. А.И. Долговой. – М., 2002
2. Клейменов И.М. Международный терроризм и транснациональная организованная преступность // Вестник Омского университета. – 2017. - №3.

**СЕКЦИЯ №7.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Артамонова Г.В.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Меры процессуального принуждения по самой своей природе предполагают вторжение в сферу прав и свобод человека. Поэтому гражданам всегда предоставляются определенные процессуальные гарантии, которые способствуют защите прав и свобод человека при применении к нему конкретных мер принуждения. К числу таких гарантий относится достаточно сложный процессуальный порядок применения мер принуждения. Как известно, процессуальное принуждение применяется только после возбуждения уголовного дела, когда установлены признаки преступления и ясно, что необходимо уголовное судопроизводство. Эти меры применяются только при наличии указанных в законе оснований следовательно, дознаватель и суд обязаны установить конкретные фактические основания обстоятельства уголовного дела, которые соответствуют указанию законодателя об основаниях для применения той или иной меры.

Процессуальное принуждение является необходимым элементом метода уголовно – процессуального регулирования.

Необходимо отметить, что проблема задержания подозреваемого занимает центральное место в уголовном процессе как в науке, так и в практической деятельности уполномоченных сотрудников.

Сущность задержания состоит в кратковременном содержании лица под стражей без предварительного разрешения руководителя следственного органа, прокурора или суда. При этом задержание делится на две разновидности: задержание подозреваемого и задержание обвиняемого [3, с. 165].

Целью задержания подозреваемого является определение: 1) причастности лица к совершению преступления; 2) необходимости в заключении под стражу и обеспечение этой меры пресечения. Если эти обстоятельства уже выяснены, то задержание невозможно. Задержание не должно применяться для получения признательных показаний подозреваемого.

Как представляется, в уголовном судопроизводстве расширение перечня оснований для задержания подозреваемого не влечет снижения процессуальных гарантий неприкосновенности личности, так как этим никак не отменяются и не снижаются возможности задержанного лица защищаться всеми, не запрещенными законом, способами. Более того, при анализе норм УПК РФ становится ясно, что подозреваемому и обвиняемому законом предоставляется гораздо больше прав и возможностей для их реализации в сравнении с потерпевшим. Но здесь не следует забывать о норме ч. 1 ст. 10 УПК РФ, которая гласит, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ.

Наибольшее количество споров вызывает такой случай как задержание непосредственно на месте совершения преступления. Ряд авторов считает, что в таком случае срок задержания следует исчислять с момента доставления лица к следователю (дознавателю). Другие говорят о том, что в «момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, его доставление, оформление протокола должны стать составной частью уголовно-процессуального задержания» [2, с. 180].

Указанная дискуссия ведется по причине того, что в тексте УПК РФ имеются расхождения в терминах – «момент фактического задержания» (п.п. 11 и 15 ст. 5, п. 3 ч. 3 ст. 49) и «момент задержания» (ч. 3 ст. 92, ч.ч. 2 и 3 ст. 94, ст. 96, ст. 100).

Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. При этом п. 15 этой же

статьи УПК РФ раскрывает понятие момента фактического задержания, которым является момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

На практике же должностные лица зачастую указывают в протоколе, как время задержания подозреваемого, время его доставления к следователю (дознавателю), что условно и называется «процессуальным» задержанием.

В ходе предварительного расследования нередко случаи возникновения процессуальных споров и обжалования подозреваемыми (обвиняемыми) исчисления времени их задержания должностными лицами правоохранительных органов. Нередко подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступления при расхождении времени «фактического» и «процессуального» задержания обжалуют действия следователя (дознавателя) или указывают на их незаконность в ходе рассмотрения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [4, с. 148].

Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует порядок задержания лишь с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, где в течение трех часов должен быть составлен протокол задержания. Однако, время доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, к месту производства предварительного расследования не регулируется [1, с. 526].

Проблема существования интервала времени между фактическим и процессуальным задержанием представляет собой так называемую «правовую пустоту», которая обсуждается авторами достаточно давно. Но до сих пор никаких положительных изменений в законодательство РФ внесено не было.

В случаях указания следователем времени не «фактического», а «процессуального» (с момента доставления) задержания подозреваемого, могут наступить и иные процессуальные последствия, например, в виде рассмотрения судом вопроса о признании полученных в ходе задержания подозреваемого доказательств недопустимыми (письменные пояснения задержанного, обнаруженные в ходе личного обыска при задержании предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела).

Таким образом, с целью недопущения вышеуказанных последствий имеет место необходимость исчисления времени задержания подозреваемого с момента его фактического задержания, как это следует из буквального толкования п.п. 11 и 15 ст. 5 УПК РФ.

Список литературы

1. Кемаева В.Н. Проблемы фактического задержания лица подозреваемого в совершении преступления // Научные открытия 2016: Сб. ст. XII научн.-практ. конф. – Науч. центр «Олимп», 2016. – Кемаева В.Н. Проблемы фактического задержания лица подозреваемого в совершении преступления // Научные открытия 2016: Сб. ст. XII научн.-практ. конф. – Науч. центр «Олимп», 2016.
2. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / под ред И.Г. Смирновой. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 336 с.
3. Пекова В.М. Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального задержания подозреваемого // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: Сб. ст. – Орел: Орловский юрид. ин-т МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2016.
4. Тетерин О.А. Проблемы правового регулирования задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Экономика, социология и право. – 2016. – № 11.
5. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц / под ред И.Г. Смирновой. – М.: Юрлитинформ, 2016.
6. Пекова В.М. Актуальные проблемы применения уголовно-процессуального задержания подозреваемого // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: Сб. ст. – Орел: Орловский юрид. ин-т МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2016. – С. 164-168.
7. Тетерин О.А. Проблемы правового регулирования задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Экономика, социология и право. – 2016. – № 11. – С. 148-152.

ОЧНАЯ СТАВКА С АНОНИМНЫМ СВИДЕТЕЛЕМ

Бардамов С.В.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Очная ставка является следственным действием, в ходе которого проводится одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц при наличии в их показаниях существенных противоречий [2, с. 370]. Это следственное действие является одним из наиболее распространенных. Однако, процесс осуществления очной ставки с участием обвиняемого (подозреваемого) и анонимного свидетеля ставит под сомнение соблюдение важного права – права свидетеля на анонимность.

Очная ставка, как одновременный допрос двух лиц, предусматривает сбор необходимой информации об уголовном правонарушении и преступной деятельности при взаимодействии двух лиц, участвующих в проведении допроса. Такая трактовка очной ставки не позволяет в полной мере рассмотреть участие анонимного свидетеля в данном следственном действии, но отменять возможность ее осуществления нельзя. Важность показаний, добытых в момент осуществления очной ставки, может не только повлиять на позицию обвиняемого или подозреваемого, но и изменить следственную ситуацию в целом.

Анонимность свидетеля выражена необходимостью привлечения лиц к участию в уголовном процессе на досудебных и судебных стадиях. Сохранение тайны об этом участнике процесса позволяет свидетелю удостовериться в своей безопасности, как на период проведения уголовного процесса, так и по истечении времени после освобождения осужденного лица. Безопасность свидетеля целиком зависит от решения следователя (дознателя) будет ли ему присвоен статус анонимного или нет. Тем не менее, сам факт применения формы анонимности для свидетеля полностью зависит от суда.

Впервые в УПК РФ использование показаний анонимных свидетелей, было закреплено в ч. 9 ст. 166, ч. 3 ст. 11 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ. При этом назначение свидетелю статуса анонимного требует определенных законодательных действий, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ: следователь или дознаватель выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о засекречивании свидетеля, указывается присвоенный ему псевдоним, а так же прилагается образец подписи, которую свидетель будет использовать для удостоверения юридической документации. Для соблюдения мер конфиденциальности, данная информация запечатывается в конверт и прилагается к материалам уголовного дела. Однако на сегодняшний день, законодательно не закреплен запрет на доступ иных лиц к конверту помимо прокурора и дознавателя (следователя) [6, с. 182]. Использование псевдонима как гаранта анонимности свидетеля имеет значение как безопасного участия в уголовном процессе, так и для повышения активности участия лиц, ведущее к снижению неявок и изменений показаний. Но, несмотря на развитие института «анонимности» в уголовном судопроизводстве, УПК РФ не предусматривает особенности присвоения псевдонима [5, с. 84].

Согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ, если на свидетеля оказывается противоправное воздействие, суд вправе провести его допрос без оглашения данных о его личности, но стоит отметить, что на момент проведения очной ставки такая опасность может отсутствовать. Лишь после осуществления такого рода допроса безопасность свидетеля может оказаться под угрозой. Кроме того, присвоение псевдонима не может в полной мере скрыть личность свидетеля при проведении очной ставки.

В Российской Федерации сегодня нет четко предусмотренного списка технических или тактических средств, способных обеспечить очную ставку с анонимным свидетелем для полной безопасности ононого. Тем не менее, возможности современной техники позволяют предоставить необходимую аппаратуру, позволившую изменить голос свидетеля, либо провести очную ставку через стекло с односторонней видимостью или в условиях видеосвязи с использованием видео-помех. Очный контакт сторон при этом будет утерян, но факт устранения противоречий между двумя лицами вполне возможен. Использование видеосвязи для проведения судебного слушания предусмотрено в ст. 278.1 УПК РФ, но такая мера безопасности не предусмотрена для проведения следственных действий. Для уточнения данного вопроса, целесообразно было бы внести изменения в ст. 192 УПК РФ, дополнив ее ч. 7 следующего содержания: «Следователь в праве вынести решение о проведении допроса свидетеля путем использования систем технических средств в виде аудио- и видео-связи».

Технические средства, позволяющие изменить голос засекреченного лица, не всегда могут обеспечить абсолютную анонимность. Зачастую человек может иметь такие особенности речи, которые невозможно скрыть путем аудио-помех. Особенность речи может заключаться и в манере разговора или речевых дефектах. Изменение внешности свидетеля с помощью одежды, грима и отдельного атрибута, такого как, например, трость или солнцезащитные очки, также нельзя рассматривать достаточной мерой для засекречивания свидетеля. Волнение в период проведения очной ставки может выдать свидетеля, независимо от конспирации. Более того, походка и характерные черты анонимного свидетеля, такие как жестикуляция, приведут к мгновенному рассекречиванию свидетеля, который, скорее всего, в сложившейся ситуации прибегнет к любым манипуляциям для отказа в сотрудничестве со следствием.

Само осуществление очной ставки с подозреваемым (обвиняемым) и анонимным свидетелем предусматривает привилегию для одного и ущемление прав для другого. Баланс между правами участников уголовного судопроизводства склоняется в пользу анонимного свидетеля. Может ли обвиняемый осуществлять свою защиту, не понимая в полной мере от кого ему защищаться? В таком случае, защита лишена права на идентификацию личности свидетеля для проверки заслуживает ли он доверия. Европейский Суд по правам человека, принимая решения согласно Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ссылается на право защиты, позволяющее проверить надежность свидетеля и надежность его показания. Суд предусматривает возможность стороны защиты задавать допрашиваемому лицу вопросы, слышать происходящее в комнате допроса и наблюдать за поведением свидетеля [7, с. 61]. При этом противоречия при нарушении прав одного из участников очной ставки не позволяет в полной мере рассматривать очную ставку как обязательную процедуру. Интересно, что польское законодательство в принципе не допускает возможность проведения очной ставки в присутствии анонимного свидетеля [3, с. 50].

К сожалению, как показывает практика, не всегда предоставление анонимности предполагает соблюдение прав засекреченного лица. Зачастую уполномоченные лица преследуют при засекречивании иные цели. Так, в Удмуртской Республике процесс проведения очной ставки был полностью фальсифицирован сотрудниками правоохранительных органов. При расследовании дела по факту убийства, следователи использовали показания анонимных свидетелей. В ходе судебного разбирательства было выявлено, что показания всех анонимных свидетелей, а их было трое, были составлены следователем прокуратуры и заместителем прокурора. Защита, спустя два года, добилась рассекречивания свидетелей, которые сообщили суду, что следователь настоял на показаниях, составленных таким образом, ввиду отсутствия необходимых доказательств по делу. Как оказалось, оснований для засекречивания свидетелей не было. Не смотря на столь явные нарушения со стороны следователя прокуратуры, ни одно из должностных лиц не было привлечено к ответственности [1].

Таким образом, ст. 192 УПК РФ о проведении очной ставки, следует дополнить ч. 7 «участием анонимного свидетеля в проведении очной ставки». В данной части следует указать технические приемы, позволяющие производить очную ставку без рассекречивания свидетеля. Такими техническими средствами могут являться видеосвязь с изменением облика свидетеля и искажением его голоса, затемненное стекло (с аудио-помехами для искажения голоса свидетеля), либо специальные помещения, позволяющие осуществлять очную ставку без раскрытия личности анонимного свидетеля. Отказ от очной ставки с участием засекреченного свидетеля стоит считать нецелесообразным, поскольку лишение стороны защиты и стороны обвинения права на разрешение противоречий, возникших в ходе расследования уголовного дела, приводит к нарушению прав обеих сторон.

Ссылки

1. Гладыш Н. Секретные свидетели // Официальный сайт газеты «День» // URL: <http://www.dayudm.ru/article/46354>.
2. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. Большой юридический словарь. – М.: Инфра-М, 2001. – 623 с.
3. Зайцев Е.О. Анонимный свидетель в уголовном процессе Республики Польша // Российский следователь. 2006. № 10. С. 50-52.
4. Зайцев Е.О. Обеспечение конфиденциальности данных о защищаемом свидетеле в ходе его допроса на стадии предварительного расследования // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 181-185.
5. Смолькова И.В. Псевдоним свидетеля в уголовном судопроизводстве (с учетом практики

Европейского Суда по правам человека) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 82-88.

6. Участники современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2017. 440 с.

7. Шестакова С.Д., Маркова Е.А. Совершенствование оснований и порядка получения и использования показаний анонимных свидетелей в целях реализации права обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. – № 4 (64). С. 59-62.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Батаршина О.А.

Байкальский государственный университет

Статья посвящена текущему положению института реабилитации лиц, претерпевших ограничения конституционных прав вследствие незаконных или не обоснованных мер процессуального принуждения правоохранительными органами. В статье указывается на существенные недоработки основных положений, регламентирующих институт реабилитации в Главе 18 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, институт реабилитации, восстановление прав, возмещение вреда.

ACTUAL PROBLEMS OF REHABILITATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA

Batarshina O.A.

Baikal State University

The article is about condition of Rehabilitation institute in Russian Criminal Proceeding Law nowadays. In the article are represented serious faults of basical terms & definitions, which regulate the institute of Rehabilitation in Chapter 18th of Russian Criminal Proceeding Law

Keywords: Criminal Proceeding Law, Criminal judgement, The Institute of Rehabilitation, Exculpation, indemnity of harm

С момента законодательного закрепления института реабилитации в УПК РФ, он претерпел значительные изменения. Проблемы, связанные с реализацией реабилитации в уголовном судопроизводстве, были в центре внимания ученых-правоведов на протяжении нескольких десятков лет. Научные исследования актуальных проблем проводили российские ученые еще в период конца XIX – начала XX веков. Однако, несмотря на все преобразования, произошедшие в институте реабилитации за все годы его существования, на сегодняшний день присутствуют определенные пробелы в законодательстве, ввиду чего все чаще возникают спорные вопросы касательно применения на практике норм, которые закрепляют перечень оснований для реабилитации. Необходимо рассмотреть ряд наиболее актуальных проблем, а также причины их возникновения.

Итак, п. 34 статьи 5 УПК РФ содержит понятие реабилитации, где сказано, что «реабилитация» – порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию и возмещения причиненного ему вреда. Исходя из ст. 133 УПК РФ, возмещение вреда подразумевает под собой возмещение в полном объеме.

В свою очередь, в п. 35 статьи 5 УПК РФ дается определение понятию «реабилитированный» - лицо, имеющее в соответствии с УПК РФ право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Исходя из определения этих понятий можно сделать вывод, что реабилитация — это процесс, имеющий своей целью возвращение невиновному лицу его первоначального состояния, в котором это лицо

находилось изначально, т.е. до того как было подвержено необоснованному или незаконному уголовному преследованию, а также ликвидировать все возможные негативные последствия [5, с.194].

Размышляя об институте реабилитации, представляется, что при восстановлении нарушенных прав лица, в совокупности с возмещением вреда, причиненного органами государственной власти, получается максимально вернуть лицо в то правовое положение, в котором оно пребывало до уголовного преследования, поскольку восстановление прав и законных интересов подразумевает под собой не только отмену незаконно принятых решений правоохранительных органов, в связи с чем одним из элементов механизма реабилитации должны выступать, как отмена незаконного и необоснованного решения с признанием права на реабилитацию, так и устранение последствий, которые были причинены принятым неправомерным решением [2, с.44].

Дополнительную и достаточно весомую коллизионность придали отдельные акты Конституционного Суда Российской Федерации, которые не столько разъяснили конституционный смысл отдельных норм этого института, сколько создали серьезные препятствия к удовлетворению требований реабилитированного о максимальном возмещении вреда, связанного с незаконным уголовным преследованием [4, с.112].

Так, нельзя не обратить внимание на довольно актуальную проблему, касающуюся вопроса компенсации вреда в случае если уголовное преследование частично прекращено. Конституционный Суд РФ помимо всего прочего разрешил данный вопрос определив тем самым, что ни в статье 133 УПК РФ, ни в другой законодательной норме нет положений, исключающих возможность возмещения и суд вправе принять решение о частичном возмещении вреда [1].

Еще одним проблемным моментом, представляющим интерес в виду особенностей правового регулирования реабилитации, является рассмотрение судом требования о возмещении морального вреда, который был причинен незаконным либо же необоснованным уголовным преследованием, в рамках гражданского судопроизводства, что в свою очередь отождествляется с исковым производством. Это подразумевает под собой то, что лицо, желающее возместить причиненный ему моральный вред, должно обратиться с исковым заявлением в суд в соответствии правилами, предусмотренными ГПК РФ о возмещении ему морального вреда. В качестве основания для такого обращения выступает особый подвид деликта – вред, который причинен публично-правовым образованием [3, с.120].

Иными словами, лицо, которому причинен одновременно и имущественный, и моральный вред незаконным или необоснованным уголовным преследованием, вынуждено дважды обращаться в суд с целью истребовать возмещение соответствующего вреда. И это при учете того, что вред как имущественный, так и моральный был причинен лицу в рамках одного и того же незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Необходимо отметить тот факт, что в содержании положений ГК РФ содержится очень важное изъятие: компенсации в рамках гражданского судопроизводства подлежат только тот моральный вред, который причинен исключительно незаконными действиями (бездействием), моральный вред, который причиненный законными, однако не обоснованными действиями, не подлежит компенсации. Этот факт можно считать существенным ограничением на фоне порядка возмещения имущественного вреда в соответствии с п. 34 ст. 5 и ст. 133 УПК РФ. Было бы верным отметить, что подобное ограничение должно возникнуть также при обращении лица в суд в порядке гражданского судопроизводства с иском о возмещении имущественного вреда. Моральный вред УПК РФ однозначно определяет возможность рассмотрения требования только в рамках гражданского судопроизводства в качестве средства для разрешения спорного вопроса о компенсации вреда.

Все это, прежде всего, говорит о том, что гражданское законодательство не дает лицам, которым уголовным преследованием был причинен незаконный или необоснованный вред, равных возможностей для его возмещения, и более того, вполне необоснованно ограничивает его.

Список литературы

- 1) По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 43. – Ст. 6123.

- 2) Дубровин В.В. Реабилитация в уголовном судопроизводстве России: восстановление нарушенных прав // О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции: Сб. науч. трудов по итогам междунар. научно-практич. конф. Челябинск: Инновационный центр развития образования и науки, 2017. – С. 44-46.
- 3) Дубровин В.В. Реабилитация в уголовном судопроизводстве России: недостатки правового регулирования // Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях: Сб. науч. трудов по итогам междунар. научно-практич. конф. Казань: Инновационный центр развития образования и науки, 2017. – С. 120-123.
- 4) Сидоренко М.В. Возмещение вреда в системе института реабилитации и правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 24. – Ст. 112118.
- 5) Триленко О.С. Проблемные вопросы института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сб. мат. III Междунар. студ. научно-практич. конф. Отв. ред. Т.К. Рябинина. Курск: Университетская книга, 2016. – С. 193-197.

ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Гончарова Е.О.

магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса юридического факультета, Байкальский государственный университет (ФГБОУ ВО «БГУ»), Россия, г. Иркутск

В данной статье рассмотрены особенности судебного наложения ареста на недвижимое имущество в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: наложение ареста; недвижимое имущество.

В случаях, когда у государственных органов возникают сомнения в законности оформленного права собственности гражданина или юридического лица на объект недвижимого имущества, российским законодательством допускается применение такой меры, как наложение ареста на объекты недвижимости.

Арест недвижимости может осуществляться в рамках уголовного дела – для обеспечения гражданского иска. Соответствующая норма обозначена в Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) – ст. 115[1]. Обеспечительные меры в гражданском процессе установлены в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) – ст. 139–142[2].

Арест может быть наложен только на ту недвижимость, которую возможно изъять у человека по закону. Так, например, нельзя арестовать квартиру преступника, если она была приобретена добросовестно и является его единственным местом жительства. Аналогичным образом может обстоять дело и с землей, если на ней находится жилой дом. Список имущества, которое не подлежит изъятию у граждан, содержится в ст. 446 ГПК РФ. Но это исключение не применяется в случае конфискации недвижимости.

Рассмотрим правовые основания для ареста недвижимости.

1) Если человек попал под уголовное преследование (к примеру, за тяжелое экономическое преступление, должностное правонарушение или мошенничество, когда в качестве наказания предусмотрена конфискация имущества или штрафы), судебные органы могут арестовать его жилье или другое имущество.

2) В качестве обеспечительной меры могут арестовать недвижимость, стоимость которой соизмерима с размером инкриминируемого штрафа за причиненный ущерб. То есть владелец не сможет свободно распоряжаться домом, квартирой или другими недвижимыми объектами пока не исполнит судебное решение и полностью не выплатит большой штраф. Например, госслужащую осудили за взятку в особо крупном размере, приговорили к штрафу в размере 3 миллионов рублей и лишили права пять лет занимать руководящие должности. Имущество обвиняемой арестовали, а с банковских счетов конфисковали деньги. Позже суд постановил снять арест с имущества. Но в суде апелляционной инстанции обвинитель

настаивал на аресте имущества, ссылаясь на нормы ст. 115 УПК РФ. Поскольку прокурору удалось убедить суд в том, что необходимость ареста не отпала, суд постановил опять ввести обременение.

Важно знать, что арест не отменяется автоматически после уплаты штрафа. Как и наложение ограничения, суд принимает решение о его снятии на основании ходатайства правоохранительных органов, ведущих расследование уголовного дела, или адвоката.

«Арест на недвижимое имущество подразумевает запрет на регистрацию каких-либо сделок и перехода права собственности на арестованное имущество и подлежит обязательной регистрации в Управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление Росреестра) по месту нахождения такого имущества. Арест может накладываться органами следствия, прокуратурой или судом» [3, с. 169].

При принятии судом к рассмотрению иска, предметом которого является спор о зарегистрированных правах на объект недвижимого имущества (квартиру, дачу, земельный участок, нежилое помещение и т. д.), суд может по собственной инициативе или по письменному заявлению истца принять обеспечительные меры, в форме запрещения Управлению Росреестра на регистрацию каких-либо сделок со спорным объектом недвижимости (то есть наложить юридический арест на спорный объект недвижимого имущества).

Приведем пример из судебной практики.

Приговором Искитимского районного суда Новосибирской области от ДД.ММ.ГГГГ П.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного <данные изъяты> УК РФ, в отношении П.Ю.

В обеспечение гражданского иска о возмещении ущерба, заявленного в рамках уголовного дела, был наложен арест на квартиру, расположенную по адресу: <адрес>, принадлежащую П.В. на праве собственности. Приговором суда постановлено сохранить обеспечительные меры до исполнения приговора в части гражданского иска.

20 октября 2016 г. П.В. обратился в суд с заявлением, в котором просил отменить обеспечительные меры, снять арест с квартиры по вышеуказанному адресу, ссылаясь на то, что основания для обеспечения гражданского иска отпали, поскольку взыскателем П.Ю. было подано заявление об окончании исполнительного производства[3].

Согласно постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» от 20.12.2011 г. № 21 «такие вопросы могут быть рассмотрены судом, если они возникли при исполнении не только приговора, но и иного судебного решения (например, постановления суда о прекращении уголовного дела, постановления о назначении судебного заседания, постановления, вынесенного по итогам предварительного слушания, постановления о наложении ареста на имущество, постановления, принятого судом при исполнении приговора)»[4]. Таким образом, из указанных обстоятельств по делу следует, что арест на спорное имущество наложен в порядке уголовного процессуального закона, соответственно вопрос о снятии ареста также должен быть разрешен в рамках данного уголовного дела тем органом, в производстве которого находится уголовное дело в порядке уголовного процессуального законодательства.

При таких обстоятельствах, судебная коллегия нашла определение суда первой инстанции по настоящему делу незаконным, подлежащим отмене с прекращением производства по делу в связи с тем, что заявление подлежит рассмотрению в ином процессуальном порядке.

Вопрос о наложении ареста на объект недвижимого имущества, решается судьей единолично и оформляется соответствующим судебным определением. «В определении указывается наименование истца и ответчика, предмет рассматриваемого спора, реквизиты спорного объекта недвижимости (его адрес и кадастровый номер), а также причина, по которой судья пришел к выводу о необходимости принятия обеспечительных мер по иску в форме наложения ареста на спорное имущество. На такое определение участники судебного разбирательства по делу могут подать частную жалобу в течение 15 дней с даты его принятия» [1, с. 104].

Если частная жалоба на определение о наложении ареста подана не была, или если суд апелляционной инстанции оставил определение о наложении ареста в силе, копия определения с отметкой о вступлении в законную силу направляется в Управление Росреестра того субъекта Российской Федерации, на территории которого находится спорный объект недвижимости. Управлением Росреестра вносится в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН) запись об аресте объекта недвижимости, и реквизиты судебного определения, на основании которого был наложен арест (наименование суда и дата принятия судебного определения). С этого момента государственная регистрация сделок с арестованным

объектом недвижимого имущества становятся невозможна. При этом сам по себе арест объекта недвижимости вовсе не означает, что им больше нельзя пользоваться. В арестованной судом квартире можно жить, на арестованном садовом участке можно по-прежнему заниматься садоводством и т. д. Просто арест делает невозможным распоряжение таким имуществом. То есть его нельзя продать, подарить, обменять, передать в залог и совершить иные действия, требующие обязательного внесения регистрационной записи в ЕГРН. За распоряжение арестованным имуществом вопреки наложенному запрету и наступает ответственность по ч. 1 ст. 312 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[5].

Как уже было указано выше, арест может быть наложен на спорный объект недвижимого имущества, как на стадии принятия судьей к производству иска о правах на объект недвижимости, так и на стадии рассмотрения уже поданного иска по существу. Определение о принятии обеспечительных мер по иску (наложении ареста на спорное имущество) может быть принято как по письменному заявлению истца, так и по инициативе судьи, рассматривающего иск. Смысл данного действия состоит в том, чтобы за время рассмотрения спора в суде, ответчик не имел возможности передать спорное недвижимое имущество третьим лицам.

«На практике нередки случаи, когда третьи лица представляют суду документы, из которых следует, что изначально иск был подан не к тому ответчику, и надлежащим ответчиком по делу является именно тот участник процесса, который был привлечен к участию в деле в качестве третьего лица» [4, с. 583]. В этом случае следует подать в суд заявление о замене ненадлежащего ответчика, в котором указать в качестве нового ответчика лицо, ранее участвовавшее в деле в качестве третьего лица, а не дожидаться, когда суд примет по делу решение, которым откажет в иске лишь по причине предъявления иска к ненадлежащему ответчику. При замене ответчика производство по делу начинается с самого начала. То есть, накладывая арест на спорное недвижимое имущество, суд исходит из того, что спорная недвижимость находится именно в собственности ответчика, и сам ответчик имеет реальную возможность распорядиться этим имуществом, что приведет к затягиванию судебного разбирательства по делу (необходимости уточнения иска, привлечения к участию в деле новых собственников спорной недвижимости в качестве соответчиков).

Поэтому при подаче в суд иска необходимо прикладывать к исковому заявлению документы, подтверждающие обоснованность заявленного иска в отношении спорного имущества, а также Выписку из ЕГРН о зарегистрированных правах на спорный объект недвижимости. Также к иску можно (но не обязательно) приложить заявление о принятии обеспечительных мер в форме запрещения на совершение действий по отчуждению спорного имущества. «При получении таких документов у суда не будет правовых оснований для того, чтобы не наложить арест на спорное имущество, поскольку суду изначально будет видно, что спор носит не надуманный характер, и что наложение ареста на это имущество не нарушит прав и законных интересов других лиц» [2, с. 258].

Приведем пример из судебной практики.

27 января 2017 года следователем по особо важным делам второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по <адрес изъят> Б. возбуждено перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество обвиняемого Г, в виде земельного участка. В апелляционной жалобе заинтересованное лицо А., не являющийся участником уголовного судопроизводства, просит постановление суда отменить, указывая, что приобрел земельный участок, на который судебным решением наложен арест, 28 октября 2016 года. Государственная регистрация перехода права собственности на указанный земельный участок была произведена 26 января 2017 года. Судебное решение нарушает его права собственника земельного участка[6].

Как установлено на основании представленных суду апелляционной инстанции документов, а именно, выписки из Единого государственного реестра недвижимости от 27 января 2017 года, 26 января 2017 года был зарегистрирован переход права собственности на земельный участок, расположенный по адресу: <адрес изъят>, <адрес изъят>, с кадастровым номером Номер изъят, и на день рассмотрения ходатайства следователя о наложении ареста на имущество обвиняемого Г., т.е. на 27 января 2017 года, указанный земельный участок принадлежал на праве собственности А., не являющемуся участником уголовного судопроизводства, и лицом, несущим по закону ответственность за действия Г. При таких обстоятельствах решение суда первой инстанции в части удовлетворения ходатайства следователя и наложения ареста на земельный участок, расположенный по адресу: <адрес изъят>, <адрес изъят> с кадастровым номером Номер изъят, не может быть признано законным.

Выслушав участников судебного разбирательства, изучив материалы судебного производства, проверив доводы апелляционной жалобы, суд апелляционной инстанции нашел постановление суда подлежащим изменению, на основании п. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

Итак, можно сделать вывод, что арест, наложенный по определению суда, может быть снят только по другому судебному определению, а именно:

- если лицо, чье право было нарушено наложением ареста на спорное имущество, в дальнейшем, добьется отмены определения о наложении ареста в суде апелляционной или кассационной инстанций. В этом случае основанием для снятия ареста будет являться заверенная судом копия соответствующего апелляционного или кассационного определения об отмене обеспечительных мер по иску;

- если по окончании разбирательства по делу истцом или ответчиком будет подано в суд, рассматривавший дело по первой инстанции, заявление об отмене обеспечительных мер по иску. В этом случае основанием для снятия ареста будет являться заверенная судом копия соответствующего определения суда первой инстанции с отметкой о вступлении в законную силу.

Вышеуказанные определения нужно предоставить в Управление Росреестра по месту нахождения арестованного имущества, после чего в ЕГРН будет внесена запись о погашении записи об аресте объекта недвижимости. «С момента погашения записи в ЕГРН об аресте объекта недвижимого имущества, в отношении такого объекта снова станет возможным совершение различных сделок» [5, с. 80].

С 15 сентября 2015 года, вступили в силу поправки к Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которым правоохранительные органы и суд больше не смогут в рамках производства по уголовным делам накладывать арест на недвижимое имущество на неопределенный срок. Касается эта норма тех граждан, которые не являются подозреваемыми или обвиняемыми. Судом должны быть установлены конкретные сроки ареста, а при приостановке дела он прекращается автоматически. Предусматривается, что при определении разумного срока ареста, наложенного на имущество, учитывается общая продолжительность его применения, а также иные обстоятельства в том числе, правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда и следственных органов.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что наложение ареста на недвижимость в уголовном производстве возможно в двух случаях.

Во-первых, для гарантии исполнения приговора, если заявлен гражданский иск или происходит иное имущественное взыскание. Гражданский иск в данном случае – это требование о возмещении морального вреда или материального ущерба, причиненных непосредственно преступлением. Оно может быть заявлено потерпевшим в любое время до окончания судебного разбирательства в первой инстанции. Такой иск рассматривается по нормам гражданского законодательства.

Во-вторых, арест имущества накладывается в целях обеспечения возможности фактического исполнения приговора при конфискации имущества. При этом может быть арестовано даже имущество гражданина, который не проходит по уголовному делу в качестве подозреваемого или обвиняемого. Для этого требуется располагать достоверными сведениями о том, что оно было получено им в результате преступных действий вышеуказанных лиц.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Определением отказано в удовлетворении заявления об отмене мер, принятых приговором в обеспечение гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного преступлением, в виде наложения ареста на квартиру, принадлежащую обвиняемому на праве собственности : апелляционное определение Новосибирского областного суда от 31.01.2017 г. по делу № 33-1052/2017. Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 г. № 21 (ред. от 29.11.2016) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 3.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Иркутского областного суда № 22-1672/2017 22К-1672/2017 от 17 мая 2017 г. по делу № 22-1672/2017. [Электронный ресурс] // РосПравосудие URL : <https://clck.ru/CeBm6> (дата обращения : 17.02.2017).

Список литературы

1. Агафонова, С. Ш. Арест на недвижимое имущество: порядок наложения и снятия / С. Ш. Агафонова, Н. Р. Абайдуллина // Правовая культура. – 2015. – № 2 (21). – С. 104–108.
2. Азаров, В. А. Спорные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе / В. А. Азаров // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГИМО МИД России, 2016. – С. 258–263.
3. Гайфутдинова, Р. З. Особенности ареста как меры принудительного исполнения при обращении взыскания на недвижимое имущество / Р. З. Гайфутдинова // Казанская наука. – 2014. – № 9. – С. 169–171.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Ю. Девятко, Г. И. Загорский, М. Г. Загорский и др.; под науч. ред. Г. И. Загорского. – М. : Проспект, 2016. – 1216 с.
5. Чобитько, М. Б. Освобождение имущества от ареста в уголовном судопроизводстве / М. Б. Чобитько // Уголовный процесс. – 2017. – № 11 (155). – С. 80–85.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПРОКУРОРА И ЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Пшава В.В., Дьяченко В.С.

Северо-Кавказский филиал «Российского государственного университета правосудия»

Несмотря на то, что через несколько лет прокуратура Российской Федерации отметит свой 300-летний юбилей, до сих пор существует еще много проблемных аспектов в определении правового статуса прокурора в уголовном процессе. Учеными до сих пор ведутся жаркие споры по поводу функций прокурора на разных стадиях процесса, его конкретных полномочий. Не способствует прекращению существующих споров и сам законодатель. Противоречивость, а порой и непродуманность, реализуемых реформ в сфере законодательства, регламентирующего вопросы деятельности субъектов уголовного процесса, в том числе и прокурора, приводят порой к размытости, а иногда и отсутствию критериев разграничения процессуальных функций и полномочий участников уголовного процесса, отнесенных законом к стороне обвинения.

В отношении перечня тех функций, которые прокурор выполняет на разных стадиях уголовного процесса, в юридической науке высказывались и высказываются различные мнения.

Так, к примеру, М.А. Чельцов-Бебутов, опираясь на законодательное определение прокурорской деятельности как осуществление «высшего надзора», обосновал концепцию, согласно которой «надзор за соблюдением законов является единственной функцией прокурора на протяжении всех стадий уголовного судопроизводства. А все остальные функции, согласно данной концепции, являются ничем иным, как правовым средством прокурора при осуществлении надзорной деятельности» [1].

С точки зрения А.А. Тушева, «прокурор в уголовном процессе выполняет следующие функции: борьбы с преступностью, уголовного преследования, руководства расследованием, надзорную, правозащитную, установления объективной истины, координацию деятельности правоохранительных органов» [2].

А.С. Барабаш, рассматривая роль прокурора в уголовном процессе через призму его надзорной деятельности полагает, что «прокурор приходит в процесс не как обвинитель, а как представитель органа надзора, поскольку ни в рамках процессуального руководства расследованием, ни в рамках утверждения обвинительного заключения по делу прокурор не участвовал в исследовании доказательств» [3].

В противовес этому утверждению Н.П. Кириллова отводит прокурору в большей степени роль именно государственного обвинителя, отмечая, однако, при этом, что «принцип состязательности не предполагает поддержания государственного обвинения во что бы то ни стало и любыми средствами, а реализация правозащитной функции прокуратуры предусматривает обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения, если оно не нашло своего подтверждения в суде» [4].

Мнение законодателя по этому вопросу закрепляется в ч. 1 ст. 37 УПК РФ: «Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом,

осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия»[5].

Какие бы аргументы не приводили авторы в поддержку высказываемых точек зрения, следует отметить, что на современном этапе правоотношения, которые складываются в сфере уголовного процесса по поводу участия в нем прокурора, являются наиболее проблемными.

В виду многочисленных изменений, внесенных УПК РФ после 2007 года, на данный момент отсутствует четкое понимание в вопросе о содержании конкретных полномочий, которые прокурор реализует на досудебных стадиях уголовного процесса.

Как и до периода реформ, прокурор продолжает оставаться одной из центральных фигур в уголовном процессе, реализуя свои полномочия на всех его стадиях и вступая в различные связи с поднадзорными субъектами – органами следствия и дознания. Вместе с тем, как отмечает А. Пинок, «подход законодателя к регламентации функций прокурора вызывает много вопросов, в частности о необходимости разработки полноценного понятия уголовного преследования, а также конкретизации в УПК РФ задач прокурорского надзора» [6].

По нашему мнению, существование различных точек зрения по поводу содержательной стороны деятельности прокурора в уголовном процессе в немалой степени связано с недостаточной четкостью понятийного аппарата, закрепленного в УПК РФ. В ст. 5 данного правового акта нашли свое закрепление такие понятия, имеющие отношения к рассматриваемому нами вопросу, как: «государственный обвинитель», «обвинение», «прокурор», «сторона обвинения», «уголовное преследование», «участники уголовного судопроизводства».

В своих научных трудах многие ученые предпринимали попытки определить сущность данных правовых категорий, как «прокурор», «государственный обвинитель» в уголовном процессе. Однако к единому мнению ученые и законодатель так и не пришли.

На наш взгляд, одним из недостатков понятийного аппарата УПК РФ является отсутствие в ст. 5 понятия «прокурора в уголовном процессе». А также существующие противоречия в определении прокурора, изложенные в п. 31 ст. 5 и ст. 37 УПК РФ.

В связи с чем, как справедливо отмечает В.В. Дорошков, «получается, что функция обвинения возложена не на конкретного участника уголовного процесса, воплощающего в себе в рамках правосудия сторону обвинения, а на весь аппарат правоохранительных органов в целом» [7].

А ведь именно на данном этапе постоянного реформирования функций, полномочий, правового статуса различных правоохранительных органов, непосредственно вовлеченных в правоотношения, возникающие и реализующиеся в сфере уголовного процесса, как никогда остро ощущаются несовпадения межведомственных интересов участников процесса, возникающие между ними разногласия.

Трудности в понимании содержательной стороны функций прокурора создает сам законодатель, по-разному определяя правовой статус прокурора на разных стадиях уголовного процесса. В досудебном производстве, при осуществлении функции уголовного преследования, в нормах УПК РФ речь идет о прокуроре. На судебных стадиях он становится государственным обвинителем. А после принятия судебного решения вновь появляется процессуальная фигура прокурора. Причем на практике, в большинстве случаев, все эти роли выполняет одно и то же должностное лицо органов прокуратуры.

С целью уточнения понятийного аппарата по обозначенной проблеме и четкого закрепления правового статуса прокурора необходимо, с нашей точки зрения, законодательно определиться с термином «прокурор в уголовном процессе».

При этом, на наш взгляд, необходимо разделять понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство», которые зачастую отождествляются как учеными, практическими работниками, так и самим законодателем. Однако, если исходить из смыслового значения понятия «судопроизводство», логично было бы называть судопроизводством только ту неотъемлемую часть уголовного процесса, которая неразрывна связана с конкретными правоотношениями и направлениями уголовно-процессуальной деятельности, которые складываются и реализуются непосредственно в суде.

Поэтому, нам представляется принципиально неверными те определения понятий «досудебное производство» и «уголовное судопроизводство», которые нашли свое закрепление в УПК РФ. Подобное несоответствие привносит определенные трудности в четкое формулирование содержания функций и конкретных полномочий участников, вовлеченных в сферу производства по уголовным делам, и, прежде всего, прокурора.

В связи с чем, предлагаем в п. 9 ст. 5 УПК РФ из определения досудебного производства исключить слова «уголовное судопроизводство», заменив их словами «производство по уголовному делу». А в п. 56 ст. 5 УПК РФ из определения понятия уголовного судопроизводства исключить слово «досудебное».

Что касается понятия прокурора в уголовном процессе, предлагаем исключить из п. 31 ст. 5 УПК РФ определение «прокурор», заменив его пунктом следующего содержания: «31) прокурор в уголовном процессе – это должностное лицо органов прокуратуры, на которое возложены полномочия по осуществлению уголовного преследования, надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия и поддержания от имени государства обвинения в суде».

В данном определении мы отделяем понятие обвинения от понятия уголовного преследования ввиду их содержательного несовпадения. Учитывая смысловое содержание слова «изобличить» (смотри – «обнаружить») [8], которое законодатель использует в определении понятия уголовного преследования в п. 55 ст. 5 УПК РФ, нам видится, что в судебных стадиях уголовного процесса прокурор не изобличает (не обнаруживает) подозреваемого, обвиняемого, поскольку данные участники появляются еще в досудебном производстве, а согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ, в котором закрепляется определение «обвинения», уже утверждает о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом. Таким образом, мы приходим к выводу, что функция уголовного преследования, включающая в свое содержание те полномочия, которые прокурор реализует в досудебном производстве, и которые нашли свое закрепление в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, в судебных стадиях трансформируется в функцию поддержания обвинения от имени государства, которая имеет свое уникальное содержание.

Список литературы

1. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. – СПб., 1995. – С. 81.
2. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе. – С-Пб., «Юридический центр Пресс», 2005. – С.43.
3. Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб., 2005. – С. 40 – 45.
4. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. – СПб., 2007. – С. 96.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (часть I) – ст. 4921; // РГ. – 2018. – 20 апреля.
6. Пиюк А. Процессуальный статус прокурора в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2012. – № 6. – С. 12.
7. Дорошков В.В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 13.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е издание, переработанное / Под ред. Л.И. Скворцова. – М., Мир и Образование, 2015.

ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ТЕРМИНОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Усачев А.А., Котлярова Л.Н.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

В ст. 42 и 297 Устава уголовного судопроизводства 1864 года [16] устанавливались «поводы к начатию дел» применительно к разбирательству у мирового судьи и поводы к «начатию» следствия.

Ч. 1 ст. 140 УПК РФ относит к поводам для возбуждения уголовного дела заявление о преступлении, явку с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, а также материалы, которые направлены Центральным банком РФ в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным

управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 Уголовного кодекса РФ.

По образному выражению П. П. Сердюкова, повод для возбуждения уголовного дела является сигналом для соответствующих государственных органов и должностных лиц [14, с. 7]. Именно повод извещает государство в лице его уполномоченных органов о том, что совершено деяние, признаваемое преступным, и влечет необходимость данных органов принять все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры.

«Правовое значение повода ... заключается в том, что он вызывает публичную деятельность органов дознания, следователя, прокурора ..., требует, чтобы эти органы соответствующим образом реагировали на каждый сигнал о готовящемся или совершенном преступлении. Не будь повода к возбуждению дела – общественно опасные деяния оставались бы без внимания. Именно повод к возбуждению дела вызывает осуществление и применение уголовного закона. В этом плане повод является первым связующим звеном между уголовным правом и процессом» [9, с. 26].

В УПК РСФСР использовалось понятие «повод к возбуждению уголовного дела» (ст. 108). А УПК РФ [1] употребляет понятие «повод для возбуждения уголовного дела» (ч. 1 ст. 140). Думается, формулировка УПК РФ является более точной, поскольку слово «повод» означает «обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь» [10, с. 528].

В уголовно-процессуальной литературе предложены различные определения повода для возбуждения уголовного дела. Так, под поводом предлагается понимать: сведения, содержащие первоначальные данные о признаках преступления, полученные из источников, предусмотренных процессуальным законом [15, с. 9]; виды первичной информации о преступлении [13, с. 28]; источник осведомленности органа дознания, следователя или прокурора [12, с. 129]; предусмотренные законом источники информации, из которых лицу или органу, уполномоченному принимать решение о возбуждении уголовного дела, становится известно о преступлении [2, с. 199]; те установленные законом источники, из которых полномочные органы государства или должностные лица получают информацию о преступлении [4, с. 8]; источники, в которых содержатся сообщения о совершенном преступлении [11, с. 31]; источник информации о готовящемся или совершенном преступлении [6, с. 261]; такое явление объективной действительности, с которым закон связывает возникновение у дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора юридической обязанности разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела [5, с. 310]; побудительное начало уголовно-процессуальной деятельности компетентных органов по разрешению вопроса о возбуждении дела и возможности ведения расследования [9, с. 22, 26-7]; юридические факты, вызывающие деятельность по возбуждению уголовного дела [3, с. 92-93]; юридически значимые действия (волеизъявления), образующие юридические факты, порождающие указанные в законе права и обязанности, складывающиеся из них правовые отношения [17, с. 28]; документы, которые содержат сведения о преступлении, полученные из различных, но законных источников [7, с. 176].

Перед рассмотрением вопроса о том, что же такое повод для возбуждения уголовного дела, следует проанализировать само словосочетание «повод для возбуждения уголовного дела» с точки зрения целесообразности его употребления. Как уже было упомянуто, слово «повод» означает «обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь». То есть термины «повод» и «основание» являются синонимами. Получается, что поводом для возбуждения уголовного дела является обстоятельство, способное быть основанием для возбуждения уголовного дела. Из этого вытекает неточность использования в уголовно-процессуальном законе и процессуальной литературе словосочетания «повод для (к) возбуждения(ю) уголовного дела».

Нецелесообразным представляется также использование словосочетания «поводы образования уголовного процесса». Слово «образование» (от «образовать») означает «создание», «организация» [10, с. 436]; следовательно, «поводы образования уголовного процесса» - это «основания для создания, организации уголовного процесса», что с точки зрения русского языка представляется некорректным.

В связи с отмеченным, учитывая опыт отечественного дореволюционного законодательства, представляется целесообразным употребление термина «поводы для начала уголовного судопроизводства» (от «начать» - «приступить к какому-нибудь действию» [10, с. 399], «положить начало чему-нибудь» [8, с. 333]).

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М.: ООО «ТК Велби», 2003. 480 с.
3. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Возбуждение уголовного дела. М.: Госюриздат, 1961. 207 с.
4. Кобликов А. С. Возбуждение уголовного дела. Лекция. М.: Воен.-полит. акад., 1962. 35 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общей редакцией В. В. Мозякова. М.: «Издательство «Экзамен XXI», 2002. 864 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. Г. Коваленко. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 1264 с.
7. Левич Ю. А. Возбуждение уголовного дела в отношении судьи // Новое в российском законодательстве. Сб. науч. ст. Барнаул: Аз Бука, 2002. С. 174-181.
8. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1997. 832 с.
9. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов: Саратов. юрид. ин-т, 1975. 151 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Институт рус. языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Рахунов Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. 88 с.
12. Рыжаков А. П. Краткий курс уголовного процесса (по УПК РФ 2001 г.): Учеб. пособие. Тула: ПБЮЛ И. В. Рыжакова, 2002. 288 с.
13. Савицкий В. М., Ларин А. М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М, 1999. 271 с.
14. Сердюков П. П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела. Учебное пособие. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1981. 87 с.
15. Тетерин Б. С., Трошкин Е. З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М.: Новый юрист, 1997. 224 с.
16. Устав уголовного судопроизводства. Неофициальное издание (Свод законов Т. XVI, Ч. 1, изд. 1914 года). С позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции / Составлено М. П. Шрамченко и В. М. Широковым. Изд. седьмое, испр. и доп. Петроград: Тип. И. О. Крамова, 1916. 1414 с.
17. Файзулин М. Поводы к возбуждению уголовного дела: правовая природа // Советская юстиция. 1993. № 23. С. 27-29.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Шпак-Долженко А.Н.

Магистрант юридического факультета им. А.А. Хмырова КубГУ, 2-го года обучения, ОФО

Развитие науки и техники, внедрение ее в практику экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, несомненно, дает свои положительные результаты в раскрытии и расследовании преступлений. Неуклонно возрастает значение использования в уголовном процессе вещественных доказательств, заключений экспертов как важнейших объективных источников создания надежной доказательственной базы. Необходимость квалифицированного, эффективного и своевременного использования криминалистических средств и методов сегодня – неотъемлемая часть в расследовании убийств, изнасилований, грабежей, разбоев, краж, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и других преступлений[1].

Говоря о проблемах методического характера, следует, прежде всего, отметить факт включения в сферу судебной экспертизы новых объектов, возникновения новых задач, которые ставит перед экспертами следственная практика, требующая разработки на основе уже имеющегося эмпирического материала

соответствующих экспертных методик исследования как новых, так и уже известных, но изменившихся объектов, а также в разработке методических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов по обнаружению, фиксации, исследованию и использованию доказательств в процессе раскрытия и расследования преступлений. И это едва ли не главная проблема в практической деятельности экспертов. Именно разработка новых методик исследования, их апробация, внедрение и сертификация является основной проблемой, над которой в настоящее время усиленно работают не только сотрудники ЭКЦ МВД России, но и ЭКП[2].

Помимо указанного существует еще ряд проблем, стоящих на пути к проведению объективного и всестороннего исследования.

Еще одной немаловажной проблемой, с которой сталкиваются эксперты при производстве экспертиз, является несвоевременное привлечение к производству исследования специалистов, отсутствующих в судебно-экспертном учреждении, без заключения которых производство экспертизы невозможно. Также привлечение специалистов, уровень квалификации которых низок и изначально не был выявлен органом, назначившим экспертизу. Это затрудняет для эксперта оценку заключений специалистов, результаты которого принимаются экспертом при проведении собственных исследований и дачи выводов[3].

Необходимость в привлечении таких специалистов возникает, например, при производстве судебных экспертиз средств компьютерных технологий, где необходим узкий круг знаний и конкретная специализация. При этом достоверность, обоснованность их заключений вызывает сомнение, поскольку некоторые из заключений не подкрепляются какими-либо серьезными исследованиями, наблюдаются противоречия между заключениями нескольких специалистов, привлекаемых органом, назначившим экспертизу[4].

Довольно распространенной проблемой в процессе производства экспертизы является недостаточная мера безопасности экспертов, проводимых исследование.

В соответствии со ст. 7 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» эксперт при производстве судебно-экспертной деятельности независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначившего проведение экспертизы, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела, однако на практике указанное положение довольно часто нарушается[5].

Статья 14 и 16 того же закона обязывает руководителя государственного судебно-экспертного учреждения и государственного судебного эксперта не разглашать информацию, которая стала известна последнему в ходе проведения исследования, так как эта информация может ограничивать конституционные права граждан и составлять государственную, коммерческую и иную тайну.

В этом отношении, по мнению И.Е. Лобана, Г.И. Заславского и В.Л. Попова важно выделение конфиденциальной информации и разграничение профессиональной и служебной тайны, поскольку это определяет правовой режим защиты и оборота информации в процессе государственной судебной деятельности[6].

Проблема защиты конфиденциальности информации в этой связи приобретает все большее значение. Примером необходимости этой защиты может послужить судебно-медицинские исследования, в ходе которых экспертам становятся известны некоторые факты о жизни деятельности лиц, а также иные сведения, которые могут порочить достоинство гражданина при распространении таковых.

Вместе с тем, в настоящее время ни в законодательстве РФ, ни в ведомственных актах, ни в юридической литературе эти вопросы не освещены и, тем более, не решены в полном объеме.

В соответствии со ст. 139 УПК РФ, работникам следственных органов прямо указывается на необходимость своевременного предупреждения эксперта в числе прочих участников уголовного процесса о недопустимости разглашения без разрешения следователя ставших известными данных во время предварительного следствия. При этом, в обязательном порядке от указанных лиц должна отбираться соответствующая подписка, так как уголовная ответственность по ст. 310 УК РФ возможно лишь при ее нарушении. Иначе, доказательственная информация (в данном случае результат экспертизы) по уголовному делу может стать известным заинтересованным в исходе дела лицам быть использована в целях воспрепятствования установлению истины[7].

К сожалению, приходится констатировать то, что в последнее время стали выявляться случаи, когда некоторые эксперты по своей инициативе, активно проявляют готовность к оказанию услуг, подразумевающих составление ложного заключения. С этой целью, они поддерживают довольно устойчивые отношения с лицами, помогающими гражданам справиться с их жизненными проблемами[8].

Идеей, лежащей в основе этого правонарушения, является идея человеческих нужд. Ф. Котлер дал следующее определение понятию «нужда», и отмечает, что это чувство, ощущаемое человеком, нехватки чего-либо». Неудовлетворенный человек делает одно из двух: либо займется поиском объекта, который будет способен удовлетворить эту нужду, либо постарается заглушить это желание[9].

Таким образом, мы пришли к выводу, что еще одной из основных проблем в ходе проведения экспертных исследований является распространение информации, которая становится доступной экспертам, а также, вытекающая отсюда, безопасность многих участников уголовного.

На основе изложенного представляется возможным сделать вывод о том, что основными проблемами при производстве экспертных исследований являются не только отсутствие единых методик, распространяющихся на все государственные и негосударственные экспертные учреждения, но и незащищенность самих экспертов, а также слабозащищенная информация, которая становится известна экспертам, в ходе производства экспертиз.

¹ Аминев, Ф.Г. Экспертные ситуации и пути решения экспертных задач // Судебная экспертиза. 2016. №1. С.13-17.

² Аверьянова Т.В. Некоторые проблемы практики судебной экспертизы и пути их решения // Эксперт-криминалист. 2008. №4. С. 16-21.

³ Умирбаева З.А. Некоторые проблемы производства судебных экспертиз // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 166-168.

⁴ Мазуренко П.Н., Мазуренко А.П. Судебная экспертиза в расследовании преступлений: проблемы и тенденции // Закон и право. 2015. № 4. С. 124-127.

⁵ Муженская Н.Е. Экспертиза в российском законодательствеб руководство-справочник для следователя, дознавателя, судьи. М., 2014. С. 34.

⁶ Лобан И.Е., Заславский Г.И., Попов В.Л. Судебно-медицинская экспертиза: нормативная база и информационно-правовое обеспечение. СПб, 2005. С. 116.

⁷ Неволин Н.И. Проблема защиты информации при производстве судебно-медицинских экспертиз // Проблемы экспертизы в медицине. Ижевск, 2005. № 3. С. 17-20.

⁸ Епихин. А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном процессе. Сыктывкар, 2000. 44-45.

⁹ Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М., 2007. С. 326.

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ ПУТЕМ ВЗРЫВА

Яшин А.В., Мартьянова Я.В.

Пензенский государственный университет, г. Пенза

В последние годы при совершении различного рода преступлений (в частности, террористического акта, массовых беспорядков, хулиганства, диверсии и др.) виновные зачастую используют взрывные устройства. При расследовании таких преступлений сотрудники следственных подразделений должны, в первую очередь, выдвинуть версии о производстве взрыва, способе его совершения и нахождении эпицентра, выяснить мотивы и цели совершенного деяния. На основе нескольких выдвинутых версий выясняются обстоятельства, подлежащие установлению по делу. Первоочередным следственным действием по уголовным делам о преступлениях, совершаемых путем взрыва, является осмотр места происшествия.

Специалисты-криминалисты, выезжающие на место преступления в составе следственно-оперативной группы, производят осмотр места предполагаемого взрыва, пораженной территории, осуществляют поиск осколков или остатков взрывного устройства, выясняют причины взрыва, характер взрывного устройства и взрывчатого вещества, предположительную конструкцию и параметры взрывного устройства, мощность взрыва [4, с. 201-203].

С помощью специалиста выясняется наличие или отсутствие на месте взрыва невзорвавшихся взрывных устройств, в том числе замаскированных, оголенных электропроводов, поврежденных газовых коммуникаций и т.п. [1, с. 163].

На первоначальном этапе следователь должен произвести общий осмотр места происшествия, в содержание которого входит оценка характера и расположения места взрыва относительно соседних

объектов. Производится ориентирующая и обзорная фото- или видеосъемка. Обнаруженные первичные следы осколочного действия характеризуются, как правило, царапинами, пробоинами от глубокого внедрения осколков. При детальном осмотре места происшествия следует выявить вещественные доказательства, следы взрывчатых веществ и взрывных устройств, на этом же этапе изучается место взрыва. Если имеется воронка, то в протоколе необходимо указать ее размеры и глубину, описать форму, трещины, разломы. Также необходимо изъять вещи пострадавших, на которых могут находиться интересные следственные следы.

После обнаружения и фиксации необходимых вещественных доказательств, следователь приступает к осмотру первой зоны, поиску предметов с бризантным и термическим действиями взрыва, следов разлета осколков взрывного устройства. При этом радиус осмотра составляет от двух до пяти метров. В данном случае бризантное действие – это ближняя зона, которая заключается в «дробящем воздействии» продуктов взрыва на предметы окружающей обстановки. У человека, находящегося в данной зоне, происходит разрыв конечностей. Термическое действие – это близкий взрыв, который проявляется в виде опаленных волос, возгорания одежды, ожогов кожи человека.

Осмотр второй зоны производится в целях поиска предметов фугасного действия взрыва в радиусе от десяти до двадцати метров от эпицентра взрыва. Фугасное действие – это ударная волна, которая имеет достаточно большой радиус действия, вызывающая полное или частичное разрушение предметов окружающей обстановки, перемещение их на значительное расстояние. При этом для человека характерна значительная деформация наружных покровов тела.

В третьей зоне проводится поиск предметов со следами фугасного действия взрыва, собираются осколки взрывного устройства более крупного размера (металлические осколки корпуса взрывного устройства, а также болты, гайки и другие предметы, которые являлись его содержимым). Здесь же определяется примерное количество взрывчатого вещества.

На заключительном этапе осмотра места происшествия фиксируются его результаты, производится изъятие обнаруженных вещественных доказательств, следов, осколков взрывного устройства. Изъятые предметы упаковываются в разные пакеты.

Взрывные устройства, посредством которых совершаются различные преступления, представляют собой технические устройства одноразового применения, предназначенные для определенной степени поражения людей или уничтожения объектов. Взрывные устройства часто маскируются под бытовые предметы, например, сумки, оставленные на железнодорожных вокзалах или в камерах хранения, почтовые посылки, продуктовые пакеты и т.п. Для усиления поражающего действия преступники наполняют взрывные устройства мелкими металлическими предметами: болтами, гайками, гвоздями и др.

В целях установления факта взрыва, его причин, определения конструкции использованного для подрыва взрывного устройства, вида и количества заряда проводится судебная взрывотехническая экспертиза, которая представляет собой комплексное изучение взрывного устройства, а также проведение различных исследований – диагностических, классификационных, идентификационных, реконструкционных, ситуационных [3, с. 127].

К диагностическим исследованиям относится установление пригодности к взрыву взрывного устройства, которое по каким-либо причинам не взорвалось, и его элементов, либо установление факта взрыва, если взрывное устройство сработало. Посредством классификационных исследований проводится установление видовой и групповой принадлежности взрывчатого вещества, а также взрывных устройств, их элементов, устанавливается способ изготовления взрывного устройства. С помощью идентификационных исследований определяется тождество объектов взорванных устройств по следам взрыва и их групповая принадлежность. Реконструкционные исследования – это установление боевых и иных свойств взрывных устройств и их элементов по следам взрыва (реконструкция массы, плотности и формы заряда взрывчатого вещества, реконструкция конфигурации оболочки деформированного взрывного устройства, цвета его деталей, восстановление маркировочных обозначений и т.п.). Ситуационные исследования проводятся с целью установления конкретных обстоятельств взрыва [2, с. 66-72].

Для получения максимально достоверного экспертного заключения в распоряжение эксперта необходимо представить протоколы осмотра места происшествия или их копии, планы-схемы, фототаблицы с пояснительными надписями и видеозаписи места происшествия, а также акты судебно-медицинского исследования трупа или освидетельствования потерпевшего.

Таким образом, качественное проведение осмотра места происшествия и квалифицированное производство судебной взрывотехнической экспертизы способствуют получению наиболее полной информации о событии преступления, необходимой для расследования уголовных дел.

Список литературы

1. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 503 с.
2. Матюшенков А.Н. Некоторые вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности // Правовые, организационные и социально-экономические аспекты противодействия экстремизму: материалы научно-практического семинара (г. Челябинск, 27 ноября 2008 года). Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2008. С. 65-73.
3. Матюшенков А.Н. Взрывотехническая экспертиза как источник использования специальных знаний по делам о взрывах // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 25. С. 126-130.
4. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: Учебник. М.: Издательский дом «Дашков и К°», 2009. 608 с.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ФОРМЫ СОВЕРШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 25 (3) (а) РИМСКОГО СТАТУТА И РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Кораблева С.Ю.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва

Возможным формам совершения международного преступления, а также соучастию в нем посвящена ст. 25 Римского статута Международного уголовного суда [1]. В ней в п. п. (а)–(f) перечисляются основные условия привлечения к индивидуальной уголовной ответственности – лицо может быть привлечено к ответственности, если оно совершает преступление, принимает в нем участие или пытается его совершить. Причем, если в п. п. (а)–(с) установлены правила, являющиеся базовыми для концепции индивидуальной уголовной ответственности, то в п. п. «d»–«f» происходит ее расширение, в том числе за счет указания на неоконченное преступление [2, с. 984–985].

Участвующих в преступлении лиц можно условно разделить на тех, кто непосредственно его совершает (принципалов в терминологии Международного уголовного суда), и иных соучастников, выполняющих дополнительные криминальные функции. И если в теории российского уголовного права к самостоятельным участникам (принципалам) относятся лишь исполнители, т. е. лица совершающие действия (часть действий), описываемых в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, то в Римском статуте закреплен более сложный подход. Так, в ст. 25 (3) (а) различаются три возможные роли, каждая из которых характерна для принципала (основного, самостоятельного преступника). Принципалом признается лицо, которое совершает преступление:

- непосредственно («индивидуально»), т. е. физически выполняет все объективные элементы преступления;
- «совместно с другим лицом», т. е. вместе с лицом (лицами) контролирует совершение преступления в силу своей криминальной роли;
- опосредованно («через другое лицо»), т. е. контролирует тех, кто непосредственно выполняет объективные элементы преступления.

Рассмотрим их подробнее.

Под совершением преступления **индивидуально** (*as an individual*) следует понимать ситуации, когда лицо непосредственно совершает деяние, характеризующееся Римским статутом как преступление.

Однако следует учитывать, что преступления в международном уголовном праве связаны со случаями массового насилия и тем самым существенно отличаются от тех, которые запрещены на национальном уровне. Именно поэтому сложно себе представить по-настоящему «индивидуальное» совершение преступления, которое подпадает под юрисдикцию Международного уголовного суда (*далее Суд, МУС*). Конкретный преступный результат, возникновение которого может стать ситуацией для рассмотрения по правилам Статута, скорее ассоциируется с коллективными, массовыми действиями. И «индивидуальное» совершение преступления в этом контексте мало отличается от совместного, поскольку и там, и там речь будет идти о собственном вкладе человека в развитие массового насилия.

Совместное совершение (*jointly with another*) характеризуется разделением криминальных ролей между различными лицами, которые имеют общую цель. Римский статут не содержит четкого указания относительно того, идет ли в данном случае речь лишь о соисполнительстве или же о соучастии с разделением ролей. В международном уголовном праве также отсутствует согласованная теория относительно необходимых и достаточных признаков совместного совершения преступления. В частности, существуют споры, касающиеся преимуществ использования концепции совместной преступной деятельности (*Join Criminal Enterprise, JCE*), основанной на принципах общего права и получившей распространения в практике современных международных трибуналов, и применения более сложной для доказывания доктрины контроля за совершением преступления (*funktionelle Tatherrschaft*), изначально разработанной в теории немецкого уголовного права.

Международный уголовный суд, интерпретируя положения Римского статута, опирается по положения немецкой доктрины. Так в ключевом по данному вопросу деле Лубанги (*Situation in the Democratic Republic of the Congo in the Case of the Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Decision on confirmation of charges, 29 January 2007 (ICC-01/04-01/06)*) [4] Палата предварительного производства посчитала, что концепция совместного совершения, закрепленная в статье 25 (3) (а) Статута основывается на концепции контроля за совершением преступления (§ 340, 341). В соответствии с ней совместное совершение (*co-perpetration*) подразумевает скоординированные действия нескольких лиц, которые дополняют друг друга и в совокупности приводят к реализации всех объективных элементов преступления (§ 326). При этом ни один из участников не контролирует совершение преступления полностью, все они зависят друг от друга, а их действия взаимно обусловлены. В терминах данной концепции они разделяют контроль, потому что каждый из них может сорвать совершение преступления, не выполнив свою задачу. Таким образом, любое лицо здесь может быть привлечено к уголовной ответственности в полном объеме постольку, поскольку только совместные усилия могут вызвать наступление преступного результата.

Также Палата предварительного производства перечислила ряд объективных и субъективных признаков, которыми характеризуется совместное совершение. К объективным признакам она отнесла:

– наличие соглашения или общего плана, т. е. скоординированность действий. Действия следует считать скоординированными и в тех случаях, когда соучастники договорились о совершении преступления только при наступлении определенных условий; когда план подразумевал лишь вероятность наступления преступного результата; а также когда соглашение не было явным и его наличие следует только из последующей согласованности действий;

– существенность вклада каждого соисполнителя в совершение преступления. Под существенным вкладом следует понимать только такую роль в рамках общего плана, неисполнение которой сорвало бы совершение преступления в целом, т.е. наличие так называемого совместного контроля над совершением преступления.

Относительно же субъективных признаков совместного совершения Палата предсказуемо указала, что в поведении обвиняемых должны присутствовать интеллектуальные и волевые моменты, перечисленные в ст. 30 Статута «Субъективная сторона». Также необходимыми являются еще два дополнительных субъективных признака, присущих только совместному совершению. Обвиняемый должен:

– предвидеть и внутренне согласиться с тем, что реализация совместного плана может привести к совершению преступления, осознавать взаимную обусловленность своих и чужих действий и их связь с преступным результатом;

– знать все фактические обстоятельства, позволяющие ему контролировать совершение преступления. Более конкретно речь идет о том, что ему должна быть отведена криминальная роль важная в такой степени, что он сможет сорвать совершение преступления, отказавшись выполнить свою часть деяния.

Следует отметить, что последний признак в дальнейшем был несколько упрощен. Так в *Situation in the Democratic Republic of the Congo in the Case of the Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Judgment, 14 March 2012 (ICC-01/04-01/06)* [5] Судебная палата указала, что достаточно осознания обвиняемым

существенности его собственного вклада в реализацию общего плана. Действительно, в случаях массового насилия достаточно проблематично доказать, что отказ лица от своей части деяния привел бы к срыву всего преступления. Даже на уровне «национальных» преступлений и классического в своем роде примера, когда один сообщник стреляет в потерпевшего, а второй удерживает его, установление факта контроля каждого из соучастников над всем преступлением в целом представляется сложной задачей, требующей большого числа допущений. В отношении же преступлений, подпадающего под юрисдикцию Суда, это явно излишне.

Последняя часть ст. 25 (3) (а) указывает на совершение преступления **через другое лицо** (*through another person*). Эта форма характеризуется использованием непосредственных исполнителей, в том числе не подлежащих уголовной ответственности. Такое опосредованное совершение следует отличать от иных способов участия в преступлении, перечисленных в ст. 25 (3) (b) Статута, а именно, от подстрекательства или побуждения лица.

При совершении преступления через другое лицо последнее превращается в «инструмент» для совершения преступления. В терминологии российского уголовного права это очень близко к так называемому «посредственному причинению». Однако существенное отличие заключается в том, что при посредственном причинении деяние совершается с использованием лиц, не являющихся субъектами преступления по возрасту, вменяемости и т. д. Римский же статут такого ограничения не содержит, а включает формулировку «независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности». В частности, подразумеваются и такие способы использования другого лица как введение в заблуждение, принуждение, этническая лояльность и иные формы влияния на волю тех, кто непосредственно выполняет объективные элементы преступления. Более того, в силу специфики преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, более вероятными представляются ситуации, когда непосредственный исполнитель является частью организованной иерархической структуры и совершает преступное деяние сознательно. А опосредованный исполнитель командует или иным образом управляет такой организацией, в том числе совместно с другими лицами.

Именно такой подход нашел свое отражение в решениях МУС и получил название *indirect co-perpetration* («опосредованное соучастие»). В наиболее развернутом виде концепция опосредованного соучастия была дана в *Situation in the Democratic Republic of the Congo in the Case of the Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui, Decision on the confirmation of charges, 30 September 2008 (ICC-01/04-01/07)* [3]. В этом решении Палата предварительного производства отдельно отметила, что подобное объединение концепции совместного и опосредованного совершения не является новой непризнанной Статутом формой совершения, а полностью охватывается ст. 25 (3) (а) (§ 490–492). Признаки опосредованного соучастия Палата разделила на три группы: объективные признаки опосредованного совершения преступления; объективные признаки совместного совершения преступления; субъективные признаки. Причем вторые и третьи были лишь перечислены со ссылкой на дело Лубанги, приведенное выше. А вот непосредственно объективные признаки опосредованного совершения преступления были глубоко исследованы Палатой. К ним она отнесла:

– наличие у обвиняемого «контроля над организацией», что подразумевает высокий статус, роль лидера в иерархической организации, причастной к массовому насилию, а также повышенную ответственность за преступления, совершенные ее участниками. Такой подход не является чем-то новым, поскольку характерен и для национальных юрисдикций, в том числе российского уголовного права, и для трибуналов *ad hoc*, и для более ранних решений МУС;

– организованная и иерархическая структура власти, а именно, наличие иерархических отношений между начальством и подчиненными. Средствами для осуществления своей власти обвиняемым могут стать, например, наем, обучение, разработка инструкций или предоставление различных ресурсов подчиненным. Причем последних должно быть достаточное количество с тем, чтобы гарантировать исполнение приказа в целом, вне зависимости, например, от отказа одного из лиц от совершения деяния;

– обеспеченность исполнения преступлений почти автоматическим соблюдением приказов. Речь идет о взаимозаменяемости непосредственных исполнителей преступления, которые являются лишь частью механизма насилия, эффективно действующего вне зависимости от поведения или личных качеств отдельного лица. Взаимозаменяемость подчиненных – очень интересный и важный признак, который очень точно описывает особенности взаимоотношений внутри организаций, причастных к массовому насилию. А также полностью отвечает на вопрос о том, почему лидеры (командиры, организаторы) должны нести повышенную уголовную ответственность за деяния подчиненных. Хотя разумеется принцип вины требует внимательного отношения и надежных доказательств вклада каждого руководителя в создание и

функционирование подобных насильственных организаций. Особенно в случае наличия нескольких уровней руководства, включая руководителей «среднего звена». И в этом отношении решение Палаты относительно субъективных признаков, а также относительно отличия совместного совершения от исполнения приказа подчиненным можно признать несколько упрощенными и, вероятно, требующими доработки в дальнейшем.

Список литературы

1. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).
2. Otto Triffterer, Kai Ambos. The Rome Statue of the International Criminal Court A Commentary, Third Edition. München/Oxford/Baden-Baden: C.H.Beck/Hart/Nomos, 2016. 2352 p.
3. Situation in the Democratic Republic of the Congo in the Case of the Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui, Decision on the confirmation of charges, 30 September 2008 (ICC-01/04-01/07). URL: <http://www.legal-tools.org/doc/67a9ec/>
4. Situation in the Democratic Republic of the Congo in the Case of the Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Decision on confirmation of charges, 29 January 2007 (ICC-01/04-01/06). URL: <http://www.legal-tools.org/doc/b7ac4f/>
5. Situation in the Democratic Republic of the Congo in the Case of the Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, Judgment, 14 March 2012 (ICC-01/04-01/06). URL: <http://www.legal-tools.org/doc/677866/>

СЕКЦИЯ №9. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рубцова М.В.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Информационное общество - общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. Первым стратегическим документом, определившим направления развития информационного общества в России, стала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации. Она положила начало интенсивному использованию органами государственной власти Российской Федерации, бизнесом и гражданами информационных и коммуникационных технологий. Информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Значительное увеличение объема данных, источниками и средствами распространения которых являются промышленные и социальные объекты, различные электронные устройства, приводит к формированию новых технологий. Со стороны государства предполагается обеспечить поэтапный переход государственных органов и органов местного самоуправления к использованию инфраструктуры электронного правительства, входящей в информационную инфраструктуру Российской Федерации[1].

В 2017 году для наиболее оптимального решения задач по реализации единой технической политики при создании, внедрении и развитии информационных систем в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации в Генеральной прокуратуре Российской Федерации создано Главное управление правовой статистики и информационных технологий, приказом Генерального прокурора Российской Федерации учрежден Экспертный совет при Генеральной прокуратуре Российской Федерации по вопросам информационных технологий. Такого рода структура впервые создается в системе органов прокуратуры, что говорит о серьезных планах ведомства по модернизации своих внутренних процессов. Речь идет, в том числе, о поиске инновационных подходов к организации и ведению прокурорского надзора,

работе с обращениями граждан и документообороту в целом[2]. Между тем, эксперты отметили достаточно высокий уровень уже имеющихся информационных систем, ориентированных на внутренние процессы работы, в частности, внутрикорпоративную коммуникацию и документооборот. При этом отмечена необходимость внедрения интерактивных сервисов, ориентированных на внешний обмен информацией с гражданами, общественными организациями, профессиональными сообществами и органами власти. Предполагается внедрение он-лайн приемов граждан в режиме реального времени, консультационных вебинаров, интеграции таргетированных электронных форм для подачи обращений, которые автоматически будут попадать исполнителям в профильные подразделения. Цифровая трансформация должна охватить в целом систему надзора, начиная с профильной подготовки прокуроров, поскольку сегодня процесс перехода на цифровой формат идет во всех органах государственной власти. В России активно развивается цифровая экономика, что делает необходимым использование высокотехнологичных подходов к надзорным мероприятиям в этой сфере и профессиональное погружение в проблематику отрасли прокуроров. Эффективная защита прав граждан в этом аспекте невозможна без учета нюансов цифровой среды[3]. Ведомство планирует добиться удовлетворения не менее 90% граждан качеством взаимодействия с органами прокуратуры[4]. В информационном обществе цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации осуществляется в рамках государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики Российской Федерации.

В целях совершенствования информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры Российской Федерации, определения основных приоритетов и принципов его развития, активизации деятельности в области информатизации издан приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года». В дальнейшем предполагается развитие цифровой инфраструктуры на основе применения российских информационно-телекоммуникационных технологий и формирование новой технологической основы для исполнения полномочий органами прокуратуры. Целями цифровой трансформации являются: повышение эффективности деятельности органов прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства; создание условий для оперативной реализации надзорных функций в связи с цифровизацией объектов надзора; обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования собственной цифровой инфраструктуры, повышение ее информационной безопасности; создание условий готовности к изменениям в общественно-политической и экономической ситуации, связанным с переходом к цифровой экономике; переход к сервисной модели владения собственной цифровой инфраструктурой и ее развития; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия органов прокуратуры с гражданами, организациями, институтами гражданского общества, органами государственной власти и местного самоуправления[5]. Во исполнение положений приказа Генерального прокурора Российской Федерации и Министра связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 08.02.2018 № 68/56 «Об утверждении паспорта проекта цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» впервые в органах прокуратуры введено проектное управление: сформированы Проектный комитет и Проектный офис.

Генеральной прокуратурой разработаны единые для всех органов прокуратуры технические требования, которые направлены на места для подготовки локальных смет на их создание. В целях обеспечения контроля достоверности и своевременности предоставления статистической информации в системе доработан компонент «типовые нарушения». В нем автоматически формируются списки уголовных дел, документы первичного учета по которым содержат или могут содержать нарушения, связанные с правильностью их заполнения. Например, проверка обоснованности отнесения преступлений к экономической, коррупционной или террористической направленности, совершенным в общественных местах. При этом проверяется заполнение дополнительных реквизитов, необходимых для отнесения преступлений к той или иной категории. Здесь же осуществляется проверка своевременности и комплектности предоставления статистических карточек.

В режиме «Свободный поиск» имеется возможность выборки информации в сочетании любых реквизитов различных форм статистических карточек. Кроме того, расширена возможность поиска по фразам или нескольким словам, к примеру, по фабуле преступления. Данный функционал нами широко применяется при подготовке аналитических документов.

В рамках развития личных кабинетов обеспечена возможность регистрации уголовных дел с присвоением им уникального номера по единым правилам нумерации, введенным в действие с начала 2017

года на территории Российской Федерации.

В настоящее время проходят отладку новые компоненты, предусматривающие формирование документов первичного учета на основе сведений, вносимых в web-интерфейсе личного кабинета пользователя на портале ГАС ПС. Этот интерфейс обеспечивает ввод данных непосредственно по процессуальным действиям. При этом системой предлагается пользователю заполнять только те поля, в которых отражается статистическая информация, подлежащая учету на данном этапе уголовного судопроизводства. Таким образом, пользователь будет сосредоточен на вводе новых сведений по уголовному делу, а не определении, какие статистические карточки и в каком объеме он должен заполнить. Такой подход значительно снижает трудовые и временные затраты не только прокуроров, но сотрудников правоохранительных органов[6].

В информационном обществе устанавливается такой режим транспарентности государственного управления, который переносит акцент с права гражданина на доступ к информации на «опережающую» обязанность органов государственной власти по ее раскрытию. Можно сказать, что эволюция информационно-коммуникационных технологий требует адекватного по скорости и технической разработанности развития мер защиты персональных данных. В юридическом плане такие меры защиты нуждаются в их правовом закреплении[7].

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы».
2. URL:<http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1165272/> (Дата обращения: 20.02.2017).
3. URL:<https://www.openpolice.ru/news/v-generalnoj-prokurature-rossijskoj-federacii-sostoyalos-zasedanie-ekspertnogo-soveta-po-cifrovoj-transformacii-organov-prokuratury/> (Дата обращения: 21.03.2018).
4. URL:<http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1331628/> (Дата обращения: 13.02.2018).
5. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года».
6. URL:<http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1352418/> (Дата обращения: 28.03.2018).
7. Талапина Э.В. «Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект)»: Монография. «Юриспруденция». 2015. с.192. КонсультантПлюс.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Усачев А.А., Котлярова Л.Н.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Профилактическая деятельность органов прокуратуры, не найдя прямого закрепления в Законе о прокуратуре РФ, регулируется достаточно большим количеством правовых, в первую очередь ведомственных, актов.

Так, приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [3] в качестве одного из основных направлений надзора за исполнением законов рассматривает предупреждение преступных проявлений. Этим приказом, в частности, предписывается обеспечить профилактическую направленность прокурорского надзора, систематически проверять исполнение законов о занятости населения, борьбе с наркоманией, пьянством, соблюдение органами Федеральной службы войск национальной гвардии РФ законодательства при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сферах оборота оружия, частной охранной деятельности, а также при осуществлении вневедомственной охраны. При этом в профилактических целях следует шире использовать материалы уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел (п. 14).

При осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина прокурор должен принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба (п. 1 ст. 27 Закона о прокуратуре).

Большое значение с точки зрения обеспечения профилактической направленности прокурорского надзора за исполнением законов имеет проведение проверок исполнения законов органами государственного контроля, другими органами исполнительной власти (например, являющимися субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних). В частности, приказ Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» [5] предписывает при осуществлении надзора за исполнением законов органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних уделять повышенное внимание вопросам реализации предоставленных им полномочий по защите прав несовершеннолетних, предупреждению семейного неблагополучия, жестокого обращения с ними, своевременного обмена информацией о подростках, проживающих в социально неблагополучных семьях, находящихся в трудной жизненной ситуации или опасном состоянии, нуждающихся в государственной помощи, и других существенных обстоятельствах, способствующих вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Приказ Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 предписывает при осуществлении надзора за оперативно-разыскной деятельностью тщательно проверять полноту принимаемых мер при решении органами, осуществляющими указанную деятельность, задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

При участии прокурора в производстве по делу об административном правонарушении в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении ему необходимо выяснять причины административного правонарушения и условия, способствовавшие его совершению (п. 3.3.6 Приказа Генерального прокурора РФ от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» [6]). При этом во всех необходимых случаях следует ходатайствовать о внесении судьей, органом, должностным лицом, рассматривающим дело об административном правонарушении, представления о принятии мер по устранению указанных причин и условий в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам (ст. 29.13 КоАП РФ).

Большое значение с точки зрения предупреждения преступлений имеет координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Согласно п. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденного Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 [2], координация деятельности органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов, следственных органов Следственного комитета РФ и других правоохранительных органов осуществляется в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации этими органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Участие прокуроров в правотворческой деятельности имеет существенное профилактическое значение, так как зачастую благодаря ему уже на стадиях подготовки и рассмотрения нормативного правового акта устраняются возможные нарушения законов.

Приказом Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 в целях профилактики и противодействия преступности прокурорам предписано активизировать работу по разъяснению законодательства и взаимодействию с общественными и правозащитными организациями. Прокуроры должны сочетать пропаганду права с деятельностью по надзору за исполнением законов, информированием законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и общественности о состоянии законности, правопорядка и обеспечении основных гарантий и социальных прав граждан, участием в судебных процессах, обсуждением представлений об устранении обстоятельств, способствующих правонарушениям, активно используя также чтение лекций, проведение бесед, выступления в СМИ (п. 2 приказа Генерального прокурора РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» [4]). Прокуроры должны оказывать органам представительной

(законодательной), исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления, а также командованию соединений, воинских частей и учреждений, руководителям предприятий и организаций военно-промышленного комплекса содействие в разработке и реализации региональных и местных программ борьбы с преступностью, иных решений по вопросам предупреждения правонарушений с учетом состояния законности и правопорядка на соответствующей территории (п. 2.1 приказа Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7).

В рамках информационно-аналитической работы органов прокуратуры приказом Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 на прокуроров субъектов РФ, городов и районов, других территориальных, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров иных специализированных прокуратур возложена обязанность не реже двух раз в год проводить анализ состояния преступности, ее причин и условий, ей способствующих, для чего используются статистические и иные данные, сведения контролирующих органов, материалы прокурорских проверок, уголовных, гражданских и арбитражных дел, дел об административных правонарушениях, результаты проверок обращений граждан, научных исследований, сообщения СМИ, а также другие сведения, характеризующие криминогенную обстановку. По итогам анализа должны приниматься исчерпывающие организационно-распорядительные и иные меры. О фактах, требующих вмешательства федеральных органов государственной власти, прокурорам следует безотлагательно информировать Генеральную прокуратуру РФ.

Таким образом, спецификой профилактической деятельности органов прокуратуры является то, что на предупреждение правонарушений обращены, по сути, все иные направления прокурорской деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
2. Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: утверждено Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1958.
3. Приказ Генерального прокурора РФ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. 2008. № 3.
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» // Законность. 2008. № 10.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Законность. 2012. № 3.
6. Приказ Генерального прокурора РФ от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» // Законность. 2015. № 5.

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ВЫБРАННЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАХОВАНИЯ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ

/ SELECTED ASPECTS OF THE EUROPEAN SYSTEM OF INSURANCE OF BANK DEPOSITS/

Даудрих Яна / Daudrikh Yana /

Доктор философии (PhD.) Юридический факультет Университета им. Коменского в Братиславе,
Словацкая республика

/ Faculty of Law, Comenius University in Bratislava, Slovak Republic

Аннотация в статье рассматривается третий уровень банковского союза. Представлены три этапа реализации Европейской системы страхования банковских вкладов. Выделены главные проблемы EDIS на основании предложенного анализа воздействия EDIS.

Ключевые слова Европейский систем страхования банковских вкладов, валютный союз, Европейский союз.

Идея о необходимости создания банковского союза начала формироваться уже в 2008 году. Именно начавшийся кризис наглядно продемонстрировал, что тесно взаимосвязанный сектор государственного управления и банков может создать многочисленные проблемы в странах-членах валютного союза. Проблемы одной страны могут легко перейти и на остальные «здоровые» страны-члены Европейского Союза (ЕС). Именно эта проблема явилась одной из основных причин для пересмотра нынешней модели валютного союза. Благодаря созданию валютного союза удалось объединить финансовые рынки находящиеся в странах-участниках ЕС, но к сожалению осуществление надзора за их деятельностью все-таки остался только на национальном уровне.

Проблемы, возникающие из-за несоответствия между функционированием и регулированием финансовой системы, были решены путем создания трехуровневого банковского союза:

- Единый механизм банковского надзора,
- Единый механизм урегулирования банкротств банков,
- Европейская система страхования банковских вкладов.

Согласно законодательному предложению Европейской комиссии [2], Европейская система страхования вкладов (European Deposit Insurance Scheme - EDIS) будет реализоваться в три этапа:

1. Схема обеспечения (2017-2020 г.)
2. Схема совместного страхования (2020-2024 г.)
3. Схема полного страхования (с 2024 г.).

В первом этапе, национальные системы страхования банковских вкладов стран-участниц ЕС будут иметь доступ к средствам EDIS только после того, как страна-участница ЕС исчерпала все свои «домашние» ресурсы. При этом EDIS предоставляет максимально 20 процентов с недостающей части. Остальные 80 процентов страна-участница ЕС должна получить от альтернативных источников.

Во второй этапе, схема обеспечения перейдет в систему совместного страхования. Риск, перебираемый EDIS будет постепенно возрастать, начиная с 20 процентов и увеличиваться каждый год на 20 процентов вплоть до достижения 80 процентов.

В третьем этапе EDIS возьмёт на себя сто процентов риска [3].

Опубликованный анализ [1] воздействия EDIS на законодательную базу стран-участниц ЕС, подтвердил ожидаемые предположения о том, что единый фонд страхования вкладов является лучшим вариантом, чем страхование через сеть национальных схем страхования вкладов. Однако некоторые государства-члены ЕС считают данный анализ недостаточным, поскольку ему не удалось устранить основополагающие проблемы, связанные с системой EDIS, в частности создание одинаковых условий на внутренних рынках стран-участниц ЕС.

Анализ воздействия EDIS также рассматривает взаимодействие между EDIS и «правом выбора», который имеют страны-участницы ЕС. Закрепленное «право выбора» позволяет государству-члену ЕС вводить правила, отклоняющиеся от предложенного законодательного предложения Европейской комиссии (например: право выбора из двух или более вариантов). Кроме этого анализ воздействия EDIS также рассматривал размер взноса до совместного фонда страхования вкладов. В соответствии с предложенным

законодательным предложением Европейской комиссии размер взносов должен в первую очередь зависеть от вероятности использования EDIS конкретными странами-участницами ЕС. В этой связи страны-участницы ЕС потребовали закрепить методологию расчетов взносов непосредственно в постановлении EDIS.

Основной проблемой система EDIS является список кредитных организаций, спадающих до системы EDIS. В частности, кредитные организации не спадающие под конкретное постановление и директиву (Regulation (EU) No 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) No 48/2012 / Directive 2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC) автоматически не спадают под предложенное постановление EDIS. В этой связи страны-участницы ЕС разделились на две группы. Первая половина требует включения всех кредитных организаций до системы EDIS, в противном случае возникнут две отдельные системы, работающие независимо друг от друга. Другая часть настаивает на удержании трех уровней банковского союза, даже за цену возникновения двух систем страхования банковских вкладов [4].

На основании выше указанных проблем с которыми столкнулась ЕС, можно в общей сложности констатировать, что система EDIS все-таки еще не приправлена к «реальной работе». По всей видимости в будущем для «запуска» EDIS будет необходимо пересмотреть и дополнить некоторые неясные области деятельности EDIS.

Список литературы

1. Effects analysis (EA) on the European deposit insurance scheme (EDIS)
2. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 806/2014 in order to establish a European Deposit Insurance Scheme.
3. Čunderlík E., Daudrikh Y., Heseková S., Mazúr J., Rakovký P.: Právo finančného trhu. Bratislava: Wolters Kluwer, 2017.
4. Pénzeš, P., Ďuriač, D.: Aktuálny vývoj v rámci tretieho piliera bankovej únie. Biatec, roč. 25, č.1, 2017, s. 20 -23.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

Карпушкин О.С., Бондаренко М.В.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г.Орел

Проводимая военная реформа в Российской Федерации не может сегодня не затрагивать проблемы коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах и поиска средств и методов по противодействию этому негативному явлению. Проблемы противодействия коррупции в военных организациях, несмотря на принимаемые руководством страны меры, не утрачивают своей актуальности вот уже длительное время и неизбежно приводят к качественным и количественным изменениям в органах государственной охраны. Высказанная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным мысль, что «коррупция в сфере национальной безопасности – это, по сути, государственная измена» [9], отнюдь не выглядит преувеличением, а является объективной реальностью [5, С.23].

В законодательстве Российской Федерации в настоящее время правовая база в сфере противодействия коррупции активно развивается. Важнейшими программно-целевыми документами в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации являются Национальная стратегия противодействия коррупции [11], во многом учитывающая опыт реализации ФЗ «О противодействии коррупции» и Национального плана противодействия коррупции 2008 года, а также Национальный план противодействия коррупции на 2016–2017 годы. К числу особо значимых федеральных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции следует отнести ФЗ «О противодействии коррупции» [14], устанавливающий принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, меры по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Дальнейшее развитие правовых основ противодействия коррупции нашло в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [4], из которой следует, что Российская Федерация при обеспечении общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования системы мер по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений, связанных с коррупцией. В Концепции отмечается, что, несмотря на формирование в Российской Федерации соответствующих потребностям времени правовых и организационных основ противодействия коррупции, уровень распространённости этого явления продолжает оставаться высоким. Отмечаются многочисленные факты коррупционных преступлений, совершаемых против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Наблюдаются устойчивые тенденции к сращиванию интересов бизнеса и чиновников, включению в коррупционные схемы должностных лиц и представителей бизнеса иностранных государств.

В этой связи органы государственной охраны как субъекты общественных отношений, возникающих по различным направлениям, выступают в качестве носителя определенных прав, реализация которых также может быть подвержена коррупционным проявлениям. Коррупция в работе сотрудника органов государственной охраны может проявляться в злоупотреблении должностными полномочиями, авторитетом и статусом службы с целью получения личной выгоды для себя или иных лиц. Значимость противодействия нарушениям служебных норм и борьбы с ними обуславливается целью создания эффективной и действенной системы управления ФСО России как социальной организации.

ФСО России осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации функции государственного заказчика. Как свидетельствует статистика, именно при исполнении указанных полномочий выявляется наибольшее число фактов проявления коррупции и превышения должностных полномочий.

Принимая во внимание, что закупки товаров для федеральных государственных нужд представляют особый вид деятельности государства в лице уполномоченных органов по приобретению товаров (работ, услуг) за счет средств федерального бюджета и внебюджетных источников финансирования для осуществления функций и полномочий Российской Федерации, государственных заказчиков, в том числе для реализации государственных программ, для исполнения международных обязательств Российской Федерации, для регулирования отношений по поставкам товаров необходимо разрабатывать четкие (прозрачные) правила, исключающие возможность коррупционных проявлений и обеспечивающие возможность поддержания конкуренции между поставщиками товаров. Необходимо вырабатывать и совершенствовать меры, направленные на выявление и последующее устранение причин коррупции и условий ее возникновения, разрабатывать и осуществлять профилактические меры, направленные на снижение уровня коррумпированности общественных отношений, а также минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений в деятельности ФСО России.

В настоящее время с сожалением приходится констатировать, что коррупционные проявления хотя и не так распространены, как в системе органов внутренних дел, но все же, носят не эпизодический характер.

Коррупционные правонарушения сотрудников органов государственной охраны включают гражданско-правовые коррупционные деликты, дисциплинарные коррупционные проступки, административные коррупционные правонарушения и коррупционные преступления.

1. Гражданско-правовые коррупционные деликты.

К ним относятся нарушения правил дарения, предусмотренных гл. 32 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], а также нарушения порядка предоставления услуг, предусмотренных гл. 39 ГК РФ.

Согласно ст. 575 ГК РФ не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Запрет на дарение указанным лицам не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными и другими официальными мероприятиями, служебными командировками.

В тех же случаях, когда вознаграждение должностному лицу носит характер подарка и вручено должностному лицу не в связи со служебными командировками и официальными мероприятиями, оно становится взяткой.

Подарки, стоимость которых превышает три тысячи рублей, признаются соответственно федеральной собственностью, собственностью субъекта Российской Федерации или муниципальной собственностью и передаются служащим по акту в орган, в котором указанное лицо замещает должность.

Согласно ч. 2 ст. 572 ГК РФ, дарение не признается законным в случае встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства. Другими словами, если под видом подарка осуществляется плата за действия в интересах дарителя, сделка дарения считается ничтожной, а «подарок» можно признавать взяткой. При этом размер вознаграждения не имеет значения для признания содеянного преступлением. Следует обратить внимание, что государственный служащий может принимать подарки как частное лицо, т.е. не в связи с должностным положением или исполнением должностных обязанностей.

Вознаграждение считается принятым в связи с должностным положением или исполнением должностных обязанностей в следующих случаях:

- если в документах, сопутствующих вознаграждению (договор дарения, договор на приобретение имущества и др.), или подарке будет указана должность государственного служащего;
- когда вознаграждение вручено по месту работы или во время мероприятий, на которых служащий представляет соответствующий государственный орган;
- если установлена прямая или косвенная взаимосвязь между интересами дарителя и действиями государственного служащего в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Получение указанных вознаграждений близкими родственниками (супругой, родителями) в связи с должностным положением государственного служащего также может быть расценено как нарушение установленного запрета.

Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения может возникать из гражданско-правовых договоров, например, государственные контракты, договоры подряда со сторонними и иными организациями. В случае установленного умысла совершения коррупционного правонарушения, военнослужащие органов государственной охраны могут нести уголовную ответственность, которая не исключает возмещения вреда, причиненного его действиями государству, обществу и личности. Причем это возможно как в рамках уголовного дела, так и в отдельном производстве по гражданскому делу в судах общей юрисдикции.

2. Дисциплинарные коррупционные проступки.

Сотрудникам органов государственной охраны при исполнении ими должностных обязанностей не должны допускать личную заинтересованность, которая приводит или может привести к конфликту интересов. При назначении на должность и исполнении должностных обязанностей сотрудники органов государственной охраны обязаны заявить о наличии или возможности наличия у них личной заинтересованности, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение ими должностных обязанностей (п. 12 Кодекса этики и служебного поведения) [6].

В органах государственной охраны утвержден порядок [7], который определяет правила представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в подразделениях ФСО России, Академии ФСО России и организациях, находящихся в ведении ФСО России.

Сотрудникам органов государственной охраны запрещается получать в связи с исполнением ими должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги материального характера, плату за развлечения, отдых, за пользование транспортом и иные вознаграждения). Подарки, полученные государственными служащими в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и другими официальными мероприятиями, признаются соответственно федеральной собственностью и передаются государственными служащими по актам в подразделения федеральных органов государственной охраны, в которых они замещают должности государственной службы, за исключением случаев, установленных законодательством Российской Федерации (п. 15 Кодекса этики и служебного поведения) [6].

Военнослужащие органов государственной охраны, проходящие военную службу по контракту, а также федеральные государственные гражданские служащие ФСО России в случае склонения их к совершению коррупционных правонарушений обязаны незамедлительно в срок не более трех рабочих дней письменно уведомить об этом руководителя подразделения органов государственной охраны, имеющего право заключать контракты с военнослужащими (гражданами) о прохождении военной службы в органах государственной охраны [8].

Военнослужащие и гражданский персонал органов государственной охраны могут быть уволены со службы или с работы, в случае если они занимаются предпринимательской деятельностью (п. 8 ч. 5 ст. 18

Федерального закона) [12]. Нарушение данных запретов и установленных правил будет являться дисциплинарным коррупционным проступком.

3. Административные коррупционные правонарушения.

Повышенное внимание в военных организациях в последнее время уделяется порядку размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственного или муниципального контракта. Данные правоотношения регулируют ГК РФ и Бюджетный кодекс Российской Федерации [1], а также Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и другие нормативные правовые акты. За невыполнение соответствующих правил ст.ст. 7.29 – 7.32, 7.32.1, 19.5.7, 19.7.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] предусматривается административная ответственность.

Следует упомянуть о статьях КоАП РФ, в которых четко прослеживается коррупционная составляющая, но за нарушение которых военнослужащие органов государственной охраны несут дисциплинарную ответственность. Административные правонарушения, за которые военнослужащие, в соответствии с КоАП РФ, несут дисциплинарную ответственность, относятся к категории грубых дисциплинарных проступков [13]. К ним относятся: мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ); нецелевое использование бюджетных средств (ст. 15.14 КоАП РФ); незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ); незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего (ст. 19.29 КоАП РФ). Отдельно следует упомянуть ст. 19.28 КоАП РФ, предусматривающую ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Указанная статья имеет существенное значение в противодействии коррупции в целом, предупреждая о существующей ответственности за коррупционные правонарушения, совершаемые юридическими лицами.

4. Коррупционные преступления.

Уголовный кодекс Российской Федерации [10] к коррупционным преступлениям относит следующие деяния: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ); дача взятки (ст. 291 УК РФ); посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ); мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ), а также иные деяния, подпадающие под понятие «коррупция».

Как было сказано выше, наиболее часто коррупционные проявления связаны с получением в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц, так называемых подарков. Если передача подарка сопряжена с выполнением каких-либо конкретных действий (бездействия) государственным служащим с использованием своего служебного положения в интересах дарителя, то получение такого подарка образует состав уголовно-наказуемого деяния и возникает необходимость рассмотрения вопроса о привлечении виновных к уголовной ответственности. При этом размер вознаграждения не имеет значения для признания содеянного преступлением.

Самые серьезные правонарушения, связанные с коррупцией, как правило, совершают более зрелые сотрудники. Сотрудники начальствующего состава обладают значительным объемом полномочий, определенным опытом работы, знанием законодательства, что позволяет коррупционерам осуществлять свою противоправную деятельность на высоком интеллектуальном уровне и довольно длительный период времени. Эффективной мерой противодействия коррупции будет являться плановая ротация руководящих кадров.

Повышенные требования в настоящее время предъявляются и к облику сотрудника органов государственной охраны. Так, Кодекс этики и служебного поведения определяет требования к антикоррупционному поведению государственных служащих. К коррупционно опасному поведению относится действие или бездействие сотрудника органов государственной охраны, которое в ситуации конфликта интересов создает предпосылки и условия для получения им корыстной выгоды и (или) преимуществ, как для себя, так и для иных лиц, организаций, учреждений, чьи интересы прямо или косвенно отстаиваются сотрудником, незаконно использующим свое служебное положение. Коррупционно опасной является любая ситуация в служебной деятельности, создающая возможность нарушения норм, ограничений и запретов, установленных для сотрудника органов государственной охраны

законодательством Российской Федерации. Независимо от занимаемого служебного положения сотруднику органов государственной охраны следует предпринимать меры антикоррупционной защиты, состоящие в предотвращении и преодолении коррупционно опасных ситуаций и их последствий.

Руководителям структурных подразделений ФСО России необходимо активизировать работу по формированию у сотрудников отрицательного отношения к коррупции, каждый установленный факт коррупции представлять к рассмотрению на заседаниях аттестационной комиссии или комиссии ФСО России по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов; обеспечить контроль за выполнением сотрудниками обязанности сообщать в случаях, установленных федеральными законами и ведомственными правовыми актами, о получении ими подарков в связи с их служебными (должностными) обязанностями; принимать необходимые организационные, разъяснительные и иные меры по соблюдению сотрудниками ограничений и запретов, а также по исполнению ими обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции; проводить мероприятия по формированию у сотрудников негативного отношения к дарению подарков в связи с их служебными (должностными) обязанностями; принимать организационные, разъяснительные и иные меры по недопущению сотрудниками поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в посл. ред.) // СЗ РФ. 1988. № 31. Ст. 3823.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в посл. ред.), часть 2 // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 4.12.2001 № 195-ФЗ (в посл. ред.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685).
6. Кудашкин А.В. Противодействие коррупции в военной организации государства / под общ. ред. А.В. Кудашкина. – М.: 2012. Вып. 131.
7. Приказ ФСО России от 18.03.2011 № 130 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих и военнослужащих федеральных органов государственной охраны и внесения изменений в нормативные правовые акты ФСО России». Текст документа опубликован на сайте <http://www.fso.gov.ru>
8. Приказ ФСО России от 11.08.2014 № 414 «Об утверждении Порядка представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в органах государственной охраны» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.09.2014 № 34018).
9. Приказ ФСО России от 06.10.2010 № 491 «Об утверждении Порядка уведомления государственными служащими федеральных органов государственной охраны о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 15.11.2010 № 18964).
10. Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.
11. Уголовный Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в посл. ред.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» (в посл. ред.) // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.
13. Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» (в посл. ред.) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
14. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в посл. ред.) // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
15. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в посл. ред.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Шумакова Е.В.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь.

Принудительные меры административного пресечения в механизме правоохраны занимают особое место, урегулированы нормами административного права, имеют достаточно широкое применение в качестве правоохранительных средств, и составляют содержание института административно-правового пресечения. Отличительные признаки принудительных мер административного пресечения связаны с целями, основаниями их применения и особенностями принудительного характера воздействия. Меры принуждения позволяют активно влиять на предотвращение правонарушений, на ликвидацию иных вредных последствий. В этот состоит их особая значимость.

К группе мер пресечения административных правонарушений в области охраны общественной безопасности относятся: непосредственное воздействие на правонарушителя, не прекращающего неправомерное поведение, несмотря на обращенное к нему требование; доставление; административное задержание; конфискация имущества; отстранение от управления транспортным средством; задержание транспортного средства; временный запрет деятельности; закрытие предприятий и учреждений.

Основанием применения принудительных мер административного пресечения выступает не определенное правонарушение, посягающее на общественную безопасность, а наступление особых условий, установленных законодательством, как связанных, так и не связанных с противоправным поведением лица, к которому данные меры применяются.

Это приобретает особое значение в сфере общественной безопасности в силу ее специфичности как объекта административно-юридической защиты. Так, основанием применения отдельных предупредительных мер выступает неоднократное нарушение лицом установленных законом правил, которое влечет, например, аннулирование или приостановление лицензии на занятие частной охранной и детективной деятельностью, аннулирование разрешения на ношение и хранение огнестрельного оружия. Такие меры применяются к лицам в связи с ранее совершенными ими правонарушениями, посягающими на общественную безопасность.

Угроза личной и общественной безопасности граждан, а также угроза причинения материального ущерба может возникнуть не только при совершении правонарушения, посягающего на общественную безопасность, но и в результате ситуаций, возникающих помимо воли человека, при которых требуется применение мер запретительного (административно-ограничительного) характера в отношении лиц, прямо не связанных с возникновением неблагоприятной ситуации. Это могут быть пожары, наводнения, эпидемии, аварии, эпизоотии, повреждения дорожного полотна, обрывы электропроводов высокого напряжения, газопроводов, совершение или возникновение угрозы террористического акта и т.п. При наличии условий, предусмотренных гипотезой соответствующей правовой нормы, полномочный орган или его должностные лица вправе применять административно-предупредительные меры, в том числе к лицам, не нарушившим правовых предписаний. В этом заключается главное отличие этой разновидности мер административного принуждения, характеризующее профилактический, превентивный характер их применения [2].

Наиболее распространенным условием или основанием применения этих мер выступают юридические презумпции, т.е. реальные предположения о возможности совершения определенным субъектом правонарушения, посягающего на общественную безопасность, в отношении которого такие меры и применяются.

Меры административного пресечения используются как средство принудительного прекращения правонарушений и предотвращения их вредных последствий. Эти меры направлены на принудительное прекращение противоправного поведения, недопущение, устранение вредных его последствий, на создание условий для возможного привлечения виновных лиц к административной ответственности. По своей цели меры административного пресечения отличаются от административных взысканий и административно-предупредительных мер. Главная их цель состоит в прекращении противоправного поведения, устранении противоправной ситуации, принуждении правонарушителя вести себя правомерно, в рамках, установленных правил.

На основе общепризнанно истинных юридических предположений меры пресечения гарантируют вероятность предупреждения противоправных деяний либо других неблагоприятных последствий, спровоцированных юридическими фактами, несущими опасность общественной безопасности и общественному порядку.

Исключительно существование действительной либо возможной опасности для граждан, общественной безопасности, а вместе с тем общественному порядку признается основанием использования мер административного пресечения. Иначе говоря, необходимо наступление установленных законом условий, не обязательно, но возможно сопряженных с противоречащими установленным нормам права действиями лица, в отношении которого планируется применяться либо применяется вышеназванная мера.

Д.Н. Бахрах считает, что бесосновательное увеличение перечня принудительных мер административного предупреждения, следствием которого является неестественное расширение границ государственного принуждения, недопустимо [3].

Доставление, то есть принудительное препровождение физического лица для составления протокола об административном правонарушении, если это невозможно сделать на месте осуществляется при нарушении норм статей 20.3, 20.5, 20.8, 20.13, 20.17 - 20.22 [1]. Обычно к такой мере прибегают, если есть необходимость установить личность правонарушителя.

Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица осуществляется за нарушение норм статей частями 1 и 4 статьи 20.25. Срок данной меры не может превышать трех часов и начинается с момента, когда правонарушитель доставлен в ОВД. А для лиц, находящихся в алкогольном опьянении, начинается после их отрезвления.

Отстранение от управления транспортным средством выражается в запрещении управления транспортным средством лица и в запрете эксплуатации. По своей сути отстранение от управления транспортным средством заключается в лишении специального права на неопределенный срок.

Временный запрет деятельности заключается в кратковременном прекращении деятельности филиалов, представительств, структурных подразделений юридического лица, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг. Данная мера представляет собой особую значимость для юридических лиц. Временный запрет применяется в исключительных случаях, если необходимо предотвращение вреда или угрозы причинения вреда. Применяется за нарушение статей 6.3, 6.4, 8.2, ч.4 ст.14.1, ч.3 ст.14.4.2.

Анализ действующего административного законодательства позволяет сделать вывод о том, что основанием для применения мер принуждения являются не только правонарушения, посягающие на общественную безопасность, а главным образом, возможность причинения вреда общественным отношениям, при наличии угрозы, исходящей от человека, животного или природной стихии. Меры административного пресечения в основном направлены на принудительное предотвращение административного правонарушения и имеют своей главной целью прекращение противоправного деяния.

Список источников и литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 03.04.2018 г. // Консультант Плюс: комп. справ.правовая система [Электронный ресурс]. - URL:<http://www.consultant.ru/>. - (Дата обращения: 24.04.2018).
2. Бабурин С.В. Административное право: учебник / С.В. Бабурин, И.В. Малышева, Г.Н.
3. Сулова, Е.А. Крылова. – М.: Щит, 2014. С. 54.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник, 5-е изд., перераб. И доп. М: Эксмо, 2010. С. 607.
5. Шумакова Е.В. Актуальные вопросы проведения осмотра в рамках производства по делам об административных правонарушениях // В сборнике: Актуальные вопросы науки и практики. Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. 2017. С. 226-229.
6. Шумакова Е.В., Асрян Т.Ю. Отдельные аспекты правового регулирования задержания и доставления лиц, совершивших административные правонарушения // В сборнике: Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества. Сборник научных трудов по итогам региональной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД РФ. 2017.

СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Шапиев И.М.

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

Острая проблема в российском законодательстве - проблема обеспечения исполнения судебных актов. С принятием в 1997 году новых федеральных законов «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» существующая исполнительная система качественно изменилась. Существует реальная, законная возможность для исполнения судебных актов. Однако со временем были выявлены значительные проблемы в реализации этих законов.

Европейский суд по правам человека отметил, что: «Суд повторяет, что статья 6 § 1 Конвенции поручает каждому право обратиться в суд в случае возникновения спора о его гражданских правах и обязанностях и, таким образом, включает в себя» право на суд ", одним из аспектов которого является право доступа к правосудию, которое является правом возбуждать дела в судах по вопросам гражданско-правового характера, но такое право было бы иллюзорным, если бы правовая система государственных участников допускает, что судебное решение, вступившее в силу и подлежащее исполнению, останется неисполненной в отношении одной стороны в ущерб ее интересам.

Не исключено, что статья 6 § 1 Конвенции, в которой подробно описаны процессуальные гарантии сторон - справедливое, публичное и разумное судебное разбирательство, не будет обеспечивать защиту исполнения судебных решений; толкование статьи 6 Конвенции исключительно в рамках обеспечения только права обжалования в судах и процедуры судебного разбирательства, скорее всего, приведет к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права, который государства-участники Европейского Конвенция обязуется соблюдать, подписывая Конвенцию.

На сегодняшний день, когда гражданин получает исполнительный лист, выданный на основании решения суда находится в неведении будет оно исполнено или нет. Исполнение судебного решения, принятого любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как составляющая "судебного разбирательства" по смыслу статьи 6 Конвенции"[1].

Таким образом, проблемы исполнительного производства - это один из актуальных проблем реализации права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2].

Проведя анализ в этой области, можно указать много отрицательных моментов, что надлежащего исполнения судебных решений нет, это факт. На сегодняшний день это одна из основных проблем не только судебной власти и всего нашего государства. В результате существует целая цепь действий, если решения судов не исполняются, вследствие этого не исполняются законы, если законы не исполняются, наступает преступление. Если это произойдет, государство не в состоянии выполнить ни одну из задач в области экономических преобразований и стабилизации, ни в области преодоления преступности. Необходимо структурно перестроить всю систему права и кодификацию норм, регулирующих исполнительные производство.

В связи с тем, что законодатель не находит эффективных средств для повышения эффективности реального исполнения решений, судебных и других органов, мы попытаемся проанализировать положение дел этого тематического учреждения в странах с более развитой экономикой, высокий уровень правовой осведомленности и правовой культуры.

Как справедливо заметил В.В. Авдеев, к сожалению, добровольное исполнение судебных решений пока не стало неотъемлемой частью правовой культуры всех граждан. «Чтобы завершить процесс восстановления нарушенных прав и свобод, государство создает специальные службы и регулирует их деятельность. В каждой стране существует свое исполнительное производство, по-разному называются органы принудительного исполнения судебных актов»[3].

Исследуя английское исполнительное право, С.И. Гладышев резюмирует, что исполнительное производство Англии в большей степени защищает интересы взыскателя. По его мнению, английский вариант более приспособлен к рыночным отношениям, а отдельные его инструменты могут быть использованы при доработке российского механизма исполнительного производства[4].

Как отмечает М.К. Мамедова в своей практике в Республике Дагестан существует проблема, связанная с невыплатой алиментов. Работникам службы судебных приставов приходится прибегать к различным методам и способам в своей работе. Так, например, Духовное управление мусульман Дагестана вплотную взялось за работу в этом направлении с целью оказания посильной помощи детям и их родителям. В настоящее время функционирует Общедагестанский благотворительный фонд «Справедливость и милосердие». В основном этот фонд занимается вопросами детей-сирот, круглых сирот, «сирот» при живых родителях, брошенных после развода на произвол судьбы. Такие дети, соответственно, попадают в негативную среду, не получают должного воспитания и, естественно, родители, в основном, матери, обращаются за помощью к имамам мечетей, в Духовное управление, ходят с письмами, плачут, требуют помощи. Также имамы, которым поручили заниматься этими вопросами, со своими помощниками изучают обстановку, отправляются домой к каждому человеку, который не выплачивает алименты, и проводят с ним разъяснительную работу, объясняя положение ислама в этом вопросе. Как рассказывают имамы, причиной отказа выплаты алиментов у многих людей является принципиальность. После беседы и объяснения причин они соглашались в дальнейшем выплачивать алименты. Есть много случаев в разных районах, когда люди не знали шариатского решения по этому поводу и теперь готовы выплачивать алименты, то есть большинство людей с пониманием относятся к такому подходу. Матери тоже проявляют радость и искреннюю благодарность, говорят, что никто до сих пор не заботился о них, к ним не подходили и не спрашивали об их нуждах и потребностях [5].

Исходя из этого, предлагается усилить частноправовой характер регулирования исполнительного производства в России путем внесения поправки, согласно которой инструкции взыскателя являются обязательными для исполнителя судебных исполнителей. Это позволит взыскателю направлять работу судебного пристава, поскольку в Англии исполнительный орган действует в соответствии с инструкциями взыскателя, которые имеют для него первостепенное значение. В России действия исполнительного органа определяются законом, а участие взыскателя сводится к роли пассивного наблюдателя для проведения исполнительного производства.

С таким предложением нельзя согласиться. Низкий уровень правовой культуры граждан, с одной стороны, загрузка судебных приставов исполнительными документами, не позволит обратить внимание на каждого взыскателя, особенно следовать их инструкциям и координировать свои действия под контролем взыскателя, в связи с чем задачи, указанные в ст. 2 Закона «Об исполнительном производстве», в такой ситуации становятся недостижимыми.

Следует обратить внимание на другое позитивное предложение С.И. Гладышева об установлении прогрессивного размера вознаграждения по примеру расчета госпошлины при обращении истца в суд (за исключением исполнения решений о взыскании алиментов, ущерба от потери трудоспособности и любых иных взысканий социального назначения, а также по исполнительным листам неимущественного характера). Прогрессивный размер вознаграждения судебного пристава-исполнителя должен увеличиваться и находиться в прямой зависимости от размера подлежащей к взысканию суммы и от размера реально взысканной суммы, т.е. чем больше размер суммы взыскания по исполнительному листу, тем выше будет размер возможного вознаграждения. Однако размер получаемого приставом вознаграждения должен быть пропорционален реально взысканной приставом в пользу кредитора сумме, т.е. находиться в пропорциональной зависимости от результативности конкретного исполнительного производства[6].

Действительно, это предложение рационально. Загруженность судебных приставов, недостойные зарплаты в настоящее время не вызывают «активного действия», продуктивной работы. Внедрение прогрессивной суммы вознаграждения будет стимулировать деятельность работников ФССП, повысить ее эффективность.

В настоящее время в России действует централизованная система исполнения судебных актов - практически все действия по реализации судебных актов осуществляются должностными лицами службы судебных приставов (за некоторыми исключениями: например, согласно ст. 8 ФЗ «Об исполнительном производстве» некоторые полномочия делегированы кредитным организациям). В европейских государствах успешно функционируют как негосударственная система принудительного исполнения

(например, во Франции, Нидерландах, Польше), так и государственная (например, в Австрии, Германии, Швеции) [7].

Это показывает, что государственная система принудительного исполнения также может быть эффективной. Однако в условиях, существующих в нашей стране, будет проблематично быстро достичь эффективности государственной системы исполнения. В ближайшем будущем невозможно создать модернизированную систему государственного исполнения, поскольку в первую очередь необходимо увеличить количественный состав ФССП РФ и повысить квалификацию своих сотрудников, что занимает много времени. Поэтому для решения проблем в области правоприменения невозможно избежать привлечения частных лиц.

Также, существуют такие модели исполнительного производства, в которых почти все вопросы, связанные с процессом исполнения, обрабатываются взыскателем или его представителем, а деятельность судебного пристава или суда сводится к тому, что в некоторых случаях они разрешают любые действия взыскателя (например, система действует в Республике Казахстан). Делегирование некоторых или всех полномочий по исполнению судебных актов осуществлялось также в ряде других стран (в Прибалтийских республиках, Франции, США, Канаде). Эта система, как показывает опыт зарубежных стран, более эффективна, она будет обеспечивать более высокую мотивацию для деятельности лиц, участвующих в исполнении, снизить бюджетные расходы и обеспечить своевременное и лучшее исполнение судебных и других юрисдикционных актов должниками.

Но, несмотря на установленные плановые показатели Федеральной службы судебных приставов России по исполнению исполнительных документов фактическим исполнением (исполнение решения суда в полном объеме) – не менее 80 %, из 100 % предъявленных исполнительных документов, на практике будет исполнено в полном объеме 50 %.[8]

Анализируя работу ФССП Республики Дагестан по официальным данным из информационно-аналитического обзора о деятельности Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Дагестан за 2016- 2017 год можно сделать выводы:

По тематике поступившие на рассмотрение обращения граждан распределяются следующим образом:

	Количество обращений, поступивших на рассмотрение в Управление за IV квартал 2017 года		Количество обращений, поступивших на рассмотрение в Управление за IV квартал 2016 года	
	количество	%	количество	%
1	2	3	4	5
взыскание денежных средств	531	47	587	52
о взыскании алиментов	210	19	245	22
по другим вопросам	296	26	226	20
по жилищным спорам	48	4	54	5
по трудовым спорам	22	2	19	1
о временном ограничении на пользование специальным правом	4	1	0	0
вопросам, не относящимся к компетенции ФССП России	2	1	0	0

Исходя из результатов анализа, уменьшилось количество заявок на возмещение алиментов, сбор средств и по жилищным спорам и увеличение числа заявок на трудовые споры по другим вопросам, временное ограничение на использование специального права и вопросов, не входящих в компетенцию ФССП России

В отчетном периоде по вопросам исполнения решений судов о взыскании алиментов поступило 210 (или 19 %) обращение против 245 (или 22 %) за АППГ.

Основной причиной получения заявок этой категории является отсутствие собственности должников (физических и юридических лиц), в том числе денег, за которые может быть наложен штраф по закону. Число обращений по другим вопросам (обстоятельствам) составило 296 обращений (или 26%) против 226 обращений (или 20%) для АППГ.

Среди актуальных вопросов остается неисполнение судебных решений о предоставлении жилья, в том числе военнослужащих, сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за которые в прошлом году было подано 48 обращений (или 4%) против 54 обращений (или 5%) за АППГ.

С учетом роста числа жалоб, поданных в Управление, нельзя игнорировать увеличение объема исполнительных документов, которые были представлены на исполнение. Таким образом, рост исполнительных документов характеризуется следующим образом: за 2016 год — 941 145 исполнительных документов, за 2017 год — 1 431 432 (прирост 34 %). Из этого следует, что если в 2016 года одно обращение приходилось на 832 исполнительных производств, то в 2017 года одно обращение приходится уже на 1 286 исполнительных производств [9].

Исполнение судебных решений - заключительный этап гражданского процесса, суть которого заключается в том, чтобы заставить ответчика совершить определенные действия: восстановить нарушенное право, погасить долг и т. Д. Эта процедура применима к принудительным судебным актам на основе исполнительного листа или судебного приказа. Главным исполнителем в этом случае является судебный пристав. Как показывает практика, юридические услуги по возбуждению и ведению исполнительного производства не менее востребованы, чем представительство в суде.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека по делу "Бурдов (Burdov) против России" от 7 мая 2002 г. // [Электронный ресурс]. URL.: [http:// www.echr.ru/documents/doc/12027283/12027283.htm](http://www.echr.ru/documents/doc/12027283/12027283.htm) (дата обращения: 13.02.2018).

² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // URL: <http://www.coe.ru/main/echr/> (дата обращения: 13.02.2018).

³ Авдеев В.В. Исполнительное производство в зарубежных странах // Наука и практика. 2010. № 1 (42). С. 6.

⁴ Гладышев С.И. Исполнительное производство в английском и российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4.

⁵ Мамедова М.К. Проблемы исполнения решений судов по делам о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей (сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства)// Юридический Вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Вып 3. С 82-86.

⁶ Гладышев С.И. Исполнительное производство в английском и российском праве. дисс., кан.юрид.наук. Москва, 2001.

⁷ Рассохина А. А., Проданова А. А. Некоторые проблемы исполнительного производства в Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. №21. С. 656-658.

⁸ Курбангалеева Л. А. Вопросы исполнения решения суда // Актуальные вопросы юридических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.с. 123-125.

⁹ Информационно-аналитический обзор о деятельности Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Дагестан за 2016- 2017 г

Список литературы

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // URL: <http://www.coe.ru/main/echr/> (дата обращения: 13.02.2018).
2. Постановление Европейского суда по правам человека по делу "Бурдов (Burdov) против России" от 7 мая 2002 г. // [Электронный ресурс]. URL.: [http:// www.echr.ru/documents/doc/12027283/12027283.htm](http://www.echr.ru/documents/doc/12027283/12027283.htm) (дата обращения: 13.02.2018).
3. Авдеев В.В. Исполнительное производство в зарубежных странах // Наука и практика. 2010. № 1 (42). С. 6.
4. Гладышев С.И. Исполнительное производство в английском и российском праве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4.
5. Курбангалеева Л. А. Вопросы исполнения решения суда // Актуальные вопросы юридических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, ноябрь 2012 г.с. 123-125.
6. Мамедова М.К. Проблемы исполнения решений судов по делам о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей (сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства)// Юридический Вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Вып 3. С 82-86.

7. Рассохина А. А., Проданова А. А. Некоторые проблемы исполнительного производства в Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. №21. С. 656-658.
8. Информационно-аналитический обзор о деятельности
Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Дагестан за 2016- 2017 г.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД

Январь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2018г.

Февраль 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2018г.

Март 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2018г.

Апрель 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2018г.

Май 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2018г.

Июнь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2018г.

Июль 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2018г.

Август 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2018г.

Сентябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2018г.

Октябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2018г.

Ноябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2018г.

Декабрь 2018г.

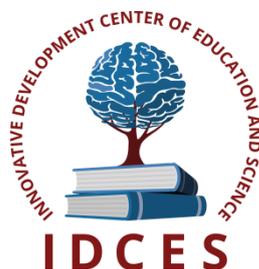
V Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2019г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 мая 2018 г.)**

г. Омск

2018 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки (ИЦРОН),
603086, г. Нижний Новгород, ул. Мурашкинская, д. 7.

Подписано в печать 10.05.2018.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,9.
Тираж 250 экз. Заказ № 051.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.